

СВИДЕТЕЛЬ

Джош Мак-Дауэлл

Ему казалось, что он знал истину;
так почему же ему приходилось бежать?

СВИДЕТЕЛЬ

Джош Мак-Дауэлл

Ему казалось, что он знал истину;
так почему же ему приходилось бежать?

Перевод: Макаров В. М.
Редакция: Макарова Э. Б., Филипчук С.В.,
Наконечный П.В.

Originally published in English under the title
The Witness by Josh McDowell.
© 2006 by Josh McDowell.

© 2010 by OM EAST for the Russian edition.
www.east.om.org
Translated by permission. All rights reserved.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дочери не было в живых. Жена пропала. Рафик Рэмзи опасался и за свою собственную жизнь.

— Осталось только два дня, — сказал этот немолодой человек, меряя шагами роскошную гостиную своей богатой квартиры в Монте-Карло и куря одну сигарету за другой, явно предпочитая смерть от рака легких гибели от бомбы или пули наемного убийцы. — Перед вашим приходом я получил еще одно письмо. Они говорят, что, если до пятницы я не отправлю еще денег, они убьют Клодетт и займутся мной. Поэтому прошу вас, мистер Аккад, скажите, что вы принесли хорошие новости, иначе я этого не выдержу.

— Сколько они хотят на этот раз?

— Двадцать пять миллионов, — сказал Рэмзи. — Вдобавок к одиннадцати миллионам евро, которые я уже заплатил.

Для обычного человека это была огромная сумма. Но семидесятидевятилетний Рэмзи не был обычным человеком. Полгода назад он продал за 563 миллиона евро французскому конгломерату свою компанию «Блю Найл Холдингз», которую они с покойным братом основали в 1963 году. И теперь он был одним из состоятельнейших людей в Египте и живой легендой деловой элиты Северной Африки и Ближнего Востока.

Марван Аккад присел на длинный диван из дорогой итальянской кожи и стал обдумывать ситуацию. В каком-то смысле Рэмзи — идеальный клиент: он стар, богат и напуган. Именно на таких людей и был рассчитан бизнес Аккада.

Но, занимаясь этим делом, он везде сталкивался с проявлениями человеческой порочности — жадностью, коррупцией, шантажом, убийствами. Он не мог сказать ничего утешительного этому несчастному старику, у

которого отняли двух самых дорогих для него людей. Он думал, не пора ли раз и навсегда уйти из секьюрити.

Аккад допил эспрессо и посмотрел на сверкающую гладь Средиземного моря. Солнце садилось, и закат отражался в окнах роскошных квартир на побережье. Он подумал, что сказали бы родители о его теперешнем образе жизни — о вертолетах, лимузинах, костюмах от Армани и жилетах из кевлара. Чем больше риск, тем больше денег. Разве не в этом суть успешного бизнеса?

Он знал, что сказала бы мать. Она когда-то умоляла его после армии уехать из Бейрута, стать врачом или инженером, найти Ранию и обосноваться в Париже. Она хотела, чтобы его жизнь была безопасной и спокойной, чтобы у него были сыновья, которые бы выросли и занимались каким-то мирным и успешным делом. Но он был глуп и не слушал ее. Могла бы она представить, что он будет помогать богачам возвращать их жен, захваченных вымогателями и наркомагнатами, вывозить клиентов из Багдада, Мосула или Фаллуджи?

— Новости есть, — наконец сказал Марван Аккад. — Но, боюсь, нехорошие.

— О Клодетт? — потребовал ответа Рэмзи. — Эти звери что-то сделали с ней? Я убью их! Клянусь вам, мистер Аккад, я не успокоюсь, пока не выслежу их и не заставлю страдать.

Аккад отрицательно помотал головой.

— Дело касается Клодетт, но это не то, что вы думаете. Пожалуйста, сядьте.

— Скажите, что вам известно.

— Я скажу, мистер Рэмзи. Но, прошу вас, сядьте, и я все вам расскажу.

Рэмзи, массивный человек, чье здоровье очень ослабело за последние две недели, тяжело опустился в кресло и закурил очередную сигарету. В его воспаленных глазах было нетерпеливое ожидание. Он наклонился вперед.

— Прощу вас, мистер Аккад, не играйте со мной. Не тяните.

Аккад кивнул.

– Мистер Рэмзи, что вы знаете о Сан-Паулу?

Вопрос озадачил старика.

– Вы имеете в виду город в Бразилии?

– Да.

– Ничего не знаю, – Рэмзи пожал плечами. – А почему вы спрашиваете?

– Действительно ничего не знаете? – продолжал настаивать Аккад.

– А я что-то должен знать?

– Есть ли там представительства или заводы «Блю Найл»?

– Нет.

– И никто из вашего руководства не приехал оттуда?

– Нет.

– Может быть, кто-нибудь из сотрудников – из тех мест?

– Думаю, нет.

– А вы бывали в Сан-Паулу по делам?

– Говорю вам, нет.

– А в отпуске с женой?

– В каком отпуске? – фыркнул Рэмзи. – Я занятой человек.

– Не ездила ли зачем-то в Сан-Паулу миссис Рэмзи одна?

– Конечно, нет.

– Вы абсолютно уверены?

– Я не понимаю, что...

– Вы уверены, мистер Рэмзи? – настаивал на ответе Аккад. – Подумайте хорошенько.

Рафик Рэмзи встал и снова стал ходить по комнате, затягиваясь сигаретой.

– Вообще-то, она могла там бывать, – после паузы сказал он.

– Расскажите мне об этом.

– Рассказывать почти нечего, – сказал Рэмзи. – Кузина Клодетт однажды была замужем за бразильцем. Это продолжалось где-то полгода, и они развелись.

– Вы ездили на свадьбу? – спросил Аккад.

— Я нет, но Клодетт ездила. И ей не понравилось. Я имею в виду Сан-Паулу. Слишкомлюдно и слишком шумно. Как Нью-Йорк, но без его шарма, как сказала она.

— А когда была свадьба?

— Не знаю, может быть, года 3-4 назад, — ответил Рэмзи, наливая себе у бара. — А что? К чему все эти вопросы?

Аккад наклонился, открыл портфель, вынул из него большой конверт и протянул Рэмзи.

— Что это? — спросил старик, сделав глоток мартини.

— Откройте, — сказал Аккад. — Увидите.

Рэмзи какой-то момент смотрел на Аккада, затем поставил стакан и, подойдя, взял конверт и медленно открыл его. Вынув черно-белый снимок 20X25, он побледнел, и на его лице отразилось полнейшее недоумение. У него в руках была фотография жены, сделанная, согласно дате съемки на ней, два дня назад. В отличие от предыдущих фотографий, присланных с требованиями выкупа, на этой жена не была связана. Во рту у нее не было кляпа. Она сидела за столом в каком-то учреждении и разговаривала с клерком или управляющим.

— Я... не понимаю, — наконец смог произнести Рэмзи слабым голосом, и руки его дрожали. — Что это? Где сделали эту фотографию?

— Эта фотография была сделана скрытой камерой в банке в Сан-Паулу, — пояснил Аккад. — Ваша жена снимает деньги, которые вы отправили в качестве выкупа.

Рэмзи явно было трудно переварить информацию.

— Что вы говорите, мистер Аккад? — наконец сказал старик. — Что моя жена... Вы думаете, она все это запланировала? Что она меня предала?

Аккад ничего не ответил. Он ждал, чтобы горькая правда дошла до сознания клиента, перед тем как предложить ему план действий. Но он не успел это сделать. Раздались два выстрела, зеркальные стекла разлетелись. Старик упал, и изо рта у него вытекла струйка крови. Рафик Рэмзи был мертв, и Марван Аккад опасался, что на очереди — он.

Марван укрылся за массивным дубовым столом. Звучали новые выстрелы, вдребезги разбивая посуду и рамы картин. Осколки разлетались в разные стороны.

В комнату вбежали двое вооруженных охранников Рэмзи, но они были убиты, не успев определить местоположение снайпера, не говоря уже о том, чтобы открыть ответный огонь.

Марван схватил телефон, но линия была обрезана. Потянувшись за пистолетом, он вспомнил, что на входе его отобрала охрана. Над головой вдребезги разлетелась коллекция древних ваз. Пули разрывали мебель вокруг.

Здесь нельзя было оставаться. Убийцы Рэмзи наверняка пользовались оптическим прицелом. Они знали, что он в комнате, и знали, где именно.

Марван откатился влево и подполз к убитым телохранителям. Стрельба усилилась. Он схватил их оружие и, захватив снимок жены Рэмзи, через открытую дверь нырнул в прихожую.

Из лифта вышли еще два охранника.

– Ложись! Ложись! – крикнул Марван.

Следовали новые выстрелы. Первый охранник бросился на пол. Второму не повезло. В него попали две пули, и он застонал от боли.

– Быстро, мистер Аккад, на лестницу! – крикнул первый охранник, пытаясь как-то помочь своему товарищу, но ему, похоже, помощь уже была не нужна.

Марван последовал совету и побежал к лестнице с пистолетами наготове: его могли ждать там. Все было

чисто. Он пробежал десять пролетов вниз, мысли были в беспорядке.

Марван вбежал в холл — вдруг его водитель еще здесь. Он стал высматривать в толпе знакомое лицо, но не нашел. Были слышны полицейские сирены и пожарная тревога. Люди кричали. Было настоящее столпотворение. Но стрельба прекратилась — во всяком случае, пока.

— Мистер Аккад! — кто-то позвал его из толпы.

В здание вбегали охранники и агенты в штатском. Множество жильцов выходили из лифтов, на их лицах была паника. Знакомого никого не было, но он снова услышал тот же голос.

— Мистер Аккад, я здесь!

Обернувшись, он увидел, что к нему бежит его водитель — маленький, добродушный человек.

— Мистер Аккад, — запыхавшись, произнес тот, — вам нужно уезжать отсюда. Подождите здесь, я схожу за машиной.

— Я пойду с вами, — сказал Марван.

— Нет, нет, месье, — настаивал водитель. — Я тут же вернусь.

И он уже шел к выходу, лавируя в скоплении людей, стремящихся покинуть жилой комплекс, один из самых фешенебельных и престижных в Монако.

Марван не собирался спорить. Ему было о чем подумать. Знали ли Клодетт Рэмзи и ее сообщники, что он следит за денежными переводами? Знают ли они, что он вышел на Сан-Паулу? Убили ли Рафика Рэмзи, чтобы не дать ему пойти по этому следу? Но как это может быть? Ведь он рассказал об этом Рэмзи буквально за минуту до убийства?

Рэмзи нанял агентство «Аккад и партнеры» десять дней назад. До этого многие годы его безопасностью занималась парижская фирма. Он обратился к компании Аккада уже после смерти дочери и исчезновения жены и просил только расследовать эти преступления. Марван предложил дать еще людей или полностью заменить своими людьми французских телохранителей, но Рэмзи отказался. Он не

хотел вносить заметных изменений, которые могли бы встревожить вымогателей и отразиться на их обращении с его женой, которую он очень любил. И это была роковая ошибка.

Марвин видел, как с разных сторон съезжаются полицейские и прочие машины, и понимал, что не задержатся и сотрудники средств массовой информации. А ему было совершенно ни к чему, чтобы его физиономия красовалась на страницах европейских и ближневосточных газет. Это не та реклама, о которой мечтал бы главный администратор преуспевающего охранного агентства.

Он посмотрел на часы и пробежал глазами по толпе на площади. Наконец он увидел, как водитель садится в сияющий новизной «Рэндж Ровер» и заводит двигатель.

Марван вышел из здания. Он хотел убраться отсюда как можно быстрее. Но когда он стал переходить площадь, страшный взрыв разнес джип, и ударная волна швырнула Марвана на мостовую. К небу взметнулись языки пламени и дым. Посыпались осколки и горящие обломки корпуса. И в этот ужасный момент Марван понял, что охота идет и на него.

Вокруг лежали тела. Раненые кричали и просили о помощи. Другие в состоянии шока молча ходили, спотыкаясь, и искали друзей и любимых, не понимая, что произошло и почему.

Марван встал, отряхнулся и вытер с лица кровь. Он вынул обойму из одного из взятых у охранников пистолетов, вытер с него свои отпечатки пальцев и выбросил в ближайшую урну. Другой пистолет он засунул за пояс под пиджак и побежал к центру города, до которого было всего несколько кварталов.

Ему было нужно вернуться в гостиницу, собрать вещи и уехать. Никто не пытался остановить его. Все, казалось, были слишком потрясены, чтобы интересоваться, кто он и почему так торопится.

Марван остановил проезжающее такси.

— «Ле Меридьен», — сказал он водителю, и машина рванула с места.

Солнце медленно садилось за горы. В городе зажигались огни. Открывались кафе и казино. Монте-Карло, место развлечений богатых и знаменитых, оживал, хотя новости о происшедшем скоро распространятся.

Марван видел очертания яхт в гавани. Он думал, что нужно позвонить брату, нужны деньги, нужен билет на самолет. Но куда? В Италию? Или во Францию?

Он понимал, что, убегая, он словно признает свою вину. Но, учитывая происшедшее, у него нет выбора. Остаться значит вынести себе смертный приговор. Его, конечно, обстоятельно допросят в полиции. *Кто познакомил его с Рафиком Рэмзи? Зачем он приехал в Монте-Карло,*

если знал, что на того уже работает французская охранная фирма? Как он может объяснить, почему их встреча закончилась смертью Рэмзи? Зачем он взял оружие у охранников? Почему не забрал свой собственный пистолет? Они будут задавать и другие вопросы. И он продолжал думать о том, что сказал Рэмзи при их первой встрече.

Такси остановилось у отеля. Марван расплатился с водителем и попросил его подождать: он не собирался задерживаться. Он вошел в здание и поехал в лифте на пятый этаж.

В лифте была привлекательная женщина лет двадцати, которая напомнила ему Ранию. Длинные темные волосы. Глубокие карие глаза. Белая шелковая блузка. Черная юбка. Черные чулки. Жемчужное ожерелье. Ярко-красные ногти. Красная помада. Может быть, слишком густые тени. Она робко улыбнулась. В обычной ситуации Марван улыбнулся бы в ответ и заговорил бы с ней. Но не сегодня.

Он заставил себя сосредоточиться и стал вспоминать телефонный разговор с Рэмзи полторы недели назад. Общее содержание он помнил хорошо. Рэмзи рассказывал о событиях, предшествовавших похищению жены из салона красоты и дочери по дороге домой из школы. За похищением жены последовало требование выкупа, а похищение дочери закончилось убийством. Марван перебирал в уме подозреваемых. Рэмзи назвал десяток бывших работников и конкурентов, которые, по его мнению, могли иметь мотив, средства и возможности для нападения на его семью. Но Марвана беспокоил еще один вариант.

Прозвучал звонок, лифт остановился на третьем этаже. Выходя, женщина достала сотовый телефон и стала набирать номер. Походкой, ровной и уверенной и без всякого намека на флирт, она снова напомнила ему Ранию.

Дверь лифта закрылась. Марван мысленно вернулся к разговору с Рэмзи. Старик рассказал, что несколько лет назад его пытались шантажировать два агента французской разведки, которые требовали 250 тысяч евро,

иначе их друзья из налоговой службы проверяют «Блю Найл Холдингз» на предмет уклонения от уплаты налогов и нарушений в финансовой отчетности. Они сказали, что передадут в газеты сведения, которые скомпрометируют его и компанию.

Тогда Рэмзи пытался продать компанию многонациональной корпорации, правление которой располагалось в Париже. Долгое официальное расследование, даже в конце концов подтвердившее необоснованность заявлений, могло бы повредить сделке. Он сказал Марвану, что заплатил потребованную сумму, проведя ее как «услуги консультанта». Но когда они потребовали еще — на этот раз миллион евро, он обратился в Интерпол. Агенты были задержаны, и им грозило 25 лет заключения. Но, после того как они заключили сделку с обвинением, пообещав назвать имена соучастников, их нашли в камерах мертвыми. Убийство так и не было раскрыто, и дело было прекращено.

Французские официальные лица принесли Рэмзи извинения и, хотя он ни в чем их не обвинял, очень старались убедить его, что виновные действовали сами по себе и ни в коей мере не представляли французские спецслужбы или власти.

Однако Рэмзи подозревал, что за всем стоял по меньшей мере один сотрудник французской разведки, который организовал и убийство исполнителей в тюрьме, чтобы не дать им заговорить. Он же вымогал деньги у Рэмзи и теперь.

Поэтому Рэмзи, не будучи уверен ни в ком, связался с Марваном. Если против него действует (даже самостоятельно) какой-то чин из французских спецслужб, можно ли полагаться на то, что какой-нибудь парижский полицейский раскроет дело и привлечет виновных к суду?

Лифт остановился на пятом этаже. Марван, задумавшись, не выходил. Возможно, Рэмзи был прав? И возможно, его жена работала с этим неизвестным агентом с самого начала? Почему? Какими были ее мотивы? Рафик и Клодетт Рэмзи казались счастливой парой: они были богаты, любили друг друга и, когда он наконец уйдет

от дел, собирались пожить в свое удовольствие. Что же произошло?

Дверь лифта начала закрываться.

Марван вернулся к реальности. У него еще будет время во всем разобраться. А сейчас ему нужно забрать вещи и уехать из города. Если полиция захочет побеседовать с ним, она найдет его. Но он не собирается ждать пули снайпера или следующей бомбы.

Он остановил дверь и, выйдя, повернул направо по коридору, в котором, как он заметил, было темнее, чем обычно, как будто несколько лампочек сгорело или было выкручено.

Вдруг в конце коридора мелькнул силуэт. Марван услышал характерный щелчок и понял, что его нашли.

Марван бросился влево, когда в коридоре грохнул выстрел. Пуля пробила стену рядом, и посыпалась штукатурка.

Вывхватив пистолет, взятый у одного из охранников в квартире Рэмзи, он выстрелил. В это время открылась дверь в другом конце коридора. Марван повернулся назад и увидел в полумраке еще одного человека — это была женщина из лифта.

Марван бросился на пол, и в стену над ним ударили еще две пули. Прицелившись в женщину, он выстрелил два раза, затем, развернувшись, еще дважды — в человека впереди. Ни одна из пуль не попала в цель, но он выиграл пару секунд.

За несколько метров впереди был проход направо, ведущий к одному из номеров. Прикрытие не слишком надежное, но выбирать было не из чего. Он снова выстрелил — по два раза в обоих направлениях — и бросился за угол, когда раздались ответные выстрелы. Пока ни один из нападающих не мог хорошо прицелиться в него. Но долго так продолжаться не будет.

Снова раздались выстрелы.

Они подходят ближе. Метр за метром.

У него не больше нескольких секунд.

Марван выстрелил по два раза влево и вправо, а затем, перекатившись, в табличку «Не беспокоить» над собой. Затем, выбив дверь обеими ногами и практически сорвав ее с петель, он нырнул внутрь. Раздались новые выстрелы.

В номере, за тележкой с едой, друг к другу прижались перепуганные насмерть молодожены.

– Под кровать! – шепотом приказал Марван. – Быстро! У него не было времени объяснять, что он не злодей. Он только хотел обеспечить им безопасность, насколько это было возможно. Они заползли под кровать с балдахином и, не отрывая от него глаз, следили, как он вынимает из пистолета пустую обойму и вставляет новую. Затем он раздвинул стеклянную дверь и вышел на балкон.

В этот момент он услышал выстрел и почувствовал, что пуля прошла через правое плечо.

От удара он упал на стеклянный столик, который под ним развалился. Не теряя самообладания, он откатился и выстрелил в комнату, другой рукой прикрыв лицо. Дверь разлетелась на тысячу осколков, но он попал в цель. Женщина с жемчужным ожерельем получила две пули в грудь. Она вскрикнула и упала.

С одним покончено. Остается еще один.

Несмотря на боль, Марван встал и вернулся в комнату, стряхивая осколки и продолжая целиться в дверной проход, откуда он ожидал нападения. Молодая жена учащенно дышала. Свежеиспеченный муж пытался утешать ее, но безуспешно.

Марван кипел от гнева. Он остановился и нащупал пульс у женщины в жемчужном ожерелье. Она была еще жива. Пульс был очень редким и нерегулярным. Отшвырнув в сторону ее пистолет, он перевернул ее и увидел, как быстро краснеет ее блузка.

Он выстрелил в дверь, выигрывая себе несколько секунд, затем приставил пистолет к шее женщины.

– Кто тебя послал? – спросил Марван сквозь зубы.

Женщина, почти в бессознательном состоянии, слабо улыбнулась, но ничего не сказала.

Марван повторил вопрос по-французски, но она ничего не ответила.

– Клодетт Рэмзи – это она прислала тебя из Сан-Паулу? – требовал ответа Марван.

На лице женщины вдруг отразился страх и удивление. Было ясно, что имя ей знакомо. Знала она и о Сан-Паулу. Он прижал пистолет к ее шее сильнее, но она отказывалась

говорить. Вдруг ее глаза закатились, и она умерла.

Сердце Марвана билось, резкими толчками перекачивая гремучую смесь адреналина и жажды мести. Схватив пистолет женщины и проверив магазин, он выскочил в коридор, стреляя обеими руками. У затаившегося в полумраке второго нападавшего не было шанса остаться в живых. Марван бросил на его тело оба пустых пистолета. Затем взял пистолет из руки убитого, а из кармана его пиджака – запасную обойму. У него не было ни бумажника, ни паспорта.

Марван вернулся в номер новобрачных. У женщины с жемчужным ожерельем тоже не было документов. Это были профессионалы, невидимые и безымянные, отслеживающие жертву во мраке и нападающие без предупреждения. А если Рэмзи был прав? Если это на самом деле – французские агенты?

Пока ясно одно: они просчитались.

И только сейчас Марван почувствовал, как сильно болит плечо и как по лицу течет кровь из многочисленных порезов стеклом.

И он услышал завывание сирен.

Остаться на месте или бежать?

Решать нужно было немедленно. Полиция вот-вот будет здесь, и это совсем не уменьшало его беспокойство.

Это был явный случай самозащиты. Но какое это имело значение? На него шла охота. И охотникам было известно каждое его движение. Они знали, что он приехал в Монако. Они знали, что он остановился в отеле «Меридьен», — несмотря на то, что он сделал это под чужим именем. Они знали о его встрече с Рэмзи, о месте и времени. Им было известно, в какой машине он поедет и в каком лифте поднимется. *Как это возможно? Откуда они знают?*

Конечно, вполне возможно, что его преследователи не имеют никакого отношения к европейской или местной полиции и секретным службам. Но это становилось все менее вероятным. Кто еще мог следить за ним? О его поездке было известно очень небольшому количеству людей, и планировалась она за два дня.

Марван решил, что попробует найти таксиста, который привез его в отель. Если он все еще внизу, если его не испугала суматоха, не заставила отъехать полиция и ему не надоело ждать, — Марван воспримет это как знак от Бога, что необходимо скрыться. Он отправится в Милан, а оттуда — в Рим, и как можно быстрее свяжется с братом в Бейруте.

Если же такси нет и эта возможность скрыться отпадает, Марван поймет, что должен остаться, что его судьба решена и он должен отправиться в полицию, надеясь на благоприятный исход событий.

Если бы у него было больше времени, он мог бы разработать лучший план. Но у него было всего несколько секунд.

Сунув пистолет в карман, Марван отправился в ванную и вымыл лицо и руки. Насколько это было возможно, он постарался смыть кровь, а затем мокрой салфеткой промыл болезненную рану на плече. Кожаная куртка несколько ослабила удар, но рану нужно будет зашить, и без квалифицированной помощи оставался риск заражения.

Но пока он не мог сделать ничего, кроме как принять обезболивающие таблетки, что он и сделал, отсыпав их себе из пластиковой баночки. В качестве перевязки он прижал к ране под курткой салфетку и выбросил пропитанные кровью полотенца. Затем он схватил в стенном шкафу рядом с ванной одну из принадлежащих молодоженам сумок с вещами и побежал к аварийному выходу.

Спустившись по лестнице, он выглянул через боковой выход отеля. Одна полицейская машина уже приехала. Двое полицейских выскочили из нее и вбежали в холл. Таксист все еще ждал его. Пробежав несколько метров до машины, он забрался на заднее сидение.

— В аэропорт, — сказал он по-французски.

Водитель не двинулся с места.

Марван повторил то же по-английски, но безрезультатно.

Он наклонился вперед, чтобы тряхнуть таксиста за плечо и разбудить его, и увидел кровь. Водитель был убит выстрелом в левый висок.

Марван снова вытащил пистолет. Он осмотрел стоянку, дорогу, главный вход. Никого. Были слышны сирены приближающихся полицейских машин.

Что означает этот знак? — подумал он. — Такси есть, но нет водителя.

И тут его поразила ужасная мысль. На двери и внутри в салоне машины полно его отпечатков. Если он скроется сейчас, он окажется подозреваемым в убийстве. Он будет подлежать аресту. Его карьере придет конец. Его компанию постигнет крах. Богачи не нанимают телохранителями тех,

кто разыскивается за убийство, — как бы упорно те ни утверждали, что невиновны.

Однако при побеге у него будет одно преимущество, которого он не получит, оставшись, — возможность сохранить жизнь.

Учитывая все происшедшее, Марван был уверен, что, оставаясь в Монте-Карло, он подписывает себе смертный приговор. Те, кто охотится на него, знают о нем слишком много, и инициатива принадлежит им. Скрывшись, он мог надеяться, что, уехав из Монако и из Европы, он ускользнет из ловушки. У него будет время разобраться, кто и почему охотится за ним, и подумать, что предпринять дальше.

Итак, он решил. Он должен скрыться.

Марван огляделся по сторонам и посмотрел назад. Поблизости не было никого. Он потянулся вперед и откинул спинку переднего сидения. Перетащив тело таксиста на заднее сидение, он вышел, обошел машину, открыл переднюю дверь и открыл багажник.

Там он нашел одеяло и дорожные карты. Он накрыл труп одеялом, а карты бросил на переднее сидение. В бардачке, кроме документов на машину, страхового свидетельства и бланков квитанций, он нашел пачку салфеток и пакетики с кетчупом. Салфетки подойдут. Марван снова огляделся и стал вытирать машину изнутри, настолько тщательно и настолько быстро, насколько мог.

Хорошо — во всяком случае для Марвана — было то, что стекло со стороны водителя было открыто, когда его убили, и оно осталось целым. Марван сел в машину, закрыл окно, включил зажигание и еще раз взглянул в зеркало. Плечо болело, но у него не было времени об этом сейчас думать.

Полицейские мигалки приближались.

Менеджер отеля, стоя у центрального входа, встречал полицейских. Он что-то крикнул в сторону Марвана, что тот принял как сигнал проезжать.

Осторожно вырвав с гостиничной стоянки, Марван повернул на запад.

Уехать в Италию было бы ошибкой, решил он. Франция – лучший вариант. В Марселе у него есть немного денег, одежда и несколько поддельных паспортов. Такие тайники, устроенные в нескольких городах Европы и Ближнего Востока, были необходимым в его деле средством предосторожности. В Марселе он может быть уже через несколько часов. Там он избавится от машины и от трупа и сядет в самолет на Касабланку.

В Марокко он почти никого не знает. Он не был там уже много лет. Когда-то он поклялся себе никогда туда не возвращаться. Но в этот момент он не мог придумать ничего лучшего, чем пойти к женщине, которая разбила ему сердце.

Инспектор Жан-Клод Годдар протиснулся в своем далеко не новом двухдверном «Рено» среди множества служебных и телевизионных машин (сенсационные новости уже передавались миллионам зрителей) и нашел у здания Рэмзи место для парковки. Взяв из бардачка свой пистолет и жетон, он вышел на пронизывающий ноябрьский холод.

Он был детективом в Монако уже почти двадцать лет, последние пять — старшим детективом. И за все это время он не сталкивался ни с чем подобным.

В Монте-Карло, расположенном между Италией и Францией, одном из самых маленьких государств в мире (втором после Ватикана), занимавшем менее 2 кв. км дорогостоящей пляжной территории, с населением в 32 тыс., конечно, хватало мелких преступлений, краж и прочих проблем. И так как миллионеров здесь больше, чем в любом другом месте Европы, нет ничего удивительного в том, что этот город привлекает внимание лиц, движимых завистью и жадностью. Но заминированные машины? Убийства? Более того, множественные убийства в нескольких местах в один день? Это было неслыханно. До сегодняшнего дня.

Он прошел мимо обуглившегося остова «Рэндж Ровера», который продолжал тлеть на улице, и вошел в холл здания. Он поднялся на лифте и вошел в квартиру, переступая через тела. Его помощница, двадцативосьмилетняя брюнетка Колетт Дюваль, встретила его в гостиной, где немногочисленная, но профессиональная группа следователей изучала место преступления.

– Здесь нам понадобится все наше самообладание, – сказала Дюваль.

– Что нам уже известно? – спросил Годдар, стараясь оставаться невозмутимым на месте побоища в одной из самых шикарных квартир, которые он видел в своей жизни.

– Вы получили предварительную информацию от шефа? – спросила Дюваль.

– Да.

– Тогда начнем.

Она подвела его к лежащему в центре комнаты полному мужчине, обрисованному мелом.

– Познакомьтесь с покойным Рафиком Рэмзи Сулейманом.

– Это тот самый Рэмзи? – спросил Годдар. – Египетский миллионер?

– Боюсь, что да, – сказала Дюваль. – А вы с ним знакомы?

– Я познакомился с ним и его женой на Гран-При несколько лет назад, – сказал Годдар. – Выдающийся человек. Они с братом выросли где-то в Асуане или Луксоре в полной нищете и стали богаче фараонов. Сначала они занимались разработками железной руды, золота, фосфатов и прочего. А после смерти брата он занялся природным газом, в основном в дельте Нила, и заработал состояние. Вообще, он производил впечатление вполне приятного человека – простого, непритязательного, любезного. Что касается его жены...

Понизив голос, Годдар спросил:

– Она здесь?

Дюваль покачала головой.

– Не совсем.

– Что значит «не совсем»?

– Ее похитили в Париже две недели назад.

– А-а, — произнес Годдар, почувствовав себя виноватым.

– И это не все, – сказала Дюваль.

– А что еще?

– Дочь Рэмзи – от первого брака, его единственная дочь – была убита в тот же день, когда исчезла ее мать.

Годдар поморщился. *Что это? Отец убит. Дочь убита. Мать похищена. Что за проклятие тяготеет над этой несчастной семьей?*

– Сколько лет ей было?

– Сорок два.

– Нет, не жене, – сказал Годдар, – дочери.

– Извините, – Дюваль заглянула в свои записи. – Бригитте было двенадцать лет.

Годдар покачал головой. Его дочери скоро исполнится десять.

– Уже есть подозреваемые? – спросил он, мысленно давая себе обещание найти тех, кто совершил эти ужасные преступления, и привлечь их к ответственности.

– Пока нет, – ответила Дюваль.

– А свидетели?

– Может быть, один.

– Кто?

– Некий Марван Аккад, – сказала Дюваль.

– Найдите его, – приказал Годдар. – И приведите ко мне.

Марван находился в дороге уже почти час. Все было как в тумане. Сочетание страха, усталости и боли мешало ясно думать и притупляло чувства.

Всякий раз, когда он платил дорожный сбор, он ожидал, что его задержат. Видя полицейскую машину, он думал, что его остановят. Но пока все было спокойно. Может быть, даже слишком спокойно.

Наверняка в Монако его уже ищут. Значит, будут искать в Италии и Франции. То есть, если он хочет переждать в Европе, он не сможет этого сделать. Ему нужно в Северную Африку. Но он не может ехать на пароме: это слишком долго. Ему нужен самолет. Но под своим именем лететь нельзя. Значит, нужны фальшивые паспорта, припрятанные как раз на такой случай. То есть остаться на свободе он может, лишь улетев из Марселя.

Если память ему не изменяет, в десять есть рейс «Роял Эр Марок» на Касабланку, где он может быть около полуночи. Конечно, здесь есть риск. В аэропорту его могут арестовать, но выбора у него нет. Он должен попытаться.

Промелькнул дорожный знак — остается еще больше ста километров. Он выругался про себя и нажал на газ.

Марван ехал по шоссе А8. Он прекрасно понимал, что очень уязвим на такой магистрали, как эта. Но у него не было времени, чтобы ехать по прибрежному шоссе или петлять по боковым дорогам. Времени и так в обрез, и даже если он доберется до аэропорта вовремя, что делать с машиной и трупом на заднем сидении? Как сесть в самолет? Билет не только не куплен, но даже не забронирован.

Он набрал бейрутский номер. К его удивлению, ответил знакомый голос.

– Алло?

– Рами, это Марван.

– О Боже, брат, это действительно ты? Как ты? Я только что слышал по радио: что-то ужасное произошло в Монте-Карло – там стреляли, взорвали машину, – но подробности не сообщались.

– У меня все нормально, – сказал Марван. – Просто немного перенервничал.

На самом деле он едва мог терпеть боль от раны, но не стоило волновать брата. Во всяком случае не стоило волновать его этим. Были другие причины для беспокойства.

– Ты один? – спросил он.

– Да, – сказал Рами. – Остальные уже разъехались по домам.

– Это хорошо. Мне нужна твоя помощь.

– Конечно. Что случилось?

– Сейчас расскажу, – сказал Марван, – но сначала закажи мне билет на самолет.

– На когда?

– На вечер.

– Куда?

– Из Марсея в Касабланку.

– Из Марсея? – спросил Рами. – Но я думал, ты...

– Рами, прошу тебя. Я тебе все сейчас объясню. Марсель – Касабланка. Когда последний рейс?

– В восемь тридцать, но...

– Я думал, последний рейс где-то в районе десяти.

Марван вдруг увидел, что слева его нагоняет машина, похожая на патрульную. Он слегка отпустил педаль газа. Рами продолжал говорить.

– Марван, можешь мне поверить. Я летал им сто раз. Рейс 256. «Роял Эр Марок», совместно с «Эр Франс». Отлет в 8.30. Прибытие в Касабланку в 10.

Патрульная машина мигнула фарами. Марван выругался вслух.

– Что? – переспросил Рами.

– Ничего, – ответил Марван. – А другого нет?

Остановиться? – подумал Марван. – *И что тогда? Как он объяснит труп на заднем сидении?* Ему было слышно, как брат щелкает кнопками компьютера. Он буквально видел, как тот проверяет все агентства.

– К сожалению, нет, Марван, – наконец сказал Рами.

– Если ты хочешь попасть в Касабланку сегодня, есть только рейс 256. А ты не можешь остаться и улететь чем-то завтра утром?

Марван нервничал все больше. Он замедлил скорость и съехал на обочину.

– Нет, – сказал он брату. – Мне нужно улететь сегодня.

– Тогда тебе нужно сесть на 8.30. Ты где?

Патрульная машина приближалась.

– Заказывай билет, – сказал он.

– В один конец?

Марван остановил машину и включил аварийную сигнализацию.

– Нет, в оба.

– Обратный билет на когда?

– Кто его знает?

– Ну ладно, – сказал Рами. – Что-нибудь придумаю. У тебя все еще есть та ячейка в аэропорту?

Марван не ответил. Глаза его были прикованы к приближающейся патрульной машине.

– Марван, – настаивал Рами, – сейф в Марселе – он у тебя еще есть?

– Ну наверное! – взорвался Марван. – Зачем бы я ехал в Марсель?

– Хорошо, хорошо, не нервничай, – сказал Рами, – я только хотел помочь.

Марван взглянул на лежащий рядом пистолет. Легко сказать «не нервничай».

– На какое имя заказывать билет?

– На Карделла, – сказал Марван.

– На Джека Карделла?

– Да.

– Хорошо, – сказал Рами. – У прохода или у окна?

Марван не ответил. Он медленно положил телефон и потянулся за пистолетом. Он слышал, как брат продолжает задавать ему вопросы, и сжал пальцы на холодной стали рукоятки.

– Марван! Ты меня слушаешь?

Ладони стали влажными от пота. Сердце учащенно билось.

– Марван!

Машина промчалась мимо, не останавливаясь.

Ищут не его. За полкилометра впереди остановили красный «Порше». Марван вздрогнул, почувствовав не облегчение, а отвращение к себе – за то, что он сделал или был готов сделать. Он не просто обдумывал хладнокровное убийство ни в чем не повинного полицейского, – он готовился нажать на курок. *Что с ним происходит? В кого он превращается?*

Марван как будто заглянул к себе в душу и увидел, что она чернее уже наступившей ночи.

– Марван! – он снова услышал голос брата. – Да что происходит?!

Марван положил пистолет и, вытерев ладони о брюки, попытался дышать спокойно. Он снова взял в руку телефон и сказал:

– Да, Рами, я здесь. Извини.

– Что случилось? Все в порядке?

– Нет, – ответил Марван. – Не все.

Он завел двигатель и помчался в сторону Марсея. И в это время как будто прорвало плотину, и он стал рассказывать брату все, что произошло. О разговоре с Рэмзи. Об убийстве. О взорванной машине. О стрельбе в «Меридьене». О мертвом таксисте, который все еще лежал на заднем сидении и телефоном которого он сейчас пользовался. О своем решении скрыться. И о том, как близок он был к убийству.

Это признание было вызвано волнением и чувством вины. Но оно содержало информацию, которую нужно было

дать Рами. Ведь он был вторым человеком в компании, а все случившееся касалось ее самым непосредственным образом. И, пожалуй, самое главное, Марвану были необходимы ясность мыслей брата и эмоциональная отстраненность от событий последних часов, чего не было у него самого.

– Ты думаешь, я сделал ошибку? – спросил Марван, закончив свой рассказ.

– Уехав из Монте-Карло после всего?

– Да.

– Нет, – ответил Рами без колебания. – Я поступил бы так же.

– Правда?

– Конечно, – подтвердил Рами. – У тебя не было выбора.

– А если бы полиция тебя остановила? – настаивал Марван. – Что бы ты тогда сделал?

– Благодарю Бога, что до этого не дошло, – ответил Рами.

Но Марван не был расположен к тому, чтобы благодарить Бога. Он уже много лет был сердит на Него. Его молитвы, казалось, ничего не значат. Они не были услышаны, а на свои вопросы он не получал ответов. Раны не заживали. Кроме Рами, он потерял всех, кто был дорог ему. А сейчас он мог потерять все, что было создано его трудом.

– Все это может привести к нашему краху, – сказал Марван через некоторое время.

– Или к нашей смерти, – заметил брат.

Внутри у Марвана все сжалось. Рами был прав, и Марван чувствовал себя ужасно, что поставил его в такое положение. Он всегда был защитником Рами, а сейчас подвергает их обоих огромной опасности.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Я не ожидал, что так произойдет.

Но Рами не желал даже слушать его оправдания.

– Не волнуйся за меня, – сказал он.

– Но я волнуюсь, – ответил Марван.

- Марван, со мной все будет в порядке, – сказал Рами.
- И с тобой тоже. Ведь бывали ситуации и похуже.
- Не знаю, братишка, – вздохнул Марван. – Не знаю.

Над городом стрекотали полицейские вертолеты. На всех дорогах, ведущих в и из Монте-Карло, были контрольные пункты. Проверяли машины, такси, автобусы и поезда, а также больницы и отели. Порт и частные аэродромы для вертолетов были закрыты. Работники аэропорта в Ницце — ближайшего, обслуживающего Монако, — были предупреждены.

Однако так и не был обнаружен Марван Аккад, единственный свидетель преступления, которое потрясло маленький город. У полиции не было ни единой зацепки, которая помогла бы выйти на след убийцы Рафика Рэмзи. Инспектор Жан-Клод Годдар покачал головой (язва желудка ему обеспечена) и вышел на балкон. Он вдыхал свежий ночной воздух и смотрел на волны, бьющие о бетонные причалы.

— Вот фото, которое вы хотели, — сказала Колетт Дюваль, протягивая ему свежееотпечатанную фотографию размером 21 X 27,5 см.

— Это с камеры наблюдения? — спросил Годдар.

— Да, сэр, — сказала Дюваль. — Там все готово.

— Сейчас иду, — сказал Годдар.

В руках у него был снимок Марвана Аккада. Это был молодой человек с привлекательной, но не бросающейся в глаза, как у кинозвезд, внешностью. У него была светло-оливковая кожа, черные, коротко постриженные волосы. Он был чисто выбрит (во всяком случае на этой фотографии), без усов, бороды или бакенбардов. Нос — небольшой, подбородок — решительный. В хорошей физической форме. Как заметил Годдар, никаких характерных, отличительных

черт. Никаких шрамов, дефектов – ничего такого, что выделяло бы его из толпы. Идеальный телохранитель.

Внимание Годдара привлекли глаза Марвана – большие, карие и более теплые, чем он ожидал, выдающие острый, честолюбивый ум, но также какую-то порядочность и даже благородство. И в этих глазах было что-то еще, что Годдар затруднялся определить сразу, но что его интриговало и вызывало у него любопытство. Может быть, печать грусти?

– Размножьте и передайте всем нашим людям, – распорядился он. – И пошлите на телевидение. Скажите, что он разыскивается как свидетель.

– Хорошо, сэр.

– И объявите о вознаграждении.

– Сколько? – спросила Дюваль.

– А сколько у нас осталось на счету?

– Думаю, сто.

– Ладно, возьмите все, – сказал Годдар. – 100 тысяч евро за информацию, которая поможет арестовать и привлечь к ответственности виновных в этом ужасном преступлении. И обязательно сообщите все, что у нас есть, в Интерпол. Может быть, у них что-то есть на Марвана.

– Будет сделано, сэр.

– И расширьте поиски, – добавил Годдар. Он беспокоился все больше.

– Вы думаете, Марвана уже нет в Монте-Карло?

– Не знаю, – признался Годдар. – Но сообщите в аэропорты Канна, Сент-Рафаэля, Йера, а также Альбенги и Генуи в Италии.

– Так далеко? – переспросила Дюваль.

Годдар кивнул.

– Мы не можем рисковать, Колетт. Мы понятия не имеем, кто убийца или убийцы. Мы не знаем, кого искать. Пока единственная ниточка у нас – это Марван. Он может все еще быть здесь. А что, если мы ошибаемся?

– Да, сэр.

– Свяжитесь также с железнодорожными станциями и паромными переправами в маленьких городах. И

докладывайте мне каждые полчаса. Я хочу быть в курсе новых данных.

– И еще одно, – сказала Дюваль. – Вы уже ему звонили?

Годдар молча помотал головой.

– Но, наверное, это нужно сделать? – осторожно продолжала Дюваль.

– Да, вы правы, – Годдар вздохнул.

– Хотите, это сделаю я?

Годдар хотел бы. Но, как бы неприятно это ни было, это должен сделать он, старший детектив, – и не откладывая.

– Нет, – сказал он наконец. – Я сам. Только наберите его. Скажете, что это срочно. И дадите трубку мне.

– Да, сэр, – сказала Дюваль. – Уже звоню.

Годдар вошел в небольшой кабинет рядом со спальней, где другой детектив показал ему записи с камер наблюдения. Его поразило выражение беспокойства на лице Рэмзи на протяжении всего разговора и спокойствие Марвана.

– Стоп, – вдруг сказал Годдар, подавшись вперед. – Да, здесь, прокрутите еще раз.

Марван передавал Рэмзи конверт. Первой реакцией был шок, а потом – гнев? возмущение?

– Что это? – спросил Годдар детектива. – Что он достал из конверта?

– Не видно, – сказал детектив, – закрывает месье Аккад.

– А нет записи с другой камеры?

– Нет, сэр. Боюсь, это все, что у нас есть.

– Это какая-то фотография?

– Похоже на то.

– А можно увеличить? Сделать четче?

– Сейчас нет, сэр, – ответил детектив. – Но можно попробовать на нашей аппаратуре в управлении.

– Попробуйте, – распорядился Годдар. – И свяжитесь со мной, как только будут какие-то результаты.

Дело было в том, что он терпеть не мог Марсея Лемье.

Иначе это назвать было нельзя. Перспектива одного только разговора с ним — не говоря уже о совместной работе — вызывала у Годдара тошноту. Но что делать? Лемье вел дело о похищении Клодетт Рэмзи и убийстве Бригитты Рэмзи. Ему нужно было сообщить. Он захочет посмотреть место преступления и записи с камер, установленных в квартире Рэмзи. Ему нужно будет рассказать об этом Аккаде, который может оказаться нужным свидетелем, если его только удастся найти.

Кроме того, среди полицейских всей Европы Лемье был чем-то вроде живой легенды. Он раскрыл несколько нашумевших дел — убийств, похищений, ограблений банков — связанных с людьми богатыми, известными и имеющими влиятельных друзей.

Однако Годдар его не переваривал. Им дважды пришлось работать вместе, и от обоих случаев у него остался неприятный осадок.

Весной 2000 года исчез отдыхавший в Монте-Карло французский дипломат. Через 3 дня его жена получила требование выкупа, но было решено не платить. Через неделю люди Годдара обнаружили тело ее мужа, выброшенное на берег волнами. В тот же день был найден труп официантки одного из казино, возможно совершившей самоубийство. Была ли здесь связь? Годдар начал опрашивать друзей и родственников женщины. Через двое суток он располагал косвенными доказательствами связи между двумя случаями и даже

именами троих подозреваемых, ни у кого из которых не было убедительного алиби.

Но тут вмешался Лемье и фактически отобрал у него дело. И не для того, чтобы раскрыть его быстрее, как сказал Годдар своим сотрудникам. Дело не было раскрыто вообще. Все сведения устарели. Подозреваемые остались на свободе. Улики исчезли. На протяжении расследования (если это вообще можно так назвать) Лемье вел себя высокомерно и грубо и в конце концов уехал в Париж, объявив, что дело «неразрешимо», и оставив неприятное и досадное ощущение.

Затем они столкнулись летом 2003 года, когда исчез французский магнат-судовладелец с сыновьями, — на яхте стоимостью в 25 миллионов долларов они отправились из Монте-Карло на прогулку по Средиземному морю. Годдар помнил все подробности, как будто это было вчера. Звонок из управления в шесть утра. Истерика жены пропавшего. Помешательство средств массовой информации. Сенсационные заголовки.

Не каждый день исчезает человек настолько известный, друг премьер-министра Франции. Но найти их было невозможно. Ни тел, ни крови. Абсолютно никаких следов. Но все требовали ответов. Парижские газеты неустанно обвиняли власти Монте-Карло в бездействии. На Годдара давили: требовались результаты — отпечаток пальца, свидетель, что угодно, что указывало бы на продвижение. Он не ел. Он практически не спал. Он загнал своих людей и сам чуть не оказался в больнице с истощением.

Наконец, что-то произошло. То, чего они ждали, о чем молились. Годдар узнал, что сыновья магната были должны деньги человеку, которого они принимали за русского банкира, но который на самом деле работал на русскую мафию. Годдар узнал, что у того была квартира в Монте-Карло и что его видели в городе. Более того, двое его партнеров были замечены в гавани в день исчезновения магната — они хотели нанять катер.

Дело сдвинулось с места. У Годдара был подозреваемый и мотив. Он обратился к начальству за разрешением

вылететь в Москву, чтобы продолжить расследование. Он был в шоке, когда ему отказали. Не прошло и часа, как в его кабинет вошел Лемье, заявил, что дело передано ему, и потребовал копии всех документов по делу. Годдар был несогласен, но его протест был отклонен его начальством.

В Москву отправился не Годдар, а Лемье. И это дело также застопорилось. Помощники «банкира» таинственным образом исчезли, а сам он предъявлял совершенно жалкое алиби. Но Лемье проявлял удивительную мягкость. Скоро с русских были сняты подозрения, и Лемье вернулся в Париж. Он обещал держать дело на контроле, но практически не оставил надежды увидеть его раскрытым. Более того, русский «банкир» получил официальные извинения от нескольких правительств, включая правительство Монако, а Годдар был на неделю отстранен от работы без сохранения зарплаты за то, что «без оснований поставил под вопрос репутацию ценного друга Монако».

И вот теперь Марсель Морис Лемье, наглейший из детективов Европы, возвращается.

Дюваль вышла на балкон и протянула Годдару трубку.

— Это он, — шепотом сказала она.

Годдар потер глаза и взял трубку.

— Инспектор Лемье, рад слышать вас снова, — соврал он.

— Вы прервали мой выходной, — ответил Лемье.

— Мне очень жаль, месье, но ничего не могу поделать. Боюсь, у меня для вас плохие новости.

— Ваш звонок — уже достаточно плохая новость, — пробурчал Лемье.

Годдар сдержал себя. Этот человек просто невыносим.

— Вынужден сообщить вам, что месье Рэмзи убит.

На другом конце линии наступила тишина.

— Рафик Рэмзи? — наконец спросил Лемье.

— Боюсь, что да, — подтвердил Годдар и кратко изложил то, что ему было уже известно об обстоятельствах смерти.

— Есть подозреваемые? — спросил Лемье.

— Пока нет, но мы только начали расследование, и я подумал, что вы можете помочь нам в этом.

— А свидетели? — спросил Лемье.

— Мы как раз занимаемся этим, — ответил Годдар. — Есть один человек, Марван Аккад, главный администратор охранного агентства. Он был с Рэмзи, когда того застрелили. Может быть, Рэмзи собирался нанять его. Мы надеемся, Рэмзи сообщил ему что-нибудь, что прояснит, кто его убил и почему.

— Что значит надеемся? — спросил Лемье. — Вы что, его еще не спросили?

— Нет, — сказал Годдар, — пока нет.

— Прекрасно, — с раздражением произнес Лемье. — Я спрошу у него сам. Я отправляюсь в аэропорт. Пусть кто-нибудь встретит меня на вертолетной площадке через двадцать минут.

— Двадцать минут? — удивился Годдар. — Разве вы не в Париже?

— Нет, я в Ницце.

Лемье сказал это так, как будто Годдар должен был это знать. Хотя, возможно, и должен был. Почему Дюваль не предупредила его? Она же знает, что Годдар не любит неожиданностей. Надо снять дурочке голову за это — но не сейчас. Сейчас у него есть более срочное дело.

— Хорошо, месье Лемье, — ответил он. — Один из моих людей обязательно встретит вас и привезет на квартиру Рэмзи. Но боюсь, вы пока не сможете поговорить с Марваном Аккадом.

— Почему? — требовательным тоном спросил Лемье.

— Марван исчез.

— Исчез?

Годдар набрал воздуха. Меньше всего ему хотелось признаваться в этом Лемье.

— Боюсь, что да. В неразберихе он ускользнул. Но выезды из города перекрыты. Мы скоро найдем и допросим его. Он может оказаться нужным нам свидетелем. Более того, он единственный свидетель.

— Нет, месье Годдар, — бросил Лемье. — Боюсь, что здесь вы ошибаетесь. Марван Аккад не свидетель. Для меня он — главный подозреваемый.

— Подозреваемый? — спросил Годдар. — Мы о нем ничего не знаем, — ни кто он, ни почему был здесь — ничего.

— Так узнайте, — с нажимом сказал Лемье. — Выдайте ордер на его арест и известите власти от Милана до Марселя. Нельзя допустить, чтобы он сбежал. Или — я обещаю вам это, месье Годдар, — полетят головы, начиная с вашей.

Начался дождь. Марван включил дворники и начал молиться Богу, в которого не верил, о том, чтобы машину не занесло на мокрой трассе. Неожиданно зазвонил сотовый телефон, нарушив тишину и встревожив его.

— Алло?

— Марван, это я, Рами. Ты уже добрался?

— Еще нет.

Марван посмотрел на часы и на карту, и внутри у него все сжалось. Уже почти половина восьмого, а он только подъезжает к окраинам Марселя.

— Рами, — сказал он, — думаю, я не успею.

— Марван, ты должен успеть, — сказал Рами. — У тебя нет выбора. Из Северной Африки я смогу тебя забрать, но не из французской тюрьмы. Далеко еще?

— Километров пять, может быть, десять, но посмотри на часы.

— Да, да, я знаю, — сказал Рами. — Но нам нужно кое-что обсудить до того, как ты доберешься в аэропорт.

— Что, например?

— Для начала, твой телефон, — ты сказал, это телефон таксиста?

— Да.

— Но ты звонил через наш скрэблер в Праге?

— Конечно.

— Значит, полиция не сможет проследить твой звонок ко мне, — сказал Рами. — Но они будут пытаться, поэтому этим телефоном нельзя больше пользоваться. Когда мы закончим, выброси его. Понял?

— Понял.

– Когда будешь в Касабланке, купи спутниковый телефон, – продолжал Рами, – за наличные. И не скупись, купи хороший, к которому нельзя подключиться.

– Хорошо.

– И с него звони только мне. Больше никому.

– Хорошо, больше никому.

– Марван, я не шучу, – с нажимом сказал Рами. – Ты устал, у тебя было нервное потрясение. Ты сам не свой и должен быть особенно осторожен. Ты не можешь себе позволить малейшей ошибки. И пока мы не разберемся в происшедшем, ты должен уйти на дно и оставаться там. Тебе нельзя ни видаться ни с кем из друзей, ни бывать там, где когда-то бывал.

– Это нетрудно, – солгал Аккад. – В Марокко я никого не знаю.

– Хорошо, – сказал Рами. – Так и надо.

Рами не знает, что Рания уехала из Парижа и теперь живет в Касабланке, и Марван не настроен сейчас рассказывать ему об этом.

– И слушай, – продолжал брат, – одно можно сказать точно. Твое чутье тебя не подвело насчет Клодетт Рэмзи. Она жива, она в Сан-Паулу, и она занимается переводами денег. И значит, по всей вероятности, за всем стоит она. И то, что мы это уже знаем, это хорошо.

– А что плохо? – спросил Марван. Дождь пошел в Марселе сильнее, и плечо болело все больше с каждой минутой.

– То, что ей и тем, кто с ней работает, известно, что ты на них вышел.

– Непонятно, – сказал Марван. – Ведь об этом знаю только я и мои источники в Цюрихе и в Сан-Паулу.

– А они не могут вести двойную игру?

– Не могу себе этого представить, – ответил Марван.

– Я знаю их по меньшей мере лет пятнадцать.

– А не могли прослушивать телефон Рэмзи? – спросил Рами.

– В Монте-Карло?

– Нет, в Париже.

— Это возможно, — согласился Марван. — Но кто? Охранное агентство?

— Или полиция, — сказал Рами. — Он ведь сказал, что подозревает кого-то из французской разведки.

— Да.

— Значит..?

Марван задумался. Возможно, Рами прав.

— О чем ты говорил с Рэмзи, когда ему звонил? — спросил брат. — Ты сказал о фотографии? О Сан-Паулу?

— Нет, конечно, нет, — сказал Марван. — Я только сказал, что у меня срочные новости, с которыми нельзя ждать. Что должен встретиться с ним лично, но не в Париже.

— Монте-Карло предложил ты?

— Нет, он.

— И все подробности о том, где и когда вы увидите, он сообщил тебе по телефону?

— Именно так.

— Вот и объяснение, — сказал Рами, — телефон прослушивался.

— Тот, кто прослушивал, не знал, о чем я говорю, — продолжал рассуждать Марван. — Они только поняли, что это что-то серьезное и опасное. Клодетт и ее люди запаниковали. И решили прикрыть операцию.

— Именно, — сказал Рами, — и убраться не только Рэмзи, но и тебя.

— Значит, им известно, что я жив, — сказал Марван, — что их нападения в Монте-Карло не дали результата.

— То есть, они боятся, — продолжил Рами. — И они не успокоятся, пока не найдут и не убьют тебя.

— Значит, мы должны найти их раньше, чем они найдут нас.

— Как мы это сделаем?

— Во-первых, отправь людей в Сан-Паулу, — сказал Марван. — Нужно найти Клодетт и не дать ей сбежать. Если мы найдем ее, она выведет нас на остальных.

— Так, — сказал Рами. — Я займусь этим.

— Во-вторых, узнай, кто ведет расследование в Монте-

Карло, — продолжал Марван. — Узнай, связан ли он с этим, или ему можно доверять.

— Понял, — сказал Рами. — Что еще?

— Кого ты знаешь в Париже?

— У меня хороший друг в разведке, — ответил Рами.

— Мы познакомились, когда ты отправил меня открыть наше представительство в Париже, до того, как ты поехал туда сам. Он занимает довольно высокий пост. Он всех знает. И он мне обязан.

— Хорошо. Может быть, ему что-нибудь известно. Но будь осторожен, Рами. Мы все еще не знаем, с кем имеем дело.

— Не беспокойся. Мой друг будет очень осторожен.

— Хорошо.

Дождь пошел сильнее, температура резко снизилась. Но он уже видел знак аэропорта. Он почти на месте.

— Заканчиваем разговор, — сказал Марван. — Я почти приехал.

— Хорошо, — ответил Рами. — Будь осторожен. Позвони мне через три дня.

— Хорошо, — подтвердил Марван. — И, Рами...

— Да, Марван?

— Спасибо тебе.

— Разве я не твой младший брат?

Марван заехал на стоянку аэропорта. Было ровно восемь. Он нашел место для парковки и заглушил двигатель. Затем он протер салон, вытирая отпечатки, взял с заднего сидения сумку с вещами и на бегу выбросил в разные урны ключи, пистолет и телефон.

Он был в главном терминале в 8:12. Настолько быстро, насколько можно было, не привлекая к себе внимания, он пошел к своей ячейке. Открыв ее, он вынул фальшивые паспорта, десяток кредитных карточек (по две на каждое имя) и несколько пачек евро в мелких купюрах. Он также взял смену одежды, контактные линзы, — с которыми его глаза будут скорее зелеными, чем карими, — и небольшой рюкзак. Он захлопнул дверцу, выбросил фото Клодетт Рэмзи в урну и вошел в ближайший туалет.

В 8:21 он подошел к окошку «Роял Эр Марок», выкупил свой билет и получил посадочный талон.

— Поторопитесь, месье Карделл, — сказала блондинка за стойкой. — Посадка уже началась.

Марван поспешил к паспортному контролю. Перед ним было несколько человек. Полицейские и агенты в штатском уже были здесь. Аэропорт буквально кишел ими. Марван занял место в очереди и старался вести себя естественно, но сердце его билось учащенно. Ему необходимо перестать думать об угрозе ареста и допроса. Нужно успокоиться и стать тем, за кого он себя выдает.

Он попробовал сосредоточить мысли на Рании. Он попытался вспомнить ощущение ее руки на своем лице, тепло ее дыхания на своей груди, сладковатый запах ее

духов. Что она скажет, когда откроет дверь? Что скажет он? Впустит ли она его? У нее кто-то есть?

Он хотел думать только о ней, но очередь постепенно продвигалась, и им овладевали другие мысли. К какой категории он будет отнесен в полицейской ориентировке? Его будут разыскивать как свидетеля или как человека, виновного в двух убийствах? Или в трех? Предупреждены ли все аэропорты, морские порты, железнодорожные вокзалы и отели во Франции и в Италии? Или только ближайшие к Монте-Карло? В смысле — удалось ему ускользнуть или петля вокруг него затягивается?

Он взглянул на свое отражение в стекле. Каблуки туфель из змеиной кожи дюйма на два увеличивали его рост. Благодаря рваным джинсам, черной футболке, вылинявшей джинсовой куртке с надписью «Грейтфул Дэд», чьи хиты раздавались из его МРЗ-плеера, темным очкам и рюкзаку он был больше похож на американского студента, путешествующего по Европе, чем на телохранителя бывших президентов и премьер-министров. Он сам едва узнавал себя. То, что надо.

Человек восемь французских полицейских просматривали документы и проверяли багаж, используя металлоискатели. Ему казалось, что все обращают внимание на него. Давненько ему не приходилось действовать таким образом. Сумеет ли он ввести секьюрити в заблуждение и на этот раз?

Наконец подошла его очередь. Он бросил рюкзак и сумку с вещами, украденную в номере молодоженов в Монте-Карло, на конвейер для просвечивания. Затем он предъявил свой поддельный американский паспорт, билет и посадочный талон.

Главный, похожий на бульдога жандарм был коротко пострижен и затянут в тесную форму. На лице его было суровое выражение. Он тщательно изучал документы. Слишком тщательно.

Пульс Марвана участился.

Жандарм что-то спросил по-французски.

— А? — спросил Марван, вытаскивая наушники из ушей и изображая полное недоумение.

Жандарм перешел на английский.

— Месье Карделл, куда вы направляетесь?

— В Касабланку, дружище, — ответил Марван с почти безукоризненным калифорнийским акцентом. — Вообще-то в Рабат, если найду тачку.

Он был рад, что отвечает не через детектор лжи.

— Вы один?

— К сожалению.

— Путешествуете по делу или ради развлечения?

— Только ради развлечения, во всяком случае я так надеюсь, — Марван засмеялся, стараясь вызвать у проверяющего хоть какую-то теплую реакцию, чтобы тот расслабился и побыстрее отпустил его.

Ему не удалось вызвать ничего. Напротив, взгляд полицейского стал сверлить его еще сильнее.

— У вас есть оружие?

— Нет, — ответил он, почти жалея об этом.

— Наркотики?

Это был легкий вопрос. Он никогда в жизни не пробовал наркотиков. Но он не должен выходить из образа.

— Сегодня нет, — с усмешкой ответил он.

Жандарма не развеселило и это.

— У вас при себе больше десяти тысяч евро?

Марван сделал быстрый подсчет. Если он не ошибается, у него около двух тысяч. Он снова ухмыльнулся.

— Шутишь?

Жандарм поднял брови.

— Чтобы приехать сюда, я должен был продать свой «Харлей», — объяснил Марван. — И почти все уже спустил. Я понятия не имел, что во Франции все так дорого!

— Где вы остановитесь в Рабате?

Марван почувствовал неуверенность. Он не помнил, чтобы ему когда-то задавали такие вопросы при выезде из Франции. Его раскрыли? Почему просто не арестуют? Во рту у него пересохло.

— У девушки, — наконец ответил он.

Это опять была ложь. Он не виделся с Ранией по меньшей мере полгода. Он понятия не имеет, впустит

ли она его к себе. И он не уверен, что вообще найдет ее квартиру. Но он совершенно вымотан. Рана в плече начала нарывать. У него нет забронированного номера в гостинице, нет друзей в Марокко, и сейчас он не сможет придумать другую, более убедительную причину туда лететь.

– Значит, наркотиков нет? – снова спросил жандарм.

– Эй, может быть, я и дурак, но не настолько.

– Могу я заглянуть в вашу сумку? – спросил он, явно продолжая сомневаться.

Марван разрешил, и в этот же момент вспомнил, что в спешке он так и не проверил содержимое сумки, которую взял в Монте-Карло. Он не имел представления, чья это сумка – мужа или жены. И узнать это ему предстоит в присутствии восьми вооруженных людей.

Жандарм начал с рюкзака.

Еще одни джинсы. Пара старых футболок, явно нуждающихся в стирке. Грязное белье. Но есть также и чистое. Батарейки для плеера. Потрепанная книга Гришама «Фирма» в мягкой обложке. Начатый пакетик «M&Ms». Станок для бритья. Старая зубная щетка. Наполовину израсходованный тюбик пасты «Crest». Дезодорант. И бархатная коробочка с золотым колечком.

Марван увидел его, и на него снова нахлынули воспоминания. Он совсем забыл об этом кольце. Он не вспоминал о нем уже много месяцев. Он подарил его Рании. И она ему его вернула. Чувства угрожали вырваться наружу, и вдруг – совершенно неожиданно – Марван уловил проблеск тепла в глазах жандарма.

– Собираетесь обручиться? – спросил он.

– Если она захочет, – выдавил Марван, стараясь овладеть собой. – Зачем бы я продавал «Харлей»?

Жандарм едва улыбнулся и покачал головой. Он сложил вещи в рюкзак и взялся за сумку. Марван затаил дыхание.

К его ужасу, сумка была набита женской одеждой и косметикой. Платьями, купальниками, узкими джинсами. Обувью на высоком каблуке и на низком. И бельем,

которое не оставляло места воображению. Все было дорогое и новое (кое на чем даже сохранились бирки). И все это требовало объяснения, которого Марван Аккад (в настоящее время Джек Карделл) предложить не мог.

Марван подумал, не отразилось ли его удивление на лице.

— Может быть, вас правильнее называть не Жак, а Жаклин Карделл? — спросил жандарм и рассмеялся.

Засмеялись и его товарищи, которые уже обратили внимание на американца.

— Извините, — наконец произнес жандарм. — Как я понимаю, это все — для медового месяца.

И неожиданно для Марвана он подмигнул ему.

Марван, стараясь не выдать своего волнения, подмигнул в ответ.

— Соображаешь, парень.

Скелет» прибыл.

Так Годдар и Дювалль прозвали Лемье. Как они говорили — «одни кости и нет сердца». Он вот-вот будет здесь.

Годдар видел с балкона, как на площадку сел вертолет, из него вышел высокий и худой человек и сел в машину без опознавательных знаков, высланную за ним. Ехать предстояло недалеко, площадка находилась менее чем за сто метров от «Соверейн Плейс» — шикарного многоквартирного комплекса, который иногда был домом для семьи Рэмзи (а также, например, для одной из принцесс Монако).

У Рэмзи было еще четыре дома, как выяснил Годдар. Один — в Александрии, на южном берегу Средиземного моря, где Рафик вырос. Другой — это роскошный городской дом в Маади, пригороде Каира, неподалеку от главного офиса «Блю Найл Холдингз». Третий — дорогое шале в Давосе, в Швейцарии, которое Рафик часто сдавал, поскольку вышел из того возраста, когда мог кататься на лыжах без вреда для здоровья. И наконец, прекрасное, площадью в сорок акров поместье под Парижем, родным городом Клодетт, где они проводили больше всего времени.

Приобрести квартиру в Монте-Карло была идея Клодетт. Об этом Годдар узнал от их личного повара, который во время стрельбы был у себя. Клодетт вела светский образ жизни, рассказал он, и очень хотела иметь место, где могла бы принимать своих богатых друзей и которое можно было бы показать приезжающим на лето представителям бомонда.

Зазвонил телефон. Годдар схватил трубку. Затем объявил:

– Идет, – и скомандовал всем выйти.

Не нужно было повторять дважды. Ни у кого не было желания встречаться со Скелетом. Каждому уже приходилось работать с ним. Поэтому все, кто фотографировал, снимал отпечатки пальцев, делал замеры, собирал гильзы, закончили работу, сложили свое оборудование и покинули квартиру как можно быстрее и тише. Фактически они свою работу сделали. Трупы были убраны, и все занимались разными мелочами. Если они понадобятся, они вернутся. А сейчас все были довольны, что можно уйти, Дюваль в том числе.

Через несколько минут дверь лифта открылась, и вышел Лемье.

– Приветствую вас, инспектор, – сказал Годдар.

Лемье не кивнул в ответ. Ничего не сказал. Не улыбнулся. Он даже не пожал протянутую Годдаром руку. Он сразу принялся ходить по гостиной – медленно и методично, иногда наклоняясь и изучая пятна крови и сделанные мелом метки. Особенно его интересовал угол, под каким были сделаны выстрелы.

– Когда закончите, я покажу вам квартиру напротив, которую использовал убийца или убийцы, – предложил Годдар. – Мои люди нашли винтовку и прицел.

Лемье молчал. Он посчитал гильзы. Затем он перешел к следам от пуль в стенах, книжных полках, столе, стульях и диванах, не переставая оглядываться на здание, из которого, по всей вероятности, были сделаны выстрелы.

– На гильзах отпечатков нет, к сожалению, – продолжал Годдар.

Лемье ничего не сказал и на этот раз. Тишина была оглушительной.

Годдар наблюдал за ним. Он был очень высоким и ужасно худым. На нем был черный лондонский плащ, который висел на его костлявых плечах, как саван. У него было вытянутое мрачное лицо. Ему было 62 года, он был почти ровесником отца Годдара и почти таким же лысым, только над ушами торчали два крошечных пучка волос, а под надменным острым носом – маленькие седые усы.

Но больше всего Годдара раздражали глаза Лемье, маленькие, темно-карие. Выдавая мощный интеллект и легендарную фотографическую память, они не обнаруживали ни намека на какую-то теплоту или сочувствие — ни к жертвам и их семьям, ни тем более к кому-нибудь из тех людей, которые делали все, чтобы найти убийц и привлечь их к ответственности.

Как это возможно, чтобы такой бесчувственный человек заработал столь высокую репутацию во всей Европе? — задавал себе вопрос Годдар. Да, раскрытые им дела продолжают изучать криминалисты всего мира. А как же другие дела, заброшенные и медленно заглохшие? Почему они не принимаются во внимание, когда речь заходит о «великом» Марселе Лемье?

— Не могу передать вам, как я люблю ощущение и даже запах места преступления, — наконец сказал Лемье, продолжая расхаживать по комнате. — Это как прекрасная картина, написанная мастером вроде Моне или Мане. Это пуантилизм, месье Годдар. Вблизи ни одна деталь, ни одна точка цвета как будто не имеет смысла. Но вот вы делаете шаг назад, закрываете глаза и останавливаетесь, чтобы охватить всю картину, и мелочи начинают рассказывать вам историю — яркую, жестокую, захватывающую. Именно так всегда поступали великие детективы. Закрыв глаза и умиротворив душу, они следовали за повествованием.

Годдар не ответил. В этом человеке у него вызывало неприятие всё. Теперь он мог добавить к списку напыщенность и манию величия.

Теперь Скелет изучал одну из мини-камер, полгода назад установленных парижской охранной фирмой по всей квартире.

— Записи всех камер подготовлены, — сказал Годдар, упредив вопрос. — Записи цифровые, с указанием времени. На них зафиксировано все. Как Рэмзи разговаривает с Марваном. Как Рэмзи застрелили. Как убили телохранителей. Как Марван берет их оружие. Все здесь. И кстати, я уже получил баллистический отчет. По меньшей

мере в двух трупах в отеле «Меридьен» — пули из одного из их пистолетов. Стрелял, несомненно, Марван.

Лемье остановился и поднял взгляд.

Удивленный проявленным вдруг интересом, Годдар добавил:

— Проблема только в том, что камеры показывают, что случилось, но не говорят почему. Звука нет. Только Марван Аккад знает, что сказал месье Рэмзи в последние минуты своей жизни. И, как я уже говорил по телефону, я надеюсь — как и вы, я уверен, — что он может пролить свет на это ужасное преступление.

— Вы его уже нашли, месье Годдар? — спросил Лемье, прекрасно зная ответ.

— Еще нет, — признал Годдар, — но у нас есть след.

— Что именно?

— Одна из компаний, занимающихся перевозками, сообщила о пропаже машины. Водитель такси последний раз отметился у «Меридьена». Его не могут найти, и он не отвечает на вызовы. Менеджер отеля утверждает, что видел, как тот отъехал на запад.

— В сторону Франции? — уточнил Лемье.

— По всей вероятности, — ответил Годдар. — Сейчас мои люди проверяют камеры уличного наблюдения, не засекли ли они машину.

Одно из преимуществ высоких технологий, которые может себе позволить состоятельный город-государство. В Монте-Карло камеры наблюдения установлены везде. Нельзя сделать движение, чтобы тебя не сфотографировали. Не всегда преступление удастся предотвратить, но нередко его возможно восстановить и найти виновного.

— Когда менеджер видел отъезжающее такси?

— Почти два часа назад, — сказал Годдар.

— И Марвана больше не видели в городе?

— Нет.

— И его не видели в аэропорту в Ницце?

— Нет.

— И в Канне?

— Нет.

– И в Йере?

Расхаживая по комнате, Лемье вдруг резко остановился.

– Он направляется в Марсель, – сказал он. – Соедините меня с начальником службы безопасности аэропорта – быстро!

Самолет рейса 256 «Роял Эр Марок» катился в дождливую темноту. На борту его было 140 пассажиров, одним из которых был Марван Аккад, или Джек Карделл.

Самолет сделал разворот на юг и полетел над Средиземным морем на высоте 7 500 метров и со скоростью 800 километров в час. Подали прохладительные напитки, пилот выключил освещение в салоне, и большинство пассажиров стали дремать. Марван спать не мог. Рана болела почти невыносимо. Он обливался потом, его лихорадило и тошнило. Он попросил у стюардессы обезболивающие таблетки и запил их кока-колой. Потом он пошел в туалет помыть руки и лицо.

Он закрыл дверь и посмотрел на себя в зеркало. Его вид соответствовал самочувствию: лицо бледное, глаза воспаленные. Сняв куртку, он увидел, что футболка насквозь просочилась кровью. Кровь прошла через бумажные салфетки, которые он наложил на рану, когда переодевался в аэропорту.

Марван повесил куртку на крючок, вымыл руки теплой водой с мылом и осторожно намочил прилипшие к плечу салфетки, чтобы их можно было снять. Процедура была болезненной и заняла больше времени, чем он рассчитывал. В дверь постучалась стюардесса.

— Сэр, — спросила она, — у вас все в порядке?

— Да, спасибо, — ответил Марван.

— Точно? — она переспросила.

— Да, все в порядке, — сказал он. — Я уже выхожу.

— Мы скоро будем садиться, сэр. Нужно вернуться на место и пристегнуться.

— Да, да, — сказал он. — Я сейчас иду.

Марвану было совсем ни к чему привлекать к себе внимание. Несмотря на то, что он чувствовал себя ужасно, торопясь и морщась от боли, он промыл рану и приложил к ней свежие влажные салфетки. Затем он сполоснул лицо, вытерся, протер раковину и столик, и выбросил использованные бумажные полотенца в мусорную корзину. Надев куртку, он еще раз посмотрел на себя в зеркало, чтобы убедиться, что нигде не осталось следов крови, и вышел из туалета.

— У вас точно все в порядке? — спросила у него стюардесса.

— Боюсь, меня слегка укачало, — ответил он, надеясь, что этого будет достаточно, и она оставит его в покое.

— Вы действительно не очень хорошо выглядите, — сказала она. — Хотите, когда мы прибудем, вас осмотрит врач?

— В этом нет необходимости, — ответил он, и его снова бросило в пот. — Моя девушка займется мной. Вы очень любезны, благодарю вас.

Она оставила его в покое. Но когда Марван снова занял свое место, а самолет приближался к Касабланке, им снова овладело беспокойство. Да, ему удалось выбраться из Марселя и из Европы. Но он привлек к себе внимание. Эта женщина запомнила его лицо, глаза, поведение. Сколько пройдет времени, прежде чем ей зададут вопросы о нем?

За ним охотится полиция по меньшей мере трех стран, не говоря уже о Клодетт Рэмзи с ее головорезами. Насколько близко они подобрались к нему? Он знал, что оставил в аэропорту следы. Обнаружив их, они будут знать, что он направился в Марокко. Если он останется жив через два дня, можно будет считать, что ему повезло.

Самолет наконец совершил посадку. Марван прошел паспортный контроль без происшествий, взял напрокат машину и поехал в город. Шел густой ноябрьский дождь. Салон никак не согревался, а дворники не справлялись со своей задачей, и ему трудно было разобрать указатели. Он

был в Касабланке всего несколько раз, и только в составе кортежа.

К тому же у него поднималась температура. Он чувствовал слабость и с трудом мог определить, где находится. Дважды он чуть не заснул и едва успел вернуться на свою полосу. Он осознавал свое состояние, но не мог ничего поделать: нужно было продолжать путь. Он потерял много крови. Рана воспалилась. Он давно не спал и не ел и был очень близок к состоянию шока.

Была уже почти полночь, когда он добрался до адреса, написанного на кусочке бумаги, который он держал в бумажнике. Высокое серое бетонное здание недалеко от Большой Мечети было похоже на другие многоквартирные дома в Марокко. Но у него была одна отличительная черта: на седьмом этаже в нем жила девушка, в которую он был влюблен с третьего класса.

Здание было погружено в сон. Так же как и портье. Марван на цыпочках прошел мимо него и стал подниматься по лестнице, чтобы шум лифта не разбудил старика.

Поднявшись на седьмой этаж, Марван совсем задышался. Боль стала еще сильнее. Коридор был слабо освещен, и он видел все как в тумане. Во рту у него пересохло. Кажется, «701»? Он стоял у нужной двери.

Сердце билось от страха и неуверенности. Он представления не имел, что его ожидает, и знал, как ужасно выглядит. Но что оставалось делать? Он огляделся: в коридоре никого не было. Было тихо, только у кого-то в конце коридора приглушенно звучал телевизор. И он постучал. Ответа не было. Он постучал еще раз. Опять ничего.

Его охватила паника. Ее нет дома. Где она может быть так поздно? Не ошибся ли он адресом? Голова пошла кругом. Он почувствовал холод и слабость. Искать гостиницу и прийти еще раз утром? Какую гостиницу? У него не был заказан номер. Он даже не знает, где находится гостиница. Он не может позвонить, потому что у него нет телефона. Перед глазами снова все поплыло. Ноги стали как ватные.

Он услышал звон цепочки и щелчок открываемого замка. Дверь перед ним приоткрылась. Полоска света упала на его лицо, и он сморщился и отвернулся. И голос, напоминающий голос ангела, спросил:

– Марван, это ты?

В глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Клодетт Рэмзи лежала в шезлонге у бассейна на большой вилле в горах, потягивая из стакана прохладную пинаколаду и впитывая лучи раскаленного солнца Сан-Паулу.

Она вела себя как женщина, которая наслаждается свежееобретенной свободой, слуга-туземец втирал ей в плечи и спину кокосовое масло, но она не могла расслабиться, ожидая известий о последней операции. Ей больше не придется делить жизнь с этим невыносимым деспотом — «фараоном», как она называла его за его спиной. Его уже нет в живых. А его телохранитель? Покончено ли с ним тоже? И если да, то кто еще остается? Кому еще он рассказал?

Позвонил спутниковый телефон. Она села и отослала слугу. Только убедившись, что она осталась одна, она открыла свой телефон-раскладушку и спросила:

— Эта линия абсолютно безопасна?

— Конечно, — ответил ей голос на другом конце. — Вы меня за дурака принимаете?

— Я не могу позволить себе рисковать. Вы знаете, как много поставлено на карту.

— Не только вы рискуете.

— Значит, все сделано?

— Не совсем.

— Что это значит? — потребовала она ответа.

— Вопрос с вашим мужем решен. Но Марван Аккад сбежал.

— Как сбежал? Я заплатила трем группам.

— Он — профессионал.

— Я считала, что вы — лучший профессионал.

— Мы найдем его, — уверил ее голос. — И покончим с ним. Но для этого понадобится больше времени и больше денег.

— Исключено, — процедила она сквозь зубы. — Ни цента больше. Вы сказали, что уберете обоих. Я заплатила. Остальное — ваша проблема.

— Вы кое-что забываете, миссис Рэмзи.

— Не называйте меня так! — потребовала она. — Вы знаете, что я ненавижу это имя.

— И все же, — продолжал голос, — мне известно, где вы, и что вы сделали, и у меня достаточно фактов, чтобы вы провели в заключении всю оставшуюся жизнь.

— Факты свидетельствуют и против вас, — огрызнулась она.

— В самом деле? Что ж, посмотрим.

Клодетт с гневом на лице мерила шагами площадку рядом с бассейном.

— Вы смеее мне угрожать?! Мне, которая...

— Помолчите! — оборвал ее голос на другом конце. — Вы думаете, вы первый заказчик, который в середине операции пытается отказаться от своих обязательств? У нас есть способы управляться с такими людьми, и я не советую вам испробовать их на себе.

— Я не отказываюсь! — ответила она. — Но я не хочу платить больше, чем мы договорились.

— Вы заплатите столько, сколько нужно, или заплатите своей жизнью! Вы поняли меня?

Клодетт застыла на месте. Он способен выполнить свое обещание. Она не хочет умирать. Она просто хочет быть свободной и богатой, и имеет на это полное право. Бригитта умерла ужасной смертью, — она не этого ожидала и не за это платила. Она испугалась за свою собственную жизнь.

— Хорошо, — вздохнула она. — Сколько вам необходимо еще, чтобы закончить дело?

Рания Фаваз сдержала крик, готовый сорваться с уст.

Ее охватило смятение. Она не верила своим глазам. С Марваном Аккадом они не виделись по меньшей мере полгода. Она уехала из Парижа и нашла работу в Касабланке, чтобы начать жизнь заново – жизнь без него. *Как он ее нашел? Почему он здесь? И что с ним случилось?*

Придерживая одной рукой халат, Рания пощупала пульс и лоб Марвана. Он без сознания, но жив, и у него высокая температура. Увидев пятна крови на рубашке, она осторожно распахнула куртку и увидела ужасную рану.

– Лейла! – позвала она шепотом, чтобы не разбудить соседей. – Лейла, быстро иди сюда!

Соседка по квартире, огорченная тем, что ее разбудили так рано, без охоты встала с кровати и пришла в гостиную, спотыкаясь. Она увидела, что у их двери бесформенной кучей лежит человек.

– Кто это? – спросила она.

– Марван Аккад, – ответила Рания, осторожно переворачивая его на спину.

Лейла раскрыла рот.

– Марван? Но я думала... почему он здесь?

– Одному Богу известно, – сказала Рания. – Смотри, он ранен.

– Ранен?

На лице Лейлы был ужас.

– Помоги мне занести его внутрь, – сказала Рания.

– Ты что, с ума сошла? – спросила Лейла. – Мы должны сообщить в полицию.

– Нет, – ответила Рания быстро и решительно.
– Почему? – спросила Лейла.
– Я потом объясню.
– Нет, сейчас, — потребовала Лейла.
– Тише! – прошептала Рания.
– Объясни мне сейчас, – настаивала Лейла.
– Не могу, – сказала Рания. – Не здесь. Не в коридоре.

– Я не собираюсь помогать тебе вносить его ко мне в квартиру.

– К нам в квартиру, – поправила ее Рания. – Половину плачу я, если ты помнишь.

– Но договор составлен на мое имя, – ответила Лейла, – и я не хочу, чтобы меня вышвырнули – и тем более арестовали – за помощь кому-то, из-за кого ты сбежала из Франции.

Рания выпрямилась и посмотрела подруге в глаза. Они обе были медсестрами и работали в одной больнице в одном отделении. Рания не была уверена, что кто-то из них может оказать Марвану должную помощь, но нужно было попробовать.

– Он умрет, Лейла. Мы не можем оставить его так.

Лейла не соглашалась.

– Правильно. Мы можем вызвать полицию, и она о нем позаботится.

Она повернулась, намереваясь позвонить по телефону, но Рания схватила ее за руку.

– Прощу тебя как друга, – произнесла она сквозь зубы.

– Пусти меня.

– Ты поможешь мне? – спросила она, глядя Лейле в глаза.

– Я сказала, отпусти меня, – потребовала та.

– Ладно, не помогай мне, – сказала Рания, – но утром же я расскажу доктору Рамизу, что ты совсем не была больна на прошлой неделе.

Лейла прищурила глаза.

– Ты не можешь так поступить.

— Почему? — спросила Рания. — Я тебя покрывала. Я сказала ему, что у тебя грипп, потому что считала тебя подругой. Как ты думаешь, что он скажет, когда узнает, что ты всю неделю была в Тенерифе и занималась серфингом со своим испанским другом?

— Он уволит и тебя, — сказала Лейла. — За обман.

— Может быть, — ответила Рания, продолжая держать ее за руку. — А что сделает твой отец, когда я расскажу о Рауле ему? Знает ли он, что вы продолжаете втайне встречаться, несмотря на его запрет? Что вы останавливаетесь в отелях в одной комнате?

Лейла вырвала руку и отодвинулась от Рании.

— Ладно, я помогу тебе, — сказала она. — Но помалкивай о Рауле. Если отец узнает...

Вдруг в квартире напротив щелкнул выключатель, и под дверью появилась полоска света. В квартире миссис Бадави началось какое-то движение. Она была самой шумной и самой болтливой из соседей. Если она увидит Марвана, она обязательно сообщит полиции, и скоро о случившемся узнают все.

— Скорее, — прошептала Рания.

И они с Лейлой — обе достаточно миниатюрные девушки, — взяв Марвана за руки и ноги, втащили его в квартиру и закрыли дверь. Отдышавшись, они уложили его на диван в гостиной и накрыли одеялами.

Рания принесла свой медицинский чемоданчик, а Лейла — чистые полотенца. Затем Рания сдвинула одеяла, сняла с Марвана куртку и разрежала футболку. Обе поморщились.

— Рана уже инфицирована, — сказала Лейла.

Измерив температуру, Рания кивнула.

— У него 40.

Не давая выхода своим чувствам, Рания попыталась сосредоточиться на том, что необходимо сделать. Она взяла маленький стерильный скальпель, марлю и начала очищать рану. Затем она обработала ее антисептиком. Наверняка было ужасно больно, но Марван не вздрогнул и не пошевелился.

– Рания, мы должны показать его врачу, – сказал Лейла, видя, как Рания лихорадочно пытается оказать помощь человеку, которого, по ее словам, не любит. – Если мы этого не сделаем, он умрет, и мы будем отвечать.

– Нельзя показывать его врачу, – ответила Рания.

– Почему? – спросила Лейла.

– Думаешь, если бы было можно, он не пошел бы в больницу или в полицию сам? – спросила Рания, вытирая слезы. – У него неприятности. Иначе почему бы он пришел сюда, ко мне? Только по этой причине.

– Думаешь, его ищут?

– Я не знаю.

– Но как он тебя нашел? – спросила Лейла. – Я думала...

– Я не знаю. – Рания задумалась. – Он всегда был очень изобретательным.

– А если так же «изобретательны» те, кто это сделал? – спросила Лейла. – Если, чтобы убить его, они придут сюда? Ты что, не понимаешь? Они убьют и нас.

Рания была готова расплакаться. Лейла права. Марван умирает, и, помогая ему, они рискуют своими собственными жизнями. Но она не может ничего не делать, по каким бы причинам они ни расстались когда-то.

Она побежала в спальню.

– Куда ты? – спросила Лейла.

Рания переоделась в свой рабочий халат. Взяв удостоверение и бумажник, она направилась к двери.

– Ты куда? – потребовала ответа Лейла.

– В больницу.

– Ты с ума сошла!

– Мне кое-что нужно.

– О чем ты? Что тебе нужно?

– Антибиотики, плазма, обезболивающее.

– Уже полночь!

– Я знаю. Я вернусь через двадцать минут.

– У него может не быть двадцати минут.

– Я потороплюсь.

– Но ты не имеешь права брать что-то из больницы,
– сказала Лейла.

Рания взяла свое пальто из шкафа и надела его.

– У меня нет выбора.

– А если тебя поймают?

– Я буду осторожна.

– Это слишком опасно.

– А что ты предлагаешь? – спросила Рания.

– Я позвоню Раулю, – сказала Лейла. – На этой неделе он в ночную смену.

– Нет, – сказала Рания. – Никто больше не должен знать о Марване.

– Он никому не скажет.

– Спасибо, Лейла, я тебе благодарна. Но я должна сделать это сама.

– Почему? – спросила Лейла. – Ты готова рисковать своей работой, жизнью – всем, что у тебя есть, – ради чего? Ради Марвана Аккада? Ты же сказала, что не хочешь его больше видеть. Ты мне сама сказала.

– Я знаю, – сказала Рания, вынимая из сумочки ключи. Повернувшись к Лейле, она поцеловала ее в щеку. – Но я не сказала тебе почему. Если бы ты знала, ты бы поняла. Только пообещай, что помолишься за меня, чтобы меня не поймали.

– Обещаю, – тихо сказала Лейла.

И Рания вышла.

Рания оставила машину с задней стороны больницы и попробовала несколько дверей. Все были закрыты. Она попробовала боковые двери, но те тоже были закрыты на ночь. Она поняла, что войти можно только со стороны скорой помощи, значит мимо охраны. То есть ее увидят и, наверное, что-то спросят. Может быть, даже зафиксируют ее приход (для которого нет причин). Она посмотрела на часы. Выбора у нее нет.

– Мисс Фаваз, я никогда не видел вас здесь так поздно, – сказал охранник, которому она предъявила значок.

– Доктор Рамиз вызвал меня, – соврала она, – и попросил кое-что ему принести.

– Все в порядке? – спросил охранник.

– Конечно, – ответила она. Сердце учащенно билось. – Завтра он осматривает нескольких пациентов, и у него нет кое-каких медикаментов. Я недолго.

– Нужна помощь?

– Нет, все в порядке, – ответила Рания, чувствуя себя ужасно оттого, что обманывает товарища и рискует работой. – Я быстро.

– Хорошо, – сказал охранник. – Распишитесь здесь.

Он показал ей строчку в журнале, где она должна была поставить свою подпись. Она посмотрела на ручку и подумала о том, к чему все это может привести.

– Что-то не так? – спросил охранник, заметив ее колебание.

Она закрыла глаза на момент и зевнула.

– Нет, я просто устала, – ответила она.

Она взяла ручку и попыталась расписаться, но ручка не писала.

– Не пишет, – сказала она.

– Точно? – спросил он. – Встряхните ее легонько.

Встряхнув ручку, она попробовала еще раз. Снова безрезультатно.

– Ну, как вам это нравится, – сказал он. – Возьмите мою.

Охранник пощупал в кармане, но на обычном месте ручки не оказалось.

– Странно, – сказал он, поискав на столе, а затем и под столом. – Она только что была здесь.

Рания посмотрела на часы.

– Я тороплюсь, – сказала она. – Может быть, я сбегаю наверх и возьму, что нужно доктору Рамизу?

Охранник все еще исследовал пол.

– Не понимаю... – бормотал он рассеяно и даже раздраженно. – Это моя любимая ручка.

Рания поняла, что в ближайшее время не дожидется ответа, а ей нужно быстрее вернуться к Марвану. И к Лейле, пока та не передумала и не выдала их. Она посмотрела в сторону лифта, но, решив, что это будет слишком долго, стала подниматься по лестнице. Охранник был все еще занят поисками ручки. Она поспешила в манипуляционную на третьем этаже.

На этаже было тихо. Одна медсестра сидела за столом, другая была занята обходом. Действовать нужно было быстро. Она нашла нужный ключ в связке, открыла дверь и вошла. Открыв подсобку, она проскользнула внутрь. Она собрала все необходимое и сложила в сумку. Вдруг послышались шаги. Она выключила свет и присела за стеллажом.

Дверь открылась. Кто-то включил свет и вошел, насвистывая. Сердце Рании было готово остановиться. Это был приятель Лейлы, Рауль. *Что он здесь делает? Может, Лейла ему позвонила? И рассказала?* Напряжение становилось невыносимым. Она не сможет объяснить свое присутствие здесь так поздно. Если он ее выдаст...

Эта мысль ее ужаснула. Она старалась не думать об этом. Рания затаила дыхание. Она видела его ноги и слышала, как он ставит что-то на полку, не переставая насвистывать. Он не знает, что она здесь, и не ищет ее. Он выключил свет и вышел.

Рания выдохнула. Она вся дрожала. Она подождала несколько минут, прислушиваясь, не идет ли кто-то еще. Но все было тихо. Она встала и осторожно стала пробираться к выходу, стараясь ничего не задеть. Она взяла все, что нужно. Надо уходить, пока ничего не произошло.

Она выглянула. Путь был свободен. Прижимая сумку к груди, она бросилась к лестнице и пробежала три этажа вниз. На первом этаже она приостановилась, чтобы выровнять дыхание. Затем быстро и целенаправленно пошла к выходу, не глядя на охранника, который смотрел свой телевизор.

Она была почти у двери, когда вдруг услышала:

– Мисс Фаваз, подождите!

Рания застыла на месте.

Это охранник. Он разоблачил ее. Но каким образом?

Она утешенно дышала. Голова кружилась. Что делать? Бежать нельзя – ее поймают. В лучшем случае ее депортируют. А если..? Нет, она не будет об этом даже думать.

Рания медленно повернулась, стараясь выглядеть спокойной, но надежда покинула ее. Она чувствовала слабость и страх. Она должна отдаться своей судьбе – и судьбе Марвана и Лейлы. Они нарушили закон, и за это придется расплачиваться. Как же это все произошло?

Охранник встал со стула, и на лице его не было ничего угрожающего. Он улыбнулся.

– Мисс Фаваз, посмотрите, я нашел свою ручку, – сказал он к ее удивлению. – Подойдите, вам нужно отметить приход и уход.

Ему было весело, а Рания едва не расплакалась. Но через 10 минут она уже вернулась в свою квартиру.

– Почему так долго? – спросила Лейла.

– Не получилось быстрее, – сказала Рания, – были сложности.

- Какие сложности?
- Ничего, все хорошо.
- Нет, Раня, не все.
- Что случилось?
- Температура у Марвана поднялась выше 40.

Работник марсельского аэропорта обнаружил тело убитого таксиста утром. Через 15 минут место было окружено полицией, и в 7.30 телефон инспектора Жана-Клода Годдара в Монте-Карло зазвонил.

— Да, — сказал он, разбуженный от короткого сна в кабинете, где он оставался всю ночь. — Вы шутите... Где? Место взято под охрану? ... Нет, мы доберемся вертолетом... Подготовьте все... Молодцы.

Он позвонил Колеетт Дюваль, чтобы она все организовала, а затем Лемье и сообщил новости. У них есть след.

Годдар плеснул в лицо водой, почистил зубы, причесался и, отыскав в ящике стола чистую рубашку, надел ее. Захватив значок, пистолет, бумажник и ключи, он встретил Дюваль у входа. Она повезла его к вертолету. Там он должен был встретиться с Лемье.

— Вы выглядите ужасно, — сказала она, когда они ехали по полупустым улицам.

— А чувствую себя еще хуже, — ответил Годдар.

— Вы не уходили домой?

— Как я мог уйти? — он перелистывал свои записи.

— Есть что-то новое о Марване?

— Только то, что я отправила вам в 4 утра по электронной почте, — ответила Дюваль, — но на 10 назначена конференц-связь с Бейрутом и Парижем. Я позвоню, когда будет что-то еще.

Дюваль заехала на стоянку. Вертолет был готов. Годдар взял портфель и вышел из машины.

— Не хотите поменяться со мной местами? — крикнул он, стараясь перекричать рев моторов.

– Чтобы провести целый день со Скелетом? – прокричала она в ответ. – Заманчиво, но не могу лишиться вас такой возможности.

– Очень смешно, – сказал Годдар. – Продолжайте заниматься Марваном.

– Продолжаем.

Прибыл инспектор Лемье, и вертолет взлетел.

– Итак, месье Годдар, – сказал Лемье через несколько минут, – что у вас есть на этого Марвана?

Начинается.

– Его полное имя Марван Адиб Муса Аккад, – начал Годдар, когда они летели над Францией. – Он родился в Сайде, в Ливане, 14 февраля 1978 года. Отец, Адиб, был банкиром, мать, Сара – учительницей в школе. Семья переехала в Бейрут в 73-м году. Остальные сведения довольно отрывочны. Мы знаем, что единственный брат Марвана, Рами, родился в 1982 году. Известно, что Марван пошел в армию в 96-м, хорошо себя показал, его заметили и повысили. Прослужив в элитных подразделениях, он был переведен в секретные службы, служил телохранителем министра обороны в 98-м и в охране премьер-министра с 99-го по 2001-й.

Годдар просмотрел распечатку сообщения от Дюваль.

– Он ушел с государственной службы в 2003 году, – продолжил он. – Уйдя из армии, основал охранную компанию «Аккад и партнеры». Насколько нам известно, в основном они занимаются поиском похищенных людей и защитой руководителей и персонала «Вестерн Ойл», работающих в Ираке. С недавнего времени они стали обеспечивать их безопасность и в Ливии. Судя по всему, в районе Персидского залива их бизнес с богатыми клиентами успешно развивается. На сайте компании есть только список клиентов и контактная информация о главном офисе в Бейруте. Моя коллега Колетт Дюваль пыталась связаться с ними вчера вечером, но у них было закрыто. Через час она попробует еще раз.

– Это все? – спросил Лемье.

– Пока да, – ответил Годдар, застигнутый врасплох напором Лемье.

— Вы думаете, я всего этого не знаю? — спросил Скелет с раздражением. — Я получил всю эту информацию, просто позвонив к себе на службу. Это заняло не более пяти минут. Моя секретарша знает о Марване Аккаде больше, чем вы, месье Годдар. И это все, на что способно Монако?!

Годдар решил сохранять хладнокровие. Временами ему хотелось просто заехать по этой физиономии, но он не мог себе этого позволить. И он не хотел доставить удовольствие Лемье, таким образом признав, что тому все-таки удалось вывести его из себя.

— Вы просили меня узнать, что можно, — ответил Годдар. — Через несколько часов мы будем знать больше.

— Через несколько часов Марван уже может быть в Японии или на Аляске, — произнес Лемье. — Мы не можем себе позволить ждать, месье Годдар. Убийца находится на свободе и опережает нас на 9 часов.

Годдар почувствовал, что его лицо и шея покраснели, а уши стали горячими. Все были свидетелями его унижения, и он хотел ответить. Но сейчас не время и не место.

— Мне интересно, месье Годдар, — говорил Лемье, их полет к Марселю продолжался, — почему вы ничего не сказали о том, как Марван с братом в Ливане пережили вторжение 82-го года, о том, как, прижимаясь к матери, прятались в ванне от осколков стекла и шрапнели?

— Боюсь, что я...

— Почему вы ничего не говорите о том, как на глазах Марвана минометным снарядом были убиты его два дяди, две тети и их дети, когда они праздновали первый день рождения Рами? — продолжал Лемье. — Знаете ли вы, что через несколько лет после этого Марван с братом видели, как на улице Бейрута в машине взорвались их родители?

Через окно Годдар видел голые деревья и грязные фермы: дождь не переставал всю ночь.

— Так что? — спросил Лемье. — 3 января 1993 года — это вам о чем-то говорит?

— Нет, — ответил Годдар.

Он чувствовал себя униженным. И главное, что Лемье был прав. Нужно было добыть больше информации, а не

предлагать Лемье эти крохи. Он же знал, как тот работает, и винить теперь мог только самого себя.

К сожалению, Лемье еще не закончил.

– Марвану было тогда почти 15 лет, а Рами – 11, – совершенно бесстрастно говорил Скелет. – Память об этом дне будет преследовать их всю жизнь. Они не будут ни говорить, ни вспоминать о нем. Вы хотите раскрыть это дело, месье Годдар? Тогда вам нужно понять, что за человек Марван Аккад. Хотите понять, что толкает человека на шантаж? На убийство? На то, чтобы вселять страх в людей? Тогда вам нужно разобраться в событиях, которые сформировали его, понять, что движет им.

– Все началось, когда были убиты родители Марвана. Марван уже не был братом – он стал главой семьи. Не осталось никого, кто мог заботиться о Рами. Дядей и тетей не было в живых, а остальные родственники уехали из Ливана в Европу и Штаты. Марван должен был заниматься младшим братом один – кормить его, одевать, защищать. Даже в армии Марван продолжал заботиться о Рами. Он добился, чтобы того зачислили в элитное подразделение, давали особые задания и назначили на престижное место в охране самого заместителя премьер-министра.

– Зачем? Какую цель они преследовали? Скажете, благородную цель – обеспечить защиту руководителей своей страны и детей этих руководителей от страданий, которые пришлось пережить им самим? Вы же не настолько наивны, месье Годдар.

Годдар не ответил ничего. Он был сыт всем этим по горло.

– Марваном Аккадом движет не любовь к стране, месье Годдар, – сказал Лемье. – Им движет жадность. Поверьте мне. Я всю жизнь гоняюсь за подобными людьми. Я узнаю их. Марван хочет получить то, что, как он считает, принадлежит ему по праву. Он хочет вернуть то, что у него отняли: богатство и ощущение непобедимости, которое может дать только большое состояние. И чтобы удовлетворить это свое ненасытное желание, он кормится за счет богатых и могущественных, – усыпляя их ложным

ощущением безопасности перед тем, как обогнуть их до
нити. Запомните мои слова, месье, Марван Аккад – суший
дьявол. Он может лишь грабить, убивать и уничтожать. И
мы должны найти его до того, как он сделает это снова.

К тому времени, когда вертолет с Годдаром и Лемье сел в Марселе, местные власти располагали новыми фактами. В кабинете начальника охраны аэропорта они начали просматривать записи камер наблюдения.

На первой было видно, как такси Марвана заезжает на стоянку. Вторая показывала, как через несколько минут он входит в здание аэропорта. Другие — как он вынимает что-то из ячейки камеры хранения, входит в туалет, забирает билет и посадочный талон и проходит через контроль под именем Джека Карделла.

— Что он выбросил в урну? — спросил Годдар.

— Кто знает? — сказал Лемье. — Это может быть что угодно.

Годдар повернулся к начальнику,

— Нужно, чтобы кто-то проверил весь мусор, собранный за ночь.

— Но месье, инспектор прав, — сказал тот, — это может быть что угодно.

— И это нужно найти, — настоял Годдар.

Затем Лемье вызвал жандарма, проверявшего Марвана. Он допрашивал его так пристрастно, что Годдар думал, у того будет нервное расстройство. Жандарма отстранили от работы.

Просмотр компьютерных логов показал, что через ливанского интернет-провайдера в режиме online для Марвана был куплен билет на рейс «Роял Эр Марок».

— Это наверняка брат Марвана, — сказал Лемье.

— Мы не можем этого знать точно, — возразил Годдар.

— А кто это еще может быть? — спросил Лемье.

— Я только хочу, — сказал Годдар, — чтобы дело было построено не на предположениях, а на фактах, которые можно было бы доказать в суде. Если Марван действительно виновен — а это может быть так, — нам нужно больше доказательств. Пока же мы располагаем лишь косвенными уликами.

— Я выиграл немало дел, имея еще меньше, — похвастался Лемье.

А сколько ты не довел до конца, имея больше? — подумал Годдар, но промолчал.

— Как вам угодно, — сказал Лемье, — а я лечу в Касабланку искать нашего убийцу и хочу, чтобы вы отправились в Бейрут и выяснили, кто заказал билет. И будьте осторожны, месье Годдар. Марван и Рами Аккады — опасные люди. И чем ближе вы к ним подбираетесь, тем они становятся опаснее.

– **М**арван! Марван, ты меня слышишь?

Марван пытался проснуться, но не мог поднять веки. Все тело болело, и, хотя его лицо было покрыто потом, он дрожал от холода. Он натянул на себя одеяло и прижал ноги к груди.

– Марван, это я, Рания, ты слышишь меня?

Да, он слышит ее. Он любит этот голос и очень скучал по нему.

Он и Рания были друзьями с детства. Они играли вместе, веселились вместе и вместе пережили гражданскую войну в Ливане. Они ходили на дни рождения друг к другу, сидели рядом в школе. Однажды на крыше своего дома они построили крепость, в которой сделали запасы комиксов и напитков – виноградного, ее любимого, и апельсинового, его любимого.

Первой девушкой, которую он поцеловал в своей жизни, была Рания. Первой, кого он повел на американский фильм, была она. Он забыл название фильма, но помнил, как они пробрались в зал и сели сзади: их родители были против того, чтобы они встречались. И он помнил, как держал ее за руку.

Он был уверен, что женится на ней. И вот однажды, когда ему было 14 лет, когда учебный год закончился и начинались летние каникулы, она пришла к нему и рассказала, что ее отец получил новую работу – во Франции, а если быть точным, то в Париже, – и вечером они улетают туда навсегда. Марван помнил, как она поцеловала его в щеку – у нее в глазах были слезы. Она попрощалась с ним, повернулась и убежала. Он все еще

чувствовал ком в горле и боль в сердце. Он помнил, что подумал в тот момент: за что его Бог так наказывает?

— Марван, — прошептала она еще раз. — Можешь открыть глаза? Проснись.

Он опять чувствовал тепло ее дыхания на щеке и аромат ее духов. Он с усилием открыл глаза. Вот он снова видит ее, и его губы стали складываться в улыбку.

На ней уже была не розовая ночная рубашка, а халат медсестры. Когда-то длинные черные волосы теперь были пострижены и доставали только до плечей. На лице не было никакой косметики, но так она выглядела лучше — чище и милее. Ее глаза, прекрасные карие глаза, были еще более зачаровывающими, чем когда-то. Стоило пройти через все только для того, чтобы снова смотреть в них. Вся боль и страдания предыдущих шести месяцев ушли. Лучшее лечение и эликсир жизни — это то, что он у нее дома, на ее диване, под ее уходом, и ее сердце бьется рядом.

— Марван, ты слышишь меня? — нежно прошептала она.

— Который час? — спросил Марван слабым хриплым голосом.

Пульсирующая головная боль начала слабеть. Он чувствовал умиротворение и безопасность. Уже много месяцев он не был так спокоен.

Рания посмотрела на часы.

— Уже почти восемь.

— Утра? — спросил он, посмотрев в сторону окна. — Почему на улице темно?

— Уже вечер, Марван, — ответила она. — Сейчас восемь вечера. Ты спал весь день с тех пор, как вчера упал в коридоре.

— Извини, — прошептал он.

Она помотала головой и пощупала его лоб.

— Ничего, — сказала она.

— Прости меня за все, — прошептал он. — Я знаю...

— Молчи, — сказала она, нежно прижимая палец к его губам. — Мне нужно тебе что-то сказать.

Что угодно, подумал Марван. *Можешь читать мне некрологи из газет, текст на коробке с овсянкой.* Он рад снова быть с ней.

Помолчав минуту, она посмотрела ему в глаза, и он уже почувствовал себя лучше. Набрав воздуха, она сказала:

– Тебе нельзя здесь оставаться.

Сердце Марвана остановилось.

Что? – спросил он себя. – *Что она только что сказала?* У него похолодели руки. Он попытался что-то сказать, но во рту пересохло и слова не выходили.

– Ничего не говори, – прошептала она. – Только слушай.

Он не мог слушать. Что бы она ни собиралась сказать, он не хотел этого слышать.

– Я тебя люблю, Марван, – начала говорить Рания. – Думаю, я всегда любила тебя, с того дня, когда ты первый раз поцеловал меня, хотя, наверное, и задолго до того. Я никогда в жизни так не плакала, как в тот день, когда мы с родителями уехали в Париж, потому что думала, что больше тебя не увижу. Я продолжала плакать. Я сказала родителям, что ненавижу их за то, что они увезли меня, и что уезду и найду тебя.

Но я была тогда ребенком. Я выросла, и ты тоже вырос. Мы изменились, жили каждый своей жизнью и стали другими. И когда ты пришел ко мне в прошлом году с цветами и подарками и предложением выйти за тебя замуж, я испугалась. Потому что у меня была новая, другая жизнь, которая мне нравилась. У меня были друзья, которые хорошо относились ко мне, и человек, который был ко мне равнодушен.

Но ты продолжал посылать хорошие письма, записки, звонить, присылать мне подарки и цветы, и это приводило меня в замешательство. Десять лет я изо всех сил пыталась забыть тебя – может, не забыть, а справиться с прошлым и создать себе новую жизнь, которая бы подходила мне. Я знаю, ты хотел сказать мне, как любишь меня, и это было очень приятно. И я поняла: ты рассказывал мне о своей жизни, о том, что у тебя есть и с кем ты знаком,

думая произвести на меня впечатление. Но этого не произошло. В этих письмах я едва могла узнать своего лучшего друга.

Я не хочу выходить замуж за человека, которого никогда нет дома, который постоянно в опасности и который зарабатывает тем, что рискует своей жизнью. Я не хочу выходить замуж за человека, который вместо Бога поклоняется деньгам, власти и престижу. Я хочу, чтобы мой муж любил меня, Марван, хотел проводить время со мной, воспитывать детей со мной и серьезно относился к тому, что в жизни самое важное. А ты не такой человек, Марван. Может быть, ты был таким когда-то, но, думаю, ты больше не такой.

— Я могу измениться, — с трудом произнес Марван.

Рания погладила его по лицу прохладной рукой и улыбнулась.

— Может быть, и можешь, — согласилась она. — Но пока что у меня на пороге ты потерял сознание от огнестрельной раны. Я рисковала работой, чтобы помочь тебе. Такая жизнь меня не устраивает.

— Поэтому ты и сбежала из Парижа? — спросил Марван.

— Я не сбежала, — спокойно ответила Рания. — Предложили работу здесь, и я согласилась.

— Мы собирались поужинать вместе, — сказал он, и голос его звучал неровно и напряженно. — Я просидел там час, пока наконец не появился твой брат и не сказал, что ты уехала.

— Возможно, мой брат сделал это не лучшим образом.

— Ты не оставила записки, не попрощалась, — сказал Марван, — просто исчезла.

— Я думала, так будет лучше, — сказала Рания. — Только так я могла убедить тебя в том, что ты отказывался понимать.

— Может быть, и ты могла сделать это по-другому, — сказал Марван.

— Может быть, — согласилась она. — Я не хотела тебя обидеть.

— Но ты меня обидела.

– Прости меня, Марван. Мне действительно очень жаль. Но твой приход сюда был ошибкой.

– Я не знал, к кому еще я могу обратиться.

– Дела обстоят так серьезно?

– Ты видела рану.

– Кто это сделал?

– Я не знаю. Мне нужно побыть где-то, где я мог бы восстановить силы и разобраться в происходящем.

– Не здесь.

– Почему? – спросил Марван. – Я не буду тебе мешать. Это только на время.

– Нет, – покачала головой Рания. – Это опасно и...

– И что? – спросил он, хотя знал, что она собирается сказать.

– Не заставляй меня говорить это, Марван.

– Я хочу, чтобы ты сказала.

– Прошу тебя, Марван.

Но он продолжал настаивать, и ее глаза наполнились слезами.

– Я люблю тебя, Марван, – сказала она, – но не так, как ты хочешь. Прости меня. И прошу тебя, давай оставим это.

Марван медленно кивнул и вдруг заметил, что в углу тихонько сидит Лейла, тоже со слезами на глазах. И собрав все силы, он встал, взял свои вещи и, подойдя к двери, обернулся и посмотрел на свою первую любовь.

– Надеюсь, ты найдешь такого человека, которого ищешь, Рания, – мягко сказал он. – Ты заслуживаешь счастья. Я обещаю больше тебя не беспокоить.

Глаза Рании были красными от слез, губы дрожали. Он не хотел причинять ей еще большие страдания.

– Спасибо, что подлатала меня, – смог произнести он.

После неловкой паузы он открыл дверь.

– Куда ты пойдешь, Марван? – вдруг спросила она.

– А это имеет значение?

– Для меня – да, — ответила она.

– Не знаю, – честно сказал он. – Может быть, в Египет, на Ближний Восток – куда-нибудь подальше отсюда.

И он вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Около девяти Марван вышел из здания, где располагалась квартира Рании, и пошел в ночь. Куда он может пойти? Он не знает никого в этой стране. Идти в гостиницу он боится. И он предполагает, что преследователи уже вышли на его след и, возможно, ищут его в Марокко.

Его продолжало знобить, хотя температура спала до 39-ти. Болели все суставы, и сейчас он страдал еще и от сердечной боли. Он сделал глупую ошибку, придя к Рании. Как он мог поступить так безрассудно? Последние полгода он не хотел себе признаться именно в этом: образ жизни, который он избрал для себя, будет стоить ему любимой женщины. Какое значение имеет все остальное?

Надежда покинула его, а с ней и желание спастись от преследователей. Им овладели темные мысли: он подумал о том, что, покончив с собой и погрузившись в небытие, он избавится от страданий. Но он вспомнил о брате, который так старался выручить его, и который теперь является его единственным другом в этом мире. Он никогда не сможет оставить Рами. Родители никогда не простили бы ему этого, и, что бы ни случилось, он не предаст их память.

Что же делать? Нет места, где он может остановиться, и нет человека, к которому он может обратиться. А время идет, его наверняка ищут, и один неверный ход может оказаться роковым.

Марван вспомнил о взятой напрокат машине. Он отыскал ее и, отъехав несколько километров от дома Рании, бросил ее в тихой улочке, оставив ключи в багажнике. Затем, остановив такси, он вернулся в аэропорт. Оттуда он позвонил брату из автомата, воспользовавшись одной

из кредитных карточек на чужое имя.

– Рами, это я, Марван. Извини, что звоню тебе домой.

– Что ты делаешь?! – возмутился тот. – Я же говорил, чтобы ты звонил со спутникового телефона!

– Я знаю, но у меня не было времени.

– И ты должен был подождать три дня. А пока не прошло и одного.

– Мне нужно вернуться домой.

– Почему? Что случилось?

– Это длинная история, – сказал Марван.

– Как она может быть длинной? – не понял Рами. – Ты не пробыв там и полсуток.

– Я не могу сейчас об этом говорить, – сказал Марван.

– Закажи мне билет.

– Нет, – сказал Рами. – Возвращаться в Бейрут сейчас – не очень хорошая мысль.

– Почему?

– Потому что сейчас это опасно.

– Я не могу оставаться здесь. Я не могу вернуться в Европу. Может быть, поехать в Сан-Паулу?

– Очень смешно, – сказал Рами усталым тоном.

– А почему нет? – спросил Марван. – Я помогу в поисках Клодетт.

– Этим уже занимаются другие люди.

– Может, в Штаты?

– Тебе не дадут визу.

– А Каир?

– Почему Каир?

– А почему не Каир? – Марван увидел, что у одного из выходов собрались несколько марокканских полицейских.

– Там я смогу затеряться среди четырнадцати миллионов людей.

– Я все-таки не понимаю, – сказал Рами. – Почему ты не можешь остаться в Касабланке?

– Просто не могу, – ответил Марван. – Расскажу потом.

– Хорошо, я закажу тебе билет в Каир. Когда ты хочешь лететь?

– Сейчас.
– Что значит сейчас? Где ты находишься?
– В аэропорту.
– Уже? Подожди минуту.
– Что случилось?
– По французскому телевидению сообщают новости.
– Что говорят?
– В Марселе нашли машину и труп таксиста, – сказал Рами.

– Что еще? – спросил Марван. – Говорят что-нибудь обо мне или о Марокко?

– Нет, – сказал Рами. – Говорят, что полиция собирает информацию и пока не вышла на след.

– Врут, – сказал Марван. – Они наверняка вышли на мой след. Я должен убраться отсюда немедленно.

– Ты прав. На какое имя сделать заказ?

– На имя Тарика Джамиля.

– Сделано, – сказал Рами. – Что еще?

– Мне нужно место, где я смогу там остановиться.

– Номер в гостинице?

– Нет, это слишком рискованно, – легко проследить.

– Тогда что?

– Найди мне квартиру.

– Квартиру? Сколько ты планируешь там быть?

– Понятия не имею, но, возможно, я пробуду там какое-то время.

– Неужели?

– А что? – сказал Марван. – Ты сам говоришь, что я не могу вернуться домой и не могу искать Клодетт. Куда мне ехать?

Рами промолчал.

– Найди мне квартиру, и побыстрее, – все равно, сколько она будет стоить, – продолжал Марван. – Потом пришли мне по «Federal Express» спутниковый телефон, немного наличных и какие-нибудь визитные карточки.

– Визитные карточки?

– Да, для солидности.

– Какие?

– Не знаю, – сказал Марван. – Пусть я буду продавцом компьютеров или нет, консультантом. Придумай название компании и логотип. И создай сайт.

– Ты шутишь?

– Эй, – сказал Марван, – или ты мне не брат?

В 11.30 Марван сел в самолет рейса 848 «Иджипт Эр», вылетающий в 00.05. В 7.05 он был в Каире, еще не веря, что ему это удалось.

Никто не остановил его. Никто не задавал вопросов. Насколько он видел, никто не следил за ним. Почему? Это ловушка или дар небес? На ловушку было непохоже. Но почему Бог проявляет милость к нему сейчас, отобрав так много – успешную работу, любимую женщину – и несколько раз за последние сутки почти отняв жизнь? Это непонятно, но он не упустит ни малейшего шанса.

Сейчас важно, что делать дальше. Прежде всего, нужно помнить, что теперь он – Тарик Джамиль. Так написано в его паспорте и в билете. На это имя он снимет квартиру. Ему нужно привыкать к этому имени. Он должен думать о себе как о Тарике Джамиле. И ему нужна подходящая легенда.

Протиснувшись через толпу в зале аэропорта, он заплатил за визу и отправился на такси в «Шератон» на Уруба-Роуд в Гелиополисе, в нескольких километрах от аэропорта. Он не собирается снимать там номер, – ему просто на несколько часов нужна перевалочная база, откуда он сможет связаться с братом и где он поест и продумает свои дальнейшие шаги.

В бизнес-центре он нашел служащего.

– Добрый вечер, – сказал тот. – Чем я могу вам помочь?

– Я бы хотел взять напрокат компьютер.

– Вы остановились у нас в отеле?

– Нет, но у меня назначена здесь встреча, а я не взял свой лэптоп, а мне нужно проверить почту.

– Хорошо, – сказал клерк. – На сколько вы хотите

взять компьютер?

– Возможно, на час.

– Хорошо, сэр. Заполните, пожалуйста, этот бланк.

Ваше имя?

– Тарик Джамиль.

– Мистер Тарик, вам нужно будет приобрести карточку доступа.

– Сколько она стоит?

– Часовая – 45 фунтов.

– Вы принимаете карточки «Visa»?

Через несколько минут Тарик сидел в углу в холле, попивая апельсиновый сок. Он вошел в Интернет и открыл систему обмена сообщениями.

– Рами, ты есть?... Это я, Тарик... Я уже на месте.

Через некоторое время на экране появился ответ:

– Слава Богу... У тебя все нормально?

– Да, добрался хорошо... Получается с квартирой?

– Вроде.

– То есть...?

– Я нашел одну, но там какое-то время никто не жил...

Владелец говорит, что ее нужно привести в порядок, и если тебя это устроит, ты можешь занять ее уже сегодня.

– Что там требуется сделать?

– Убрать, подкрасить, что-то отремонтировать – не знаю, я ее не видел.

– Где она находится?

– В Гелиополисе, рядом с аэропортом.

– Отлично... Я сейчас в «Шератоне».

– Хозяин может тебя встретить в квартире, когда тебе удобно. Я думаю, он рад всучить ее кому угодно.

– Оплата – помесечно?

– Нет, – написал Рами. – Он хочет сдать как минимум на полгода.

– Скажи, что мы заплатим наличными за месяц, но ничего не подпишем, пока он не сделает ремонт, – тогда мы подумаем о шести месяцах.

– Пойдет.

– Хорошо. Что еще?

– Я узнал, кто занимается твоим делом в Монте-Карло.

– Кто?

– Их двое... один – Жан-Клод Годдар... родился в Ницце, вырос в Монако... 36 лет... старший детектив... толковый... хорошая репутация, пользуется уважением ... женат, одна дочь. Другой – Марсель Лемье... 62 года... родился в Гренобле, вырос в Нормандии. Сейчас главный детектив отдела убийств в Париже... считается лучшим детективом в стране... по мнению некоторых – одним из лучших инспекторов Европы. Раскрыл несколько больших дел... дважды разведен... детей нет.

– Кто из них поехал в Марокко?

– Откуда ты знаешь?

– Инстинкт.

– Лемье – вот-вот должен приземлиться.

– А Годдар?

– Он едет сюда, Марван, допросить меня.

– Шутишь.

– Если бы.

– Уезжай, – нельзя, чтобы они тебя нашли – во всяком случае, сейчас.

– Не могу, Марван. Я сейчас руковожу всеми делами.

– Руководи в пути, – ты так уже делал раньше.

– И куда мне ехать?

– Наши люди занимаются охраной сотрудников «Эксон-Мобил» в Ираке...

– Ты совсем с ума сошел? – написал Рами. – Ехать в Ирак, чтобы не встречаться с каким-то полицейским из Монте-Карло?

– Да, – ответил Тарик. – Если Годдар найдет тебя и не добьется, чего хочет, он обвинит тебя в том, что ты препятствуешь отправлению правосудия и затрудняешь расследование. Он тебя арестует и вышлет из страны. Одному Богу известно, что может с тобой случиться... Этого нельзя допустить.

– А если Годдар поедет за мной в Багдад?

– Не поедет, – написал Тарик. – Рисковать своей жизнью он не захочет.

Два дня Тарик Джамиль не показывался из квартиры.

У него все еще была повышенная температура, но без градусника он не мог определить, какая именно. У него не было сил на поиски врача, и тем более магазина. Он не хотел есть и только пил воду, которую привез из «Шератона». Он пытался восстановить водный баланс, принимал антибиотики и прочие лекарства, которые Рания взяла в больнице и положила ему в рюкзак.

Рами был прав насчет квартиры. Она была большой — значительно больше, чем ему нужно: в ней были три спальни, три ванны и огромная гостиная. Но то, что ее нужно было «привести в порядок», было мягко сказано. В 50–60-е годы эта квартира наверняка была роскошной, но Тарик сомневался, что с тех пор ее кто-то убирал.

Пыль покрывала все от пола до потолка, а кухонный стол и шкафчики были покрыты слоем жира. Не работали два из трех душей. Два из трех туалетов протекали. В кухне была забита раковина. Духовка не работала. Из четырех конфорок на плите горела одна. По ночам становилось довольно холодно, но наладить отопление Тарик так и не смог.

Интерьер также оставлял желать лучшего. На стенах было множество картин, в том числе миниатюра «Джоконды» и большой портрет «Воинственно настроенной испанки», как назвал его Тарик. В столовой были две совершенно одинаковых картины с курящим мальчиком, в коридоре — объемное изображение четырех котят. Мордочку одного из них кто-то проткнул. В гостиной были три огромных

бронзовых фигуры людей-драконов, а у бара — большая картина с животными. Всё было в пыли.

Но это не имело особого значения — все равно большинство лампочек не горело, и даже днем почти ничего не было видно.

Владелец квартиры пообещал все убрать и отремонтировать незамедлительно, но Тарику нужно было несколько дней отдохнуть, чтобы никто ничего не чистил и не грохотал. Он попросил не присылать рабочих до понедельника. А пока ему нужно было только толстое одеяло, чистая подушка и диван, чтобы он мог прилечь. Не найдя первых двух, он вынужден был довольствоваться диваном в гостиной, на который свалился и проспал почти сутки.

Однако на третий день его разбудил стук в дверь.

Инстинктивно Тарик потянулся за пистолетом, но вспомнил, что у него его больше нет. Он посмотрел на часы. Был почти полдень, но окна были закрыты шторами, а лампочки не горели, и в квартире было довольно темно.

Стук повторился, на этот раз громче. Пульс Тарика участился. Никто не знает, что он в Каире, тем более в Гелиополисе, и сегодня только четверг, и для рабочих рано. Но стук продолжался.

Встав, Тарик взял в руку лампу и бесшумно подошел к двери. Его выследили? Если да, то почему они стучат? Он сжал лампу в руке. Она не представляет серьезной угрозы для нападающих, но он не собирается сдаваться без боя. Он выглянул в глазок и снова позволил себе дышать. Это был курьер «Federal Express» со стопкой больших коробок. Он открыл дверь и увидел на лице посыльного удивленное выражение.

— Вы — Тарик Джамиль? — спросил тот.

— Да, — ответил он, вдруг осознав, что выглядит ужасно, — он не брился, не принимал душ и не переодевался со времени перестрелки.

— Распишитесь здесь.

Тарик расписался, дал курьеру чаевые и взял коробки. Да, они все были отправлены из Бейрута. Он разорвал первую, как ребенок открывает подарки ко дню рождения.

Внутри был новенький спутниковый телефон с аккумулятором, зарядкой и инструкцией, а также конверт с 10 тысячами египетских фунтов – вполне достаточно для начала – и стопка визитных карточек с текстом: «Тарик Джамиль, Управляющий, Ай-Си-Ти Консалтинг, Брюссель, Бельгия» с веб-сайтом, адресом электронной почты и брюссельским почтовым адресом и номером телефона.

Тарик набрал номер по спутниковому телефону.

– Мы благодарим вас за ваш звонок в «Ай-Си-Ти Консалтинг», – ответил по-французски женский голос, записанный на автоответчик. – Мы не можем сейчас вам ответить. Просим оставить свое имя, номер телефона и сообщение, и мы свяжемся с вами, как только сможем.

Затем то же самое было повторено по-английски и по-немецки. Рами позаботился обо всем.

Тарик открыл следующую коробку и достал большой кожаный портфель. Расстегнув его, он обнаружил новый ноутбук «Dell Latitude D800» с установленным программным обеспечением и аксессуарами. Под ним были несколько пар джинсов, брюки цвета хаки, футболки, носки, белье, свитера, станок для бритья и туалетные принадлежности – зубная щетка, паста, жидкость для полоскания, мыло, кусачки для ногтей и прочее.

Его удивило содержимое третьей коробки. На самом верху был новенький миниатюрный цифровой теле радиоприемник. Наверное, Рами хотел, чтобы он следил за новостями – прежде всего за тем, как идут его поиски. Ниже были вложены карты Каира, список компьютерных консалтинговых компаний в городе, а также распечатанные статьи из Интернета о положении дел в компьютерной отрасли в Египте, что должно было помочь ему поддерживать его новую легенду.

И наконец, в самом низу была небольшая закрытая на ключ освинцованная коробка, к которой клейкой лентой был прикреплен ключ. Он вставил ключ и открыл коробку. Внутри был пистолет 45 калибра и патроны.

Тарик Джамиль вдруг почувствовал себя виноватым, что отправляет младшего брата в Багдад. Ведь Рами знает, как себя вести, и никогда не выдал бы своего брата ни Годдару, ни кому-то другому. Он ощутил почти физическую боль. Если Рами погибнет в Ираке, он никогда не простит себе этого. Из этого кошмара необходимо найти выход, и немедленно.

Он включил компьютер и подсоединился к Интернету. Он стал искать новую информацию о семье Рэмзи. Как и следовало ожидать, европейские и египетские средства массовой информации подробно рассказывали о смерти Рафика и Бригитты и о похищении Клодетт. Везде были и фотографии Марвана Аккада, разыскиваемого за убийство. Возможно, он совершил ошибку, приехав в Каир, но он продолжал считать, что у него не было выбора.

Самой свежей была история в «Le Monde». Она давала «эксклюзивные» подробности событий, предшествовавших убийству в Монте-Карло, в том числе сообщала о записке с требованием выкупа, полученной в парижском поместье Рэмзи по «Ди Эйч Эл» из Берлина на следующий день после исчезновения Клодетт. Был приведен номер банковского счета в Швейцарии, на который — «если мистер Рэмзи хочет увидеть свою жену живой» — было необходимо в течение 24-х часов перечислить 1 млн евро, что мистер Рэмзи и сделал.

«Через несколько дней, — далее рассказывала «Le Monde», — Рэмзи получил по «Ди Эйч Эл» пакет из Брюсселя. В нем была видеокассета, на которой была снята миссис Рэмзи, связанная и с кляпом во рту, но

живая, и записка с требованием 10 млн евро и угрозой казнить миссис Рэмзи и показать запись по Интернету. Мистер Рэмзи должен был перечислить деньги в течение 72-х часов, приехать в Брюссель и ожидать дальнейших инструкций».

Дальше говорилось, что в гостинице мистера Рэмзи был оставлен «неподписанный конверт» с фотографией жены, запиской с требованием 25 млн евро и с подробными инструкциями, где можно будет найти миссис Рэмзи в Мадриде через неделю – при условии, что деньги будут полностью выплачены.

Это все соответствовало истине. Именно поэтому Рафик Рэмзи его и нанял. Тревогу вызывал следующий абзац: «Полиция считает, что за этим ужасным преступлением стоит Марван Аккад, главный администратор размещающейся в Ливане охранной фирмы. Близкие к расследованию источники сообщают, что имеются подтверждения причастности мистера Аккада, который скрылся с места преступления и пока не найден. На звонки в агентство «Аккад и партнеры» в Бейруте никто не отвечает, но интенсивные поиски мистера Аккада продолжаются».

Вдруг в дверь постучали снова – сначала тихо, а затем громче.

Тарик застыл на месте. Это уже не курьер FedEx. Тогда кто?

Он быстро зарядил пистолет и подошел к двери. Увиденное через глазок удивило его. Перед дверью стояли три красивые женщины лет двадцати с небольшим. Та, что стояла посередине, держала корзину с фруктами и сладостями. Недоумевая, он спрятал пистолет в задний карман брюк и прикрыл его футболкой. Затем он приоткрыл дверь и сказал:

– Доброе утро.

Девушка справа улыбнулась, девушка слева застенчиво хихикнула. Заговорила та, что была посередине.

– Доброе утро, меня зовут Далия – Далия Нур. Это мои подруги, Дина и Мерват. Мы живем над вами и слышали, как вы въехали.

Тарик не знал, как реагировать.

– Рад познакомиться с вами, Далия, девушки. Что я могу для вас сделать?

– Мы хотели только познакомиться с вами, – сказала Далия, – и вручить этот небольшой подарок от общественного комитета.

И она протянула ему корзину, которую Тарик с благодарностью принял. Он обнаружил, что его совершенно очаровала Далия – у нее было очень нежное лицо и прекрасные карие глаза, в которых появлялся огонек, когда она улыбалась. Она была одета по-европейски и явно не была ограничена в средствах. На ней был свитер из мягкого розового кашемира. Черные джинсы и модельные туфли были скорее из Лондона или Парижа, чем из Каира или Александрии. На других девушках было множество колец, браслетов и ожерелий, а на Далии – только маленькие золотые серьги с бриллиантами и золотые наручные часы – похоже от Картье.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Тарик, продолжая смотреть на Далию. – Спасибо.

– Пожалуйста, – ответила Далия, и у нее в глазах что-то неумовимо изменилось.

Возможно, он привлек ее, как она привлекла его? Или это высокая температура играет с ним шутки? Он почувствовал, что девушки собираются уходить, и вспомнил, как ужасно он выглядит.

– Я бы пригласил вас на чашку чая, чтобы разделить с вами это угощение, – сказал он, думая, как продлить этот разговор еще на несколько минут, – но боюсь, моя квартира выглядит еще хуже, чем я сам.

Это вызвало смех у Далии и Дины, а Мерват снова хихикнула.

– Ничего, – сказала Далия, – мы все равно не смогли бы остаться, но мы хотели бы пригласить вас на небольшую вечеринку на крыше сегодня вечером. Начало – в девять, и от вас требуется только ваше присутствие – разве что в чистой рубашке.

Тарик хотел принять предложение. Что-то в этой

женщине поразило его. Но ему следует не высовываться, вести себя тихо и незаметно, а не веселиться с девушками. Но как он может отказаться? Если он откажется, все соседи будут говорить о невоспитанном новом жильце, а лишние разговоры ему совсем ни к чему.

— С удовольствием, — наконец, сказал он. — И ради вас я найду чистую рубашку.

Инспектор Годдар не добился ничего. Прибыв в Бейрут, в офисе фирмы «Аккад и партнеры» он не нашел никого. Одинокая служащая в приемной сообщила ему, что нет, Марван не приходил, и где он — она не знает, и что, к сожалению, Рами выехал в Багдад, и когда вернется — неизвестно. Все остальные сотрудники разъехались по всему Ближнему Востоку по делам. Годдар оставил номер, по которому его можно было бы найти, и вернулся в гостиницу, чтобы связаться со Скелетом.

Он позвонил Лемье в «Хилтон» в Рабате, в Марокко, и был рад узнать, что тот достиг бóльших результатов. Камеры наблюдения в аэропорту показали, как Джек Карделл прибыл рейсом «Роял Эр Марок» и взял напрокат машину. Полиция Касабланки занимается ее поисками, но пока безрезультатно.

Однако марокканские разведывательные службы сообщили, что Марван Аккад побывал в стране всего дважды, оба раза сопровождая премьер-министра Ливана, и что им ничего не известно о его связях в Марокко. Они не имели никакой информации и о пребывании у них некоего Джека Карделла. Пока что Лемье зашел в тупик.

— У Марвана была причина направиться в Марокко, — сказал Лемье, размышляя вслух. — Он знал, что мы выйдем на его след и что он не сможет долго оставаться Карделлом. Мы знаем, что у него не было с собой много денег. Он должен был с кем-то встретиться.

— Жандарму в Марселе он сказал, что собирается остановиться у девушки, — подумав, сказал Годдар.

— Это не более чем часть его легенды, — ответил Лемье.

— Возможно, — сказал Годдар, — а если это правда?

— Я же говорил, — настаивал Лемье, — нет данных, что Марван вообще бывал здесь в последние годы, тем более, что встречался с девушкой.

— А если он был знаком с ней раньше? — не сдавался Годдар, — и она переехала в Марокко недавно?

— Продолжайте, — после паузы сказал Лемье, заинтересовавшись.

— У него было с собой обручальное кольцо, так? — спросил Годдар.

— Да, было.

— Не слишком ли много деталей, если это только легенда?

Лемье не собирался уступать.

— Где они могли познакомиться? — спросил француз.

— В Бейруте?

— Может быть, — сказал Годдар. — Но, насколько мне известно, последние полгода Марван координировал работу по всему Европейскому Союзу из небольшого офиса фирмы в Париже.

— Думаете, он познакомился с ней там?

— Возможно.

— Спросите у его брата, — распорядился Лемье.

Годдар объяснил, почему это нельзя сделать.

— Вы хотите сказать, что Рами Аккад уехал в Багдад в тот же день, когда вы приехали? — спросил Лемье.

— Это действительно кажется странным, — сказал Годдар, — но служащая сказала, что обычно три недели из четырех он находится в отъезде.

— Когда была запланирована поездка? — спросил Лемье.

— Она сказала, что необходимость в ней возникла неожиданно.

— Еще бы, — сказал Лемье. — Отправляйтесь к ней снова. Узнайте, что ей известно о личной жизни Марвана Аккада. И сразу свяжитесь со мной.

Тарик не помнил, когда он последний раз был на вечеринке. Его жизнь была настолько посвящена работе — к тому же часто опасной, — что в ней не было даже отпусков, не то что общения с незнакомыми людьми. Но он признался себе, что ждет вечера с нетерпением.

Душ был нелегкой процедурой, так как рана все еще давала о себе знать. Но антибиотики оказали свое действие. Ему стало лучше. Он чувствовал, что возвращается аппетит. Он доел большие сочные апельсины, которые принесла Далия.

Далия Нур.

Бреясь перед зеркалом, он вспоминал ее лицо. Кто она? Что из себя представляет ее жизнь? На руке у нее не было обручального кольца. Возможно ли, чтобы такая привлекательная девушка была одна?

Мысленно благодаря Рами за посылку, Тарик оделся и поднялся на лифте на террасу на крыше, где обнаружил десятка два людей в возрасте до 30 лет. Они разговаривали, смеялись и танцевали. Из больших динамиков звучал один из последних альбомов Амро Дийаба. На нескольких столиках были разложены закуски, пахлава, пирожные, а в углу был бар, где можно было купить напитки.

Наличие и запах напитков успокоили его. Это не религиозные люди, и это хорошо, подумал Тарик. После всего случившегося с Ранией и с ним самим на прошлой неделе он не хотел ни думать о Боге, ни читать о Боге, ни находиться в обществе тех, кто хочет этого.

Он купил себе пива. Он уже пытался избавиться от

переживаний при помощи сна. Теперь можно попробовать другие средства.

Кто-то потрогал его за плечо.

— Красивая рубашка, — произнес нежный голос.

Он повернулся и увидел, что ему улыбается Далия.

— Вы приоделись, — она явно заигрывала с ним, но также было явно, что она находилась под воздействием марихуаны. Она сделала еще одну затяжку и предложила сигарету и ему. Он подумал, что сказала бы его мать, но отогнал эту мысль. Сегодня он должен быть свободен от всех тягостных чувств. Нужно забыть прошлое и начать жизнь сначала.

— Спасибо, — сказал он и взял сигарету с марихуаной из ее маленькой изящной руки и прикурил. — По какому случаю?

— Сегодня четверг.

— И что?

— Время отдохнуть и получить удовольствие от выходных.

— И вы это делаете вечером каждый четверг.

— Некоторые делают.

— А вы?

— Я иногда предпочитаю сходить на танцы или в кино.

— А сегодня?

— Мне было интересно, придете ли вы.

— Вы думали, что я не приду?

— Если честно, то да.

— Почему?

— Не знаю, — сказала Далия. — Вы произвели на меня впечатление нелюдима.

Тарик поднял руки, как бы сдаваясь.

— Виновен.

— Правда? — она рассмеялась и, шаловливо положив руку ему на грудь и прижавшись к нему, спросила: — В чем еще вы виновны?

Вопрос задел его сильнее, чем она могла подумать.

— Практически во всем, — тихо ответил Тарик.

— Пойдемте, — сказала она, — я хочу вам что-то показать.

Она взяла его за руку и провела через толпу к уютному садику, откуда были видны мерцающие огни Гелиополиса и самолетов, которые взлетали и садились.

– Красиво, – сказал он.

– Да, – сказала она, и они стояли молча, одни, наслаждаясь видом.

– Как ваше имя, скверный мальчишка? – прервала тишину Далия.

– Тарик.

– Тарик кто?

– Тарик Джамиль.

– Какова же ваша история, Тарик Джамиль? – спросила Далия. – Кто вы и что делаете здесь?

Он представил себе выражение ее прекрасных глаз, если расскажет ей правду.

– Я консультант, – сказал он, сделав глоток пива.

– Консультант по чему? – поинтересовалась она.

– По компьютерам.

– Как это скучно.

– Это так и есть.

– Откуда вы?

– Отовсюду, – ответил он. – Последние пять лет я большей частью живу в Европе.

– Правда? – она оживилась. – Например, где?

– В Мадриде, Париже, Берлине – где угодно. Но моя компания располагается в Брюсселе.

– Я люблю Париж, – сказала она, не обратив внимания на детали, касающиеся бизнеса, за что он был ей благодарен, – особенно весной, когда воздух такой свежий и приятный, и цветут цветы, и на улицах много влюбленных пар.

– Вы выросли там? – спросил Тарик, попивая пиво.

– Нет, в Иордании, – ответила она. – Но я стюардесса в «Бритиш Эрвэйз», и иногда я заменяю кого-то на рейсах в Париж.

– Ваша работа, должно быть, приносит удовольствие.

– Иногда, – погрузнев, произнесла она.

– Но...

– Но трудно иметь личную жизнь.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что, когда вас нанимают – и не только англичане, но все компании, вам обещают возможность бесплатно путешествовать, увидеть мир и так далее. Но на самом деле вы все время работаете по сумасшедшему графику. Вы всегда на чемоданах. Когда вы просыпаетесь, вы не сразу понимаете, где вы. Вы не знаете, что считать домом. Трудно подружиться с кем-то, кроме коллег. Правда, вы можете влюбиться в пилота – а они все женаты – или в стюардессу – которые все лесбиянки... Но что делать, эта профессия дает возможность заработать на жизнь.

Она затянулась сигаретой.

– А Дина и Мерват? – спросил Тарик. – Вы ведь подруги?

– Не совсем.

– Что это значит?

– Нет, не поймите меня неправильно, – сказала Далия.

– Они замечательные девушки, и я сделаю для них что угодно, как и они для меня. Но мы не настолько знаем друг друга. Мы просто вместе снимаем квартиру, потому что по отдельности это было бы нам не по карману. Кроме того, они обе работают в «Эр Франс», и мы видимся очень редко. И их обеих перевели в Нью-Йорк. Теперь мы не будем видеться вообще.

– Да, жаль.

– Такова жизнь, – вздохнула Далия. – В ней нет покоя грешникам.

– Почему вы не займетесь чем-то другим? – спросил Тарик.

– Например, чем? – спросила она. – Продажей компьютеров?

– Это тоже дает возможность заработать на жизнь.

– Вам нравится такая работа?

– Терпеть можно, – сказал он. – Как вы сами сказали, я одиночка. Мне она подходит. Но такому человеку, как вы, думаю, нужно больше.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что вы – приятная, красивая, общительная, полная жизни девушка, и вам нужно что-то лучшее.

Она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза, склонив голову на бок.

– Вы считаете меня красивой?

– Почему бы я пришел на вечеринку?

Тарик наклонился и нежно поцеловал ее. Она ответила сразу и с такой силой, какой он не ожидал. Над ними с ревом прошел на посадку в каирском аэропорту «Боинг-747». И он услышал от нее предложение, от которого не мог отказаться.

– Дина и Мерват едут в аэропорт сразу после вечеринки, – тихо сказала она, когда он снова поцеловал ее, – и сегодня квартира остается в моем распоряжении.

Возможно ли это? Тарик почувствовал, что у него снова поднимается температура.

– Хотите присоединиться ко мне? – прошептала она самым соблазнительным голосом, какой ему когда-то приходилось слышать.

Он очень хотел этого, но его смущали два момента – Раня и воспаленная рана в плече. Он отогнал эти мысли. С Раней все кончено, она дала ему это понять совершенно ясно. Жизнь продолжается, и он снова может получать от нее удовольствие. Второе препятствие сложнее – придется придумать какое-то объяснение. Но ничто не сможет помешать ему провести ночь с прекрасной и расположенной к этому девушкой.

– Очень хочу, – прошептал он в ответ, и она вложила ему в руку ключ.

– Квартира 901, – сказала она. – Задержитесь здесь немного, встретимся через 10 минут. Моя комната – третья слева. Я оставлю дверь открытой.

Агентство «Аккад и партнеры» располагалось в не-
большом офисном центре недалеко от Американского
университета в Бейруте и, как подумал Годдар при втором
его посещении, носило черты своего основателя: оно не
бросается в глаза, скромно и несколько загадочно, как сам
Марван Аккад.

Табличка на двери давала только название компании,
без логотипа, сайта и какого бы то ни было намека на
род занятий. Мебель в приемной была подобрана со
вкусом и даже была достаточно дорогой, но здесь не было
проспектов, картин на стенах — ничего указывающего
на то, что сюда стекаются миллионы от клиентов-
миллиардеров. Только пуленепробиваемые окна, камеры
наблюдения над входом, в коридорах и в холле выдавали
направленность фирмы.

Но, несмотря на проявленную Марваном и Рами
Аккадами предусмотрительность, одно слабое звено
осталось упущенным — Жасмин Зейтун.

— Доброе утро, мисс Жасмин, — улыбнулся Годдар,
присаживаясь к ее столу в холле. — Рад снова видеть вас.

Жасмин, привлекательная выпускница университета,
улыбнулась и захлопала ресницами в ответ, как будто
Годдар был первым симпатичным мужчиной, заглянувшим
к ним за многие месяцы, если не годы.

— Добро пожаловать, инспектор Годдар, — сказала она.
— Что еще я могу для вас сделать?

— Я возвращаюсь домой, но решил заглянуть еще раз и
узнать, не появлялись ли месье Аккады или кто-то из их
партнеров сегодня.

– Нет, мне очень жаль, – сказала она, как будто искренне сожалея, что не может помочь. – Никаких изменений.

– Что ж, – сказал он, – я должен был сделать еще одну попытку.

– Пожалуйста, было приятно общаться с вами, – сказала она.

– У вас есть мой номер?

– Да, – ответила она, отыскав на столе его карточку и показывая ему. – Как только я получу известие от кого-то из братьев Аккадов, они свяжутся с вами.

– Вы очень любезны, – сказал он, готовясь уходить.

– Да, еще одно.

– Я вас слушаю, – сказала она.

– Девушка Марвана в Париже, – сказал он, – мне необходимо поговорить с ней, задать несколько вопросов в связи с нашим расследованием. Нет ли у вас номера, по которому я мог бы ее найти?

– Вы имеете в виду Ранию, – сказала она простодушно.

– Думаю, не совсем правильно было бы считать мисс Фаваз его девушкой. Но он испытывал к ней чувства, в этом нет сомнений.

– Испытывал? – спросил Годдар, намереваясь извлечь из мисс Жасмин всю информацию, которой она располагала.

– Да, месье, – прошептала она, хотя в офисе не было никого, кроме них двоих. – Говорят, что прошлым летом он сделал ей предложение, а она ему отказала и исчезла.

– Исчезла? – переспросил Годдар.

– Так я слышала, – сказала она, вдруг погрузившись.

– Это, наверное, было ужасно. И теперь все это. Я боюсь за месье Аккада. Он очень хороший человек.

Через 10 минут Годдар спешил на машине в аэропорт и звонил Скелету.

– Ее зовут Рания Фаваз, – выпалил он, дозвонившись Лемье. – Ей 24 года. Она медсестра. Она выросла здесь, но переехала в Париж 10 лет назад. Но она переехала в мае. В Марокко.

- Вы шутите, – сказал Лемье.
- Нисколько, – ответил Годдар.
- Она – в Рабате? – спросил Лемье.
- Дюваль работает над этим, – сказал Годдар. – Я скоро узнаю.
- Вы хорошо поработали, Годдар, – сказал Лемье, и впервые за несколько дней в его голосе прозвучала искренняя радость. – Из вас таки может получиться хороший детектив.

– Тарик, а другой водитель пострадал так же серьезно?

Тарик слышал вопрос, но не хотел на него отвечать и притворялся, что еще спит. Но Далия повторила свой вопрос.

Через некоторое время он перевернулся и медленно раскрыл глаза. Через занавески светил золотой солнечный свет утра. Далия прижималась к нему своим теплым телом, ожидая ответа. Он привык ко лжи, и обычно она не была для него проблемой. Но по неизвестной ему причине сегодня ему было стыдно обманывать эту девушку, и он не мог придумать, как избежать этого.

– Боюсь, что да, – наконец сказал он. – Полиция сказала, что он был сильно пьян. Он только вернулся с вечеринки, был невнимателен и вот бабáх! – я никогда его больше не видел.

Далия вздрогнула.

– Ты мог погибнуть.

Тарик помолчал и через некоторое время сказал:

– Я не хочу об этом думать.

Он подобрал с пола рубашку и надел ее.

– О смерти или о столкновении? – спросила она.

– И о том, и о другом, – сказал он и, встав с кровати, надел джинсы.

– Поэтому тебя ночью мучили кошмары?

– Кошмары? – спросил он.

Она кивнула.

– Ты не помнишь?

– Нет, – он снова соврал.

Что он говорил? Что она слышала?

— Часа в три ночи, — сказала она. — Ты скрипел зубами, вертелся и начал что-то бормотать.

— Что именно?

Далия накрылась простыней.

— Что-то вроде: “Нет, перестаньте, я не виноват!” Я всего не расслышала, я сама почти спала.

Слава Богу, — подумал он и сказал:

— И что потом?

— Ничего. Ты повернулся и снова уснул. Ты совсем ничего не помнишь?

Он помнил. Но никак не мог ей рассказать. Он останется в живых только при одном условии — если будет продолжать вести двойную жизнь. Он не может позволить себе сделать еще одну ошибку.

— Нет, не помню. — Наклонившись, он поцеловал ее и сказал: — Сейчас у меня вопрос к тебе.

— Давай.

— Когда твой следующий рейс?

— Только в понедельник вечером, — сказала она. — А что?

— То есть выходные у тебя свободны?

— Я собиралась в Александрию в гости.

— К другу?

— Нет, — улыбнулась она, — к подруге.

— Отмени поездку.

— Почему?

— Давай проведем эти выходные вместе.

— И что мы будем делать?

— Понятия не имею, — ответил он. — Давай пойдем на завтрак и что-то придумаем, — что захочешь.

— Что захочу? — она посмотрела на него с подозрением.

— Что захочешь, — повторил он, отчаянно надеясь, что она согласится. Он понимал, как рискует, вступая с кем-то в близкие отношения именно сейчас, но был уверен, что сумеет держать все под контролем. Он не мог даже представить себе, что снова будет один в своей мрачной и

грязной квартире. Далия красива, весела и полна жизни, и, пока он с ней, он не думает ни о Рании, ни тем более о Годдаре и Лемье.

– Договорились, Тарик Джамиль, – наконец сказала Далия. – Давай будем изображать туристов.

Далия прожила в Каире больше года, но так и не видела города. Тарик был здесь новым человеком (несколько раз он был в Каире с премьер-министром Ливана, но у него никогда не было времени, которое он мог потратить на себя). И вот после быстрого душа и легкого завтрака в «Шератоне» они отправились на такси на базар Хан Аль-Халиль, где провели утро как молодожены. Они гуляли по наполненным запахами улочкам, заходили в антикварные лавки с драгоценностями и разными восточными диковинами, пили кофе по-турецки в «Нагиб Махфуз Кафе».

– Ты читал какие-нибудь романы Нагиба Махфуза? – спросила Далия, когда они устроились в отдельном кабинете, стены которого были обтянуты яркой красной тканью. Казалось, они спрятались в палатке.

– Только один, – ответил он, кусая пирожное. – «День, когда умер лидер».

– Это грустный роман, – сказала Далия.

– Разве не все его романы грустные? – спросил он.

– Не все, – сказала она. – Мне в них нравились истории любви. *“Моя любимая вытягивает крючок из воды. Он пуст, но он прокалывает мне палец, оставляя знак, который сохранился до сего дня. На берегу Нила, перед нашим домом, я сказал ей, что она – никудышний рыболов, но она поймала меня, и я истекаю кровью”*.

– Ты меня поражаешь, – сказал Тарик.

– К Махфузу меня приучил отец, – сказала она. – Когда я была маленькой, он читал мне его романы перед сном – хотя бы главу, но иногда и больше, если мне удавалось его уговорить. И когда я выросла, я стала читать их сама.

– Ты прочитала все?

– Не все пьесы, но все романы и рассказы. Они волшебные, ты уходишь от своей жизни и вступаешь

в другой мир. Долгое время я была уверена, что стану писателем, когда вырасту, — до того дня, как на Махфуза напал маньяк с ножом. Я помню, где я была, когда услышала об этом.

— Правда? — удивился Тарик. — Это ведь было давно, в 95-ом или в 96-ом?

— 14 октября 1994 года, — сказала Далия.

— Ты и правда помнишь.

Далия смотрела в свою чашку.

— Это был мой день рождения. Мне исполнилось 13 лет. Я пришла из школы, и мама рассказала мне. Сначала я не поверила и позвонила брату, и он подтвердил, что это правда. Я убежала в свою комнату, закрыла дверь и плакала, и вышла только на следующее утро. Впервые умер кто-то, кто был мне близок. Я как будто потеряла дедушку или даже отца. Но потом я услышала, что он будет жить, и я была так счастлива, почувствовала такое облегчение, как будто избавилась от тяжелого груза, и я опять расплакалась. Друзья считали меня ненормальной, но мне было все равно. Я была рада, что Махфуз жив, и молилась, чтобы когда-то он смог продолжать писать, и он действительно писал еще. А ты когда-нибудь испытывал такое, Тарик? Терял ли ты кого-нибудь из близких или боялся, что потерял?

Инстинктивно Тарик понимал, что должен снова соврать, чтобы сохранить дистанцию, чтобы не дать ей стать близкой ему и разбить ему сердце, как это сделала Рания, — да и просто узнать, кто он на самом деле. Но сердце говорило другое (да, они едва знакомы, они встретились только вчера), и он услышал, что отвечает ей:

— Родителей. Они погибли, когда мне было 14 лет. Взорвалась заминированная машина. Мы с братом видели, как это произошло. Будь мы на несколько метров ближе, мы тоже были бы убиты.

— О, — Далия была потрясена. — Я не хотела... я не знала...

— Ничего, — мягко сказал он. — Это было очень давно.

– Мне очень жаль.

Какое-то время продолжалось неловкое молчание. Затем Далия спросила:

– Ты часто видел смерть, правда, Тарик?

Он не кивнул. Ничего не ответил. Хотел ответить, но не мог.

Далия прикоснулась к его руке. Его первым желанием было отодвинуться, — он никогда не хотел, чтобы его жалели. Но он не хотел и обидеть эту девушку. И, кроме того, ее прикосновение было таким теплым, нежным и успокаивающим, и он не помнил, чтобы когда-то кого-нибудь интересовали его мысли и чувства.

– Может быть, сходим куда-нибудь еще, — через какое-то время сказал он.

– Давай, — ответила Далия.

Через час они шли по напоминающим пещеры залам Египетского музея, держась за руки и пытаясь за несколько часов прочувствовать тысячи лет. Далия зачитывала фрагменты из путеводителя, который они купили в сувенирном киоске.

— Угадай, сколько здесь экспонатов, — спросила она, когда они рассматривали высеченные из известняка статуи царевича Рахотепа и его жены Нофрет и проходили среди сокровищ Аменхотепа III.

— Понятия не имею, — ответил Тарик, который никогда не был ценителем музеев, но сейчас пытался проявлять интерес, поскольку Далии было очень интересно.

— Угадай.

— Ну, хорошо. Миллион.

— Нет, серьезно, сколько?

— Ну, полмиллиона.

— Очень смешно. Выставлено 120 тысяч. И говорят, еще 150 тысяч находятся в хранилищах.

— И все? — съязвил Тарик. — И это называется музей? Жульничество!

— Ты невозможен, — она толкнула его локтем. — Тебе нужно было стать клоуном.

— Действительно, — сказал он. — Первый в мире клоун-консультант по компьютерам. Почему мне это не пришло в голову?

— Перестань, — сказала она, не обращая внимания на его шутки. — Давай посмотрим сокровища Тутана.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в галерею Тутанхамона. Сначала они увидели две черные с

золотом статуи, когда-то охранявшие вход в его гробницу в Долине Царей недалеко от Луксора. Потом они рассматривали выставленные в витринах позолоченные деревянные саркофаги. Сохранившиеся в целости в течение стольких веков, они были найдены в 20-е годы известным британским археологом Говардом Картером.

— Поразительно, — сказала Даля. — Смотри, внутри этого большого саркофага был меньший, в нем еще меньший, и так далее.

Через несколько минут они вошли в третий зал — затемненное помещение с искусственным климатом.

— А дальше, — шепотом продолжала она, — внутри тех находился этот саркофаг, а в нем — меньшие из золота, и в последнем — само тело Тутанхамона в этой золотой маске.

Они остановились перед стеклянной витриной с подсветкой, рядом с которой стояла охрана. В ней находился самый замечательный экспонат, какой Тарику приходилось видеть в своей жизни.

— Это она? — шепотом спросил он. — Она настоящая?

— Конечно, — ответила она. — Обрати внимание на цвета, на тонкость работы. Удивительно.

Она была права. Посмертная маска, изготовленная из литого отполированного золота и украшенная синим, желтым и красным, прекрасно передавала черты лица юного царя, некогда правившего страной и народом. В витринах рядом были выставлены другие бесценные золотые и серебряные предметы и драгоценности, захороненные с Тутанхамоном.

— Ты можешь себе представить, чтобы у одного человека было такое богатство? — спросила Даля, осматриваясь в помещении, в котором хранились ценности на много миллиардов фунтов, если они вообще поддавались оценке.

— Представляешь, это все хоронили с человеком, думая, что он сможет этим воспользоваться в будущей жизни, — сказал Тарик.

— Да, — сказала Даля, — это довольно грустно.

— Но так думали все фараоны, — продолжал Тарик, — для того и строили пирамиды, чтобы сохранить сокровища для жизни на небесах. И эти сокровища разграбили бандиты и воры.

Охранник попросил их разговаривать тише, и они решили продолжить осмотр. Они проходили через залы с другими ценностями, которые по указанию Тутанхамона были похоронены с ним. Это были копья, луки, игры, в которые он любил играть, золотые опахала, которыми его освежали в зной, и даже золотой трон, сидя на котором он когда-то правил своей могущественной империей.

Через полчаса, уплатив за вход, они пришли в зал мумий. Первой была мумия Рамсеса II, и Тарик не мог не подумать о Рафике Рэмзи, тело которого хранилось в морге в Монте-Карло. Они смотрели на высушенное лицо, костлявые пальцы и на коричневые пелены, покрывающие тело древнего фараона.

— Далия, — прошептал он, оглянувшись, нет ли рядом охранника, который мог бы слышать его.

— Да, — ответила она.

— Ты веришь в жизнь на небесах?

Она повернулась и посмотрела на него недоуменным взглядом.

— Конечно, а ты не веришь?

— Думаю, что верю.

— Думаешь?

— Нет, верю. Просто... я не знаю... неважно.

Она вдруг выпрямилась. Выражение на ее лице изменилось, и она прошептала ему в ухо:

— Прости меня. Мне не нужно было приводить тебя сюда. Я не подумала. Все это празднество смерти.

— Нет, нет, дело не в этом, — сказал он. — Все нормально. Просто...

— Что?

— Ничего.

— Нет, что?

— Мы уже можем идти?

— Скажи мне.

– Правда, ничего. Давай...

– Ты думаешь об аварии? – спросила она, и его тронула нежность в ее взгляде. – Ты думаешь о том, как близко к смерти был ты.

– Да, наверное, – сказал он, думая, как хотел бы ей все рассказать.

– Знаешь что, Тарик Джамиль, – прошептала она, сжимая его руку. Он чувствовал на щеке ее теплое дыхание. – Ты хороший. А Бог пускает хороших людей на небеса. Вот и все, что тебе нужно знать.

Он знал, что Далия хочет его успокоить. Она не хочет, чтобы он грустил. Но она не представляет, какой страх он почувствовал сейчас. Если то, что она говорит, – правда, и Бог дает жизнь на небесах хорошим людям, тогда он обречен.

Он не хороший человек. Именно такова простая, но ужасная истина. Он не виновен в том, в чем его подозревают Годдар и Лемье, и не совершил ничего, в чем его мог бы обвинить суд, если до этого дойдет. Но суд небесный? Разве он не виновен во лжи, в употреблении наркотиков? В том, что спал с женщинами, на которых не был женат? Разве он не виновен в том, что предал память родителей, и особенно матери, которая умоляла его избрать для себя иной путь, другую жизнь? Чем больше он думал об этом, тем длиннее был список, и тем более подавленным он становился.

Зазвонил телефон и инспектор Годдар поднял трубку после первого же звонка.

— Колетт, пожалуйста, скажи, что ты нашла что-то по Рании Фаваз, — сказал он, стоя в очереди за билетом в бейрутском аэропорту. Он надеялся улететь в Марокко сегодня. — Номер телефона, адрес, — что-нибудь, с чего я мог бы начать.

— Я нашла и то, и другое, — сказала Дюваль.

— Есть! — чуть не крикнул Годдар. — Она в Рабате?

— Нет, в Касабланке.

— Вот как! Где? — Годдар записал адрес в блокнот.

— Есть ее фотография?

— Только что получила.

— Отправь ее на мой телефон немедленно.

— Хорошо.

— Молодец, Колетт. Ты хорошо поработала. Ты не связывалась с полицией Марокко?

— Нет, я подумала, вы захотите получить информацию первым.

— Замечательно. Как ты нашла ее?

— Через телефонную компанию, — ответила Дюваль.

— Самое сложное было найти кого-то, кто разрешил бы поиски, и, конечно, убедить их, что я на самом деле та, кем представляюсь. Остальное было нетрудно.

— Молодец, — снова сказал Годдар, не веря в такую удачу. — Ладно, я позвоню Скелету. А пока узнай все что можно об этой Рании. Узнай, кому она звонила в последнее время, где работает, кто ее соседи, — может быть, она снимает квартиру вместе с кем-то, — на какой машине

ездит. И постараемся пока не вмешивать марокканскую полицию. Обойдемся без юридической тяготины.

Через 10 минут инспектор Лемье закончил разговор с Годдаром и прочитал сообщение, пришедшее на его телефон. Значит, Жан-Клод со своей блондинкой все-таки что-то нашли. Кто бы мог подумать.

Ситуация складывается прекрасно, подумал Лемье. Марван или прячется в квартире Фаваз (что очень вероятно), или же она знает, где он, и может вывести на его след. В любом случае он должен добраться до нее быстро. Выбежав из «Хилтона», он сел в машину и поспешил из Рабата назад в Касабланку.

Когда он добрался до нужного здания, уже темнело, и охранник дремал у себя за столом. Лемье поднялся на седьмой этаж по лестнице, чтобы шум дверей лифта никого не встревожил.

Когда он поднялся, слегка запыхавшись, на этаже было безлюдно и тихо. Вынув пистолет и наведя на него глушитель, он держал его наготове. Он нашел квартиру 701, дважды постучал и услышал молодой женский голос:

– Кто там?

Это Фаваз? Здесь ли Марван? Лемье знал, что Марван никогда не слышал его голоса. Но нужно быть готовым к тому, что он за дверью, вооруженный и готовый убить опять, но не дать себя арестовать за убийство.

– Вы обращались насчет установки спутникового телевидения? – спросил он, надеясь, что информация, собранная его отделом за последний час, соответствует действительности, и думая, почему люди Годдара не сделали этого сами.

– Да, – ответила женщина, – минуточку.

Он услышал, как открывается замок и цепочка, и вот он смотрит в лицо Рании Фаваз, соответствующее фотографии, присланной Годдаром.

Лемье толкнул дверь, схватил Ранию за руку, развернул ее и, держа за шею, приставил к ее голове пистолет.

– Где Марван Аккад? – спросил он. – Отвечайте сейчас же!

– Мне больно! – закричала Рания. – Вы сломаете мне руку!

Лемье не обратил на это внимания.

– Она у меня, Марван! – крикнул он. – Если хотите увидеть ее живой, бросьте оружие и медленно выходите с поднятыми руками!

– Его здесь нет, – произнесла Рания, морщась от боли. – Его нет. Марвана здесь нет.

– Я вам не верю, мисс Фаваз. Я думаю, вы лжете, чтобы спасти своего возлюбленного.

– Он не мой возлюбленный. И никогда не был. И его здесь нет.

Это звучало убедительно, но Лемье не собирался рисковать. Прижав пистолет к ее голове сильнее, он потащил ее за собой по квартире, осматривая комнату за комнатой, кладовые, заглядывая под кровати и в душевую кабину, во все углы и щели. Он позволил себе расслабиться, лишь убедившись, что Марван нигде не подстерегает его.

– Я же говорила вам, что его здесь нет, – сказала Рания, когда они закончили поиски, и Лемье закрыл входную дверь.

– Молчать! – крикнул он и ударил ее по лицу рукояткой пистолета. Она упала, плача. Из разбитой губы текла кровь. – Хорошо, сейчас его здесь нет, но он был здесь!

– Кто вы? – спросила Рания, дрожа от страха. – Что вам нужно?

– Вопросы здесь задаю я, мисс Фаваз, – сказал Лемье, наклоняясь над ней и направляя на нее пистолет. – Я спрашиваю вас снова, был ли Марван Аккад у вас недавно?

– Да, был, – наконец смогла сказать она.

– Что ему было нужно?

– Он хотел остаться здесь, но я ему отказала.

- Почему здесь? Почему не в гостинице?
- Он был ранен. Ему была нужна помощь.
- И вы ему ее оказали?
- Я – медсестра.
- Он любит вас.

Рания промолчала.

- Он делал вам предложение? В мае — так?
- Да, так.
- Значит, он любил вас.
- Думаю, да.
- А вы не любили его?
- Я отказала ему.

– Это не означает, что вы не любили его. Ведь он пришел к вам. Из всех людей, к кому он мог обратиться, он выбрал вас?

- Думаю, да.

– Наверное, он думал, что вы все еще равнодушны к нему?

- Может быть.

– И в трудный момент он обратился к вам. У него была огнестрельная рана?

- Да, похоже на то.
- И вы его выгнали.
- Я не хотела быть впутанной в его жизнь.
- В жизнь убийцы?
- Я этого не говорила, — возмутилась Рания.

- Нет необходимости это говорить.

- Он не убийца, — сказала она. — Он хороший человек.

– Но не настолько хороший, чтобы выходить за него замуж.

– Мы были друзьями с детства. Я бы сделала для него что угодно.

- И почему же вы не сделали?
- Я ... я помогла ему, насколько могла.
- Но вы не разрешили ему остаться?
- Я....
- Вы дали ему денег?
- Нет.

– Вы помогли ему купить билет на самолет?

– Нет.

– Вы отвезли его на железнодорожную станцию?

– Нет.

– Но вы знаете, где он, правда, мисс Фаваз?

Рания сжалась на полу, она не могла сдержать дрожь, в глазах у нее были слезы, и она едва могла говорить.

– Нет, – произнесла она. – Не знаю.

– Я думаю, вы лжете.

– Я больше ничего не знаю.

Лемье щелкнул предохранителем пистолета.

– Пожалуйста, поверьте мне, я не знаю, куда он пошел.

– Я считаю до трех, – сказал Лемье. – И если я не услышу то, что меня интересует, я вас убью.

– Но я не знаю, – сказала она. – Клянусь вам. Если бы я знала, я бы вам сказала.

– А может быть и нет, – сказал Лемье. – Может быть, вы на самом деле любите его. Может быть, вы готовы пожертвовать собой, чтобы он мог скрыться.

– Нет, то есть, да, я люблю его, но я говорю вам правду.

– Один...

– Прошу вас, месье, вы должны поверить мне.

– Два...

– Хорошо, хорошо, я скажу вам все, что знаю, но я знаю немного. Только, пожалуйста, не убивайте меня.

Лемье выдержал долгую, напряженную паузу и сказал:

– Хорошо, я жду.

– Марван сказал, что не знает, куда поедет, – быстро сказала она, – и я ему поверила.

– Что именно он сказал, мисс Фаваз?

– Он сказал... что-то вроде «может быть, в Египет, может быть, в какую-то из стран Залива, куда-то подальше отсюда» ... Это все, правда, все, что я знаю.

– Вы уверены?

– Да, – повторила она. – Он больше ничего не сказал.

- Кто-нибудь еще знает, что он был здесь?
- Нет, только я.
- А ваши родители?
- Нет.
- Друг?
- Нет.
- Соседка по этажу или по комнате?
- Нет, – соврала Рания, чтобы он не узнал о Лейле,
- только я. И я ничего не скажу. Пожалуйста, вы должны мне верить.

Лемье снова сделал паузу, раздумывая, можно ли верить ее словам.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Ведь это не было так трудно, правда?

Рания вздохнула с облегчением.

И тут раздался стук у входной двери. Открылся замок. В комнату вошла Лейла с покупками в руках. С выражением ужаса на лице она посмотрела на Лемье и на пистолет у него в руке.

– Рания, что случилось? – спросила она дрожащим голосом. – Это касается Марвана?

Эти слова решили ее судьбу.

Лемье выстрелил два раза. Выстрелов никто не услышал. Лейла сползла на пол. Затем он повернулся к Рании и выстрелил еще дважды.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Годдар вышел из такси у дома Рании Фаваз.

— Почему так долго? — недовольно фыркнул Лемье.

— Сюда от Бейрута далеко, — ответил Годдар, не реагируя на тон. — Есть какие-нибудь признаки Марвана?

— Нет, все тихо.

— А девушка?

— Я же говорю, все тихо.

— Вы уверены, что они здесь? — спросил Годдар.

— В данный момент я не уверен ни в чем, — сказал Лемье. — Но не будем терять времени. Войдем. И надеюсь, что мы застанем Марвана врасплох.

Они вошли в холл. На этот раз охранник бодрствовал. Лемье показал свой значок и сказал:

— Мы ищем Ранию Фаваз. Как мы понимаем, она проживает здесь.

— Мисс Фаваз? — переспросил портье. — Да. Очень хорошая девушка. Она и ее подруга Лейла живут в номере 701, на седьмом этаже. Вас проводить?

— В этом нет необходимости, — ответил Лемье и повернулся к Годдару.

— Поднимитесь по лестнице. Проверьте, все ли там чисто. Встретимся наверху.

Он вынул свой служебный револьвер и вошел в лифт.

Годдар также достал оружие и предупредил портье, чтобы тот ничего не говорил никому из входящих и выходящих из здания. Затем он стал подниматься по лестнице, молясь о мирном разрешении неприятного дела. Он не мог поверить, что Марван — убийца. Что-то в рассуждениях Лемье не

удовлетворяло его. Но осторожность не помешает. Все-таки Марван Аккад прошел особую подготовку.

Он встретил Лемье у входа в квартиру 701, и они знаками согласовали свои действия. На счет «три» Годдар вышиб дверь, и оба ворвались в квартиру с оружием наготове. К ужасу Годдара, они обнаружили безжизненные тела Рании и ее подруги.

– Марван Аккад убил их, – сразу сказал Лемье. – Мы опоздали.

Годдар был поражен увиденным.

– Но зачем ему было это делать?

– Вопрос не в этом, – сказал Лемье. – Главное – найти Марвана до того, как он убьет снова. Надо немедленно обследовать квартиру на предмет отпечатков пальцев и других улик. Но прежде всего необходимо отправить фото Марвана во все отделения полиции, на телевидение, автобусные и железнодорожные станции, в аэропорты и морские порты Марокко. Возможно, он еще находится здесь, и мы не можем позволить ему ускользнуть.

В субботу утром телефон Тарика зазвонил, но он не обратил внимания. Он был занят тем, что подавал Далии завтрак в постель. Через час звонок раздался снова, но Тарик был в душе и не слышал его. Спустя час телефон зазвонил еще раз, теперь в пустой квартире, — Тарик с Далией ушли, чтобы провести еще один день вместе. Рами так и не смог сообщить срочные новости.

Уже почти наступила зима, но роман Тарика Джамиля и Далии Нур был в расцвете, как дельта Нила весной. В это прохладное утро понедельника, после завтрака, они поднялись на Каирскую башню 185-метровой высоты. Держась за руки, они смотрели на простирающийся внизу город и соревновались, кто опознает больше достопримечательностей. Они быстро нашли Египетский музей, Цитадель, мечети Рафика Али и Ибн Тулуна. Остальное — множество отелей, многоквартирных домов и офисных центров — угадывалось в пыльно-бурой дымке.

— Ты когда-нибудь был у пирамид? — спросила Далия.

— Мне стыдно в этом признаться, — ответил он, — но не был.

— Я тоже не была! — воскликнула она. — Давай съездим туда! Я хочу увидеть их близко и скакать на верблюде по пустыне!

— Ты имеешь в виду кататься на верблюде? — переспросил Тарик.

— Нет, я хочу скакать! — ответила она с шаловливым огоньком в глазах.

Тарик поражался ее энергии и воле к жизни. Это освежало и захватывало и его. Он пожал плечами и сказал:

– Что ж, скачки так скачки.

Они взяли такси и поехали в Гизу. Там они спустились в пирамиду Хеопса. Стоя в зале усыпальницы, они представляли, какие сокровища она некогда скрывала. Затем они наняли проводника с двумя верблюдами и отправились в пустыню. Они больше не говорили ни о том, как близок к смерти был Нагиб Махфуз, ни о гибели родителей Тарика, ни об автомобильной аварии, в которой по его словам он был ранен. Можно было не вспоминать о Годдаре, Лемье, Монте-Карло и Рафике Рэмзи. Мысли о суде, расследовании и осторожности ушли куда-то далеко. Они наслаждались жизнью, как пара юных влюбленных, и для Тарика это было как освежающий глоток воды после жажды.

– Спорим, что я буду у сфинкса раньше! – крикнула ему Далия. – Проигравший платит за ужин!

И, шлепнув своего верблюда, она помчалась по дюнам, оставив его позади.

Не желая уступать, Тарик последовал за ней, а их встревоженный и недовольный проводник стал кричать им вслед. У Далии хорошо получалось, как будто она всю жизнь ездила верхом. Ее темные волосы развевались у нее за спиной. Она опередила его метров на сорок-пятьдесят. Но он не был намерен сдаваться без боя. Пиная верблюда сильнее, он стал набирать скорость.

Они поднялись на дюну и спустились по другой стороне, потом преодолели одну за другой еще несколько дюн, и вот Далия исчезла за гребнем последней. Но только на какой-то момент, потому что Тарик догонял ее.

Далия что-то кричала ему, смеялась и дразнила, что придало ему решимости победить. Он пытался выжать все из своего верблюда-трехлетки, но безуспешно. Опередив его на полкорпуса, Далия поравнялась с группой туристов у подножия сфинкса, перепугав их. Затем она повернула назад в пустыню, чтобы перевести дух.

Она смеялась до слез. Смеялся и он, и вдруг его охватило чувство, какого, он был уверен, он никогда не испытает ни к кому, кроме Рании.

— Купи мне что-нибудь! — сказала она, когда они обнялись.

— Купить что-нибудь? — спросил он, не понимая. — Что, например?

— Не знаю, — засмеялась она, сильнее обнимая и целуя его в шею. — Что-нибудь особенное, необыкновенное, что-то, чтобы я вспоминала тебя, когда ты исчезнешь, и я никогда тебя больше не увижу.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — Почему ты так думаешь?

— Ведь именно так поступают мужчины, — сказала она, — берут, что хотят, а потом избавляются от тебя в самый неожиданный момент.

Глаза ее смотрели игриво, но слова — как бы шутливо они ни были сказаны, — достигли желаемого. Тарик понял, что играет с огнем. Кто-то очень обидел эту девушку, совсем недавно, и теперь он близок к тому, чтобы снова причинить ей боль. Да, она принадлежит ему, но она не желает, чтобы с ней играли и принимали как нечто само собой разумеющееся. Но заниматься этой проблемой сейчас у него не было ни времени, ни желания.

Что бы он ни испытывал к ней, он ведь не сможет оставаться с ней долго. Это просто невозможно. Через несколько дней, недель или месяцев Рами позвонит и предупредит его, что по его следу идут, и он должен будет исчезнуть. И он «избавится от нее в самый неожиданный момент».

Было бы легче, если бы он просто хотел провести с ней ночь или выходные. Но, к своему удивлению, он понял, что ее чувства имеют для него значение. В этой девушке было что-то, что нравилось ему, и он не хотел причинять ей боль.

— Некоторые мужчины, может быть, так поступают, — сказал Тарик, притягивая ее к себе и нежно целуя. — Но не я.

Надеясь сменить тему, Тарик вел Далию по запруженной туристами улице с магазинами. И наконец они пришли к одной из знаменитых каирских мастерских.

— Ну хорошо, — прошептал он, как только они вошли.
— Я куплю тебе здесь, что ты захочешь.

Глаза Далии засияли.

— Что захочу? — спросила она радостно.

— Что захочешь, — подтвердил он, — только скажи что.

Она сжала его руку и огляделась. Стены магазина были увешаны большими листами папируса с великолепными красочными рисунками.

— Чем я могу вам помочь? — спросил продавец. — Я могу предложить вам очень хорошую цену.

— Можете показать нам мастерскую? — попросил Тарик, и Далия кивнула.

— С удовольствием, сэр, — сказал молодой человек, которому было едва ли больше 20 лет.

Он провел их в заднее помещение, где стал показывать, как стебли папируса разделяются на длинные тонкие волокна, которые потом вымачиваются в воде, чтобы растворился содержащийся в них сахар, переплетаются и спрессовываются, а затем высушиваются в течение долгого времени, чтобы получились прочные листы. На них искусные художники изображают яркие сцены, часто основанные на древних легендах.

— Расскажите об этой, — попросила Далия, когда он закончил, показывая на большую картину в красивой деревянной раме с людьми, животными и иероглифами,

нарисованными яркими синими, красными и золотыми цветами.

– «Последний суд», – сказал продавец. – Она очень известна. Когда-то копии этой картины были во всех домах, усыпальницах и храмах Египта.

– Почему? – спросил Тарик. – Что она означает?

– Древние египтяне верили, – начал продавец объяснение, – что, когда человек умирает, его ожидает последний суд, где он даст отчет Богу за все, что сделал за свою жизнь. Видите человека в левом углу, который стоит на коленях перед вот теми фигурами в верхней части картины?

– Да.

– Это – человек в будущей жизни. Он стоит на коленях перед четырнадцатью судьями и клянется, что невиновен. Он предлагает им жертвы и просит пустить его в рай.

– А вот там? – спросил Тарик. – Это он же?

– Слева внизу?

– Да.

– Да, это тот же человек. Его ведут во дворец правосудия, где будет решено, хороший он или плохой, виновен он или нет. Видите огромные весы перед ним?

– Да.

– Сердце умершего помещают на левую сторону, а перо справедливости – на правую. Если сердце тяжелее пера, это значит, что оно полно греха. То есть человек недостаточно хороший, чтобы пойти в рай, и он отправится в ад. Если же его сердце легче, значит, он – хороший, чистый человек, и он попадет в рай. Человек на картине чист, и вон та фигура с ключом к вечной жизни ведет его в небесный тронный зал. Вам нравится картина?

– Нет, – ответила Далия, которая явно чувствовала себя неуютно. – Покажите мне что-нибудь другое.

Она обратила внимание на другую картину с двумя голубями, сидящими на дереве. Но Тарик продолжал рассматривать «Последний суд».

– А как можно определить? – спросил он.

– Определить что? – не понял продавец.

– Как можно определить, что сердце достаточно чисто. Что ты попадешь в рай, а не в ад?

Но продавец не ответил на вопрос. Было ясно, что он не знает ответа, как не знал его и Тарик. Вдруг Тарик почувствовал страх. Он продолжал задавать себе этот вопрос снова и снова. Он должен найти ответ на него, прежде чем будет решаться его судьба.

Он купил Далии картину – другую конечно, – изящную и дорогую, изображающую двух влюбленных, плывущих на фелюге по Нилу, но сам не мог избавиться от волнения, внушенного ему «Последним судом». Он как будто слышал голос матери, оплакивающий все глупые и эгоистические решения, которые он принимал в своей жизни, и умоляющий его изменить ее течение и начать все заново, пока это возможно.

Но с чего начать? К кому обратиться? Он готов что-то изменить. Его жизнь идет не туда. Как изменить ее направление?

Они вернулись в квартиру Далии, приняли душ, переоделись и отправились в отель «Мовенпик» недалеко от аэропорта. Перед ее вечерним рейсом в Лондон он устроил ей ужин при свечах. Далия была совершенно счастлива. Он чувствовал себя совершенно несчастным.

– Вчера вечером Дина и Мерват прислали мне сообщение по электронной почте, – сказала Далия, – я забыла тебе сказать.

– Угу, – сказал он, смотря себе в тарелку, в которой практически все оставалось нетронутым.

– Они еще в Нью-Йорке и нашли себе квартиру. Дина говорит, они вернутся на следующие выходные за вещами.

Помолчав, она добавила:

– Не верится, что они уезжают. Думаю, мне нужно искать новых соседок. Я не могу оплачивать эту квартиру сама.

– Да, – сказал он, ковыряя говяжье филе.

– Тарик, все в порядке? – спросила она.

– Да, все хорошо, – сказал он, наливая себе третий стакан вина.

– Мне кажется, ты где-то далеко. Ты не такой, как был утром. Как был в эти выходные.

– Нет, – сказал он, – просто....

Он замолчал.

– Просто что? – спросила она.

Он не хотел ее обманывать. Он не хотел, чтобы его сердце стало еще тяжелее, чем оно уже было. Мысль об этом беспокоила его как никогда раньше. И вообще, не была ли его жизнь сплошным обманом? Он не Тарик Джамиль. Он не консультант по компьютерам из Брюсселя. Он не планирует открыть филиал в Каире, не настроен на серьезные отношения, – неправда все, что она о нем знает.

– Просто я буду скучать по тебе, – сказал он, наконец взглянув на нее. – Мне было очень хорошо эти несколько дней, которые мы были вместе.

– Мне тоже, – сказала она, взяв его за руку.

– Ты – необыкновенная девушка.

Далия улыбалась, но вопрос ее был задан несколько скептическим тоном:

– Необыкновенная в смысле «Я хочу проводить больше времени с тобой» или в смысле «Было весело, но мы больше не увидимся»?

– Необыкновенная в смысле «Я хочу проводить с тобой намного больше времени», – сказал он, взяв обе ее руки в свои. – Когда ты возвращаешься завтра?

– Я должна вернуться к обеду, где-то к полудню.

– Хорошо. Я буду тебя ждать.

– Обещаешь? – спросила она, сжимая его руки.

– Обещаю.

Тарик провел ночь в квартире Далии. Уборщики и мастера, нанятые хозяином его квартиры, проработали целый день, но результатов их работы практически не было видно. Оставалось сделать еще очень много. Кроме того, квартира Далии была значительно меньше, теплее (частично потому, что в ней работали обогреватели) и уютнее.

На окнах были занавески, а в ярких вазах на кухонном столе — свежие цветы. На кроватях было чистое белье, большие толстые одеяла и мягкие подушки. Везде было множество мелочей, привезенных из стран, в которых она побывала. Самое главное, посуда была вымыта, в холодильнике и кладовой была еда, а плита работала, что решило бы вопрос в пользу того, чтобы остаться здесь, — если бы такой вопрос возник.

Тарик сделал себе кофе и угощался печеньем, которое нашел в буфете. Затем он начал копаться в вещах Далии, пытаясь составить для себя более полное представление о ней. На полках рядом с музыкальным центром он обнаружил диски с модной музыкой и DVD с последними египетскими, европейскими и американскими фильмами. Все было расставлено в алфавитном порядке. В гардеробной висела новая одежда, стояли новые туфли, бархатные коробочки были наполнены украшениями. Он нашел стопки модных журналов: «Vogue» и «Cosmopolitan». Он обнаружил маску с трубкой для плавания под водой и акваланг. На полках стояли проспекты курортов — от Средиземного до Карибского морей, а также все романы Нагиба Махфуза. Кроме того, он нашел тайник с марихуаной и одну сигарету закурил.

Его удивило, что он не нашел ни дневников, ни даже семейных фотографий, которые могли бы дать ему информацию, которую он искал. Что же представляет собой Далия Нур? Откуда она? К чему она стремится? Она увлекла его, но он понял, что слишком мало о ней знает.

Он знал, что она выросла где-то в Иордании, но не знал где. Он знал, что она уехала из дома в 18 лет, но не знал почему. Он знал, что она закончила какой-то колледж во Франции, но не знал, какой и что она изучала. Он знал, что она пошла на работу в «Бритиш Эрвэйз», чтобы посмотреть мир и иметь возможность бесплатно путешествовать. Он знал, что она уже побывала в 23 странах и надеется провести свой – третий по счету – отпуск в Австралии, где, как она сказала, здорово плавать с маской. Но больше он не знал о ней ничего. Она оставалась для него такой же загадкой, как, вероятно, и он для нее.

В поисках ответов Тарик открыл ящик комода рядом с кроватью и обнаружил в нем стопку рекламных брошюр, предлагающих 2-3-дневный отдых на курортах Шарм-Эль-Шейха. Она действительно увлекается путешествиями. Он же не помнил, когда последний раз где-то отдыхал. Но Далия, казалось, была охвачена навязчивой идеей увидеть мир и почувствовать полноту жизни. Она не могла усидеть на месте. Когда у нее выдавалось несколько свободных дней, она отправлялась в какое-то экзотическое место. Почему? От чего она бежит?

Тарик стал просматривать стопку. В ней были проспекты как «Хилтона» и «Риц-Карлтона», так и «Фор Сизонз», «Марриотта» и «Мовенпик Джоли Вилля». Внизу он нашел блокнот с логотипом «Бритиш Эрвэйз», в котором рукой Далии были сделаны записи о стоимости номера на троих, возможных датах, минусах и плюсах различных курортов.

Он собирался сложить все на место и продолжить поиски информации об этой таинственной девушке, когда обратил внимание, что предполагаемые даты поездок, позднее вычеркнутые, касались ближайшего времени

– между Рождеством и Новым годом. Он понял, почему Далия отменила поездки, – Дина и Мерват переехали, и она не сможет больше оплачивать эту квартиру, не говоря уже о выходных в Шарм-Эль-Шейхе. И Тарик подумал:

«А что, если...»

К возвращению Далии на следующий день планы были составлены, билеты куплены, чемоданы упакованы, и всё – включая принадлежности для подводного плавания – было сложено в багажник такси. Тарик ждал ее у входа с букетом цветов. Все чувства Далии отразились в ее глазах. Она не могла поверить. *Они оба едут в Шарм? Правда? Прямо сейчас? И все оплачено? Но откуда он знал? Как он смог организовать все так быстро? Как ей повезло, что она влюбилась именно в такого человека!*

Тарик ответил на все ее вопросы, когда они садились на рейс на Синайский полуостров. Его радовали ее изумление и восторг. Никогда в жизни раньше Тарик не поддавался неожиданному порыву, но он чувствовал себя прекрасно и надеялся, что это только начало. Уехать из Каира – хорошо по ряду причин. Солнце, песок и морской прибой – именно это ему нужно, чтобы отвлечься от своих неприятностей. И он хочет как можно больше времени проводить с Далией.

– Ты очень щедрый, – наконец сказала Далия. – Но я все-таки не понимаю, почему ты это сделал.

– Я скучал по тебе, – сказал он. Самолет заходил на посадку.

Сжав его руку, она прижалась к нему.

– Правда? – спросила она с улыбкой.

– Правда, – ответил он. – В Каире у тебя хорошая квартира, но без тебя в ней одиноко. Я нашел твой календарь и увидел, что ближайшие несколько дней у тебя выходные. Я не мог устоять. Надеюсь, это не было слишком нахально с моей стороны запланировать все самому.

– Конечно, было, – ответила она. – И я очень рада.

Они поселились в отеле «Риц-Карлтон» и два дня провели как молодожены. Они поздно просыпались и завтракали в постели, загорали у бассейна. Днем плавали в Красном море, а вечером ходили в шикарные рестораны. Вернувшись в номер, они предавались безудержной страсти.

В дневное время температура держалась около 30, и с севера дул легкий ветерок. Ночью она не опускалась ниже 15. Никаких облаков, дождя, смога, телефонных звонков, сообщений по электронной почте. Лучше не бывает, и Тарику хотелось, чтобы это никогда не кончалось.

На третий день он встал рано и отправился на утреннюю пробежку. Он оправился от ран, полученных в Монте-Карло. Силы неуклонно восстанавливались. Он мог смеяться. Петь в душе. Он был опьянен любовью — у него не было другого объяснения своему прекрасному самочувствию.

Тарик никогда не испытывал подобного ни с кем — даже с Ранией. У него остались к ней особые чувства, и он думал, что сохранит их навсегда. Но она никогда не откликалась на его чувства так, как Далия. Далия хотела его. Он был ей нужен. С ней он чувствовал себя особенным. Он влюбился в нее, все произошло так быстро.

Пробежав 4 мили по пляжу, Тарик вернулся в «Риц» и вошел в комнату как можно тише. Далия еще спала. Она была похожа на ангела — в ней было столько красоты и спокойствия. Может быть, все это ему только снится.

Он принял душ и оделся. Сегодня можно посмотреть достопримечательности или походить по магазинам. А

может быть, они покатаются на велосипедах или займутся пара-сейлингом. Ему все равно. Они будут делать все, что захочет она, — лишь бы быть вместе.

— Доброе утро, — нежно сказала Далия, когда он вышел из ванной.

— Доброе утро, — ответил он, целуя ее. — Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно, — сказала она, — хочу есть.

— Я тоже, — сказал он. — Примешь душ, а потом мы спустимся на завтрак и будем думать, чем заняться сегодня.

— Хорошо, — сказала она и потребовала еще одного поцелуя перед тем, как закрыла за собой дверь в ванную.

Пока она была там, Тарик прибрал в комнате. Он собрал вещи Далии, которые сохли на балконе, и сложил их в чемодан. Под кроватью он нашел ее ключи и сотовый. Когда он собирался положить их ей в сумочку, оттуда выпало несколько писем. В основном это были неоплаченные счета. Но один из конвертов привлек его внимание.

Это было письмо с иорданской маркой, отправленное неделю назад. Оно было открыто, и он не удержаться, чтобы не прочитать его. Прочитанное захватило его врасплох.

«Моя дорогая Далия,

Спасибо тебе за твое недавнее письмо.

Не могу передать тебе, как твоя мать и я были рады узнать, что ты больше не встречаешься с Калимом. Ты знаешь, мы не одобряли его образа жизни — наркотиков, алкоголя, ночных вечеринок. Мы растили тебя не для того, чтобы ты вышла замуж за такого человека.

Он не христианин и даже не добрый или серьезный человек. Мы рады, что ты порвала с ним и начала новую страницу в своей жизни.

Готова ли ты к тому, чтобы мы нашли для тебя хорошего и благочестивого человека, который бы любил тебя и заботился о тебе всю

жизнь? Что ты думаешь о Юсефе? Ты знаешь, что месяц назад я взял его к себе помощником пастора? Он замечательно трудится в церкви – ведет библейские занятия для детей, воскресную школу и молодежную группу. Я думаю, он все еще к тебе равнодушен. Дать ему твой номер телефона, чтобы он тебе позвонил? Мы с матерью были бы так рады.

Когда ты приедешь домой? Мы очень хотели бы тебя видеть. Ты могла бы повидаться с Юсефом. Все твои двоюродные братья и сестры хотели бы тебя видеть. И я тоже.

Пожалуйста, пиши.

Твой любящий отец.»

Письмо было аккуратно напечатано на бланке церкви «Петра Байбл Черч», на котором был указан почтовый адрес в маленьком городке на юге Иордании.

Тарик был поражен. *Что это значит? Далия – христианка? И ее отец – пастор? Как это? Непонятно.* Далия пьет спиртное. Курит наркотики. Спит с ним, хотя они не женаты. Она не носит крестик. У нее нет Библии. Насколько он понимает, она такая же заблудшая душа, как и он. Для него религия никогда ничего не значила. Но он не воспитывался в христианской семье. Почему она скрыла от него такую важную вещь? И кто такой Калим? Кто это – Юсеф? Что происходит? Что еще она скрывает от него?

А разве он сам ничего не скрывает от нее?

Тарик продолжал изучать письмо, когда зазвонил его спутниковый телефон. Он вздрогнул и посмотрел на номер, — звонил брат.

— Привет, Рами, — сказал он.

— Марван, ты где? — возмутился Рами. — Я звоню тебе уже несколько дней. Я боялся, что тебя уже нет в живых.

— У меня все хорошо, — спокойно сказал Тарик. — Просто... я...был занят. А что? Что случилось?

— Занят? — спросил Рами. — Чем?

— Это тебя не касается.

— Ты что, с ума сошел, Марван? — спросил Рами. — Я рисковую жизнью, чтобы помочь тебе остаться в живых и на свободе, а ты исчезаешь на несколько дней и теперь имеешь наглость заявлять, что это меня не касается?!

— Ты прав, — сказал Тарик, стараясь, чтобы голос не звучал так, как будто он оправдывается. — Прости.

— Я надеюсь, ты говоришь искренно, — ответил Рами. Он был взбешен, но старался держать себя в руках. — С тех пор, как ты исчез, много всего произошло. Ближайшим рейсом я улетаю из Багдада назад в Бейрут. Прокурор Монте-Карло предписывает мне повесткой явиться на беседу с инспектором Годдаром.

Последовала продолжительная пауза, и Тарик понял, что это еще не все.

Наконец Рами спросил:

— Почему ты не сказал мне, что Рания переехала в Касабланку?

Тарик был ошеломлен, — откуда ему это известно?

– Не понимаю...

– Перестань, Марван. Я знаю, что ты там был. Я хочу знать почему? Ты сказал, что затаишься – никаких друзей, никаких знакомых мест. Ты обещал.

– Я не знал, куда мне ехать, – признался он. – Мне нужна была ее помощь.

– Почему? – продолжал требовать ответа Рами.

– Потому что меня подстрелили. Вот. Ты доволен? Меня ранил в Монте-Карло один из убийц, и я не мог обратиться в больницу ни там, ни во Франции. Я не знал, кто за мной охотится. Не знал, кому могу доверять. Я не мог придумать ничего другого, как отправиться к Рании. И я поехал к ней. Она оказала мне помощь и потом сказала проваливать, и поэтому я здесь.

– Это была глупая ошибка, Марван, – сказал Рами.

– Может быть, ты и прав, – согласился он, – но ведь все в порядке?

– Нет.

– Что значит нет?

– Рания мертва.

Тарик почувствовал себя так, как будто получил удар в солнечное сплетение.

– Что... Как..? – Он не мог думать. Не мог дышать. *Как это может быть?*

– Полиция обнаружила ее тело в ее квартире в Каса-бланке. И тело подруги, с которой она снимала квартиру, – объяснил Рами. – В обеих стреляли по несколько раз.

Этого не может быть. Он был там. Рания его обнимала.

– Инспектор Годдар оставил мне сообщение на телефоне в офисе, – сказал Рами. – Вот как я узнал. Он сказал, что на месте преступления полно твоих отпечатков пальцев. На подушке на ее диване нашли твои волосы. Владелец магазина по соседству опознал тебя, он видел тебя поблизости. Твою машину нашли за несколько миль оттуда. Лемье утверждает, что убийство совершил ты, и выдал ордер на твой арест. Годдар говорит, что, если у тебя есть объяснение, тебе лучше сдаться и все рассказать сейчас, иначе никто не сможет тебе помочь.

Тарик не хотел ничего слышать. Ему было плохо. Он чувствовал то сомнения, то гнев и был готов швырнуть трубку о стену.

И тут Рами сказал:

– Боюсь, это еще не все. Есть новости хуже.

– Что..? — выдавил из себя Тарик. — Что может быть хуже?

– Лемье и Годдар знают, что ты в Египте.

– Что!?

– Не спрашивай у меня откуда, — сказал Рами. — Годдар не хотел мне сказать. Они с Лемье уже там. Твоя фотография есть у каждого полицейского в Каире, и они получили приказ стрелять, если ты не сдашься мирно.

– Но я не убивал Ранию, — сказал Тарик. — Клянусь тебе.

– Я знаю, — сказал Рами.

– И ее подругу я не убивал, — продолжал Тарик. — Это наверняка сделали люди Клодетт.

– Я тоже так думаю, и я только что отправил в Бразилию еще людей. Думаю, ее уже нет в Сан-Паулу. Она, должно быть, в горах. Но мы найдем ее и тех, с кем она работает. Я тебе обещаю. Но на это нужно время, которого у тебя нет. Тебе нужно исчезнуть — немедленно.

Сон, в котором Тарик жил последние несколько дней, растаял. Вернулся кошмар. Он снова должен бежать.

Как ему ни было неприятно согласиться, но Рами был прав. Если посланные Клодетт Рэмзи убийцы отыскивали Ранию в Марокко, они найдут и его в Египте. Они представили его виновным в убийствах, которых он не совершал. Они задействовали против него всю полицию Европы и Северной Африки. Он не сможет скрыться даже в таком большом городе, как Каир. Но он не может и оставить Далию. Он знал, что не нужно влюбляться в нее, но теперь поздно. Он не смог устоять. И он никогда не простит себе, если с ней что-нибудь случится.

Далия вышла из ванной в светло-голубом открытом платье и туфлях в тон. Как всегда, она выглядела прекрасно, но Тарик думал о другом. Его волновало это письмо от отца Далии и теперь звонок от Рами. *Что делать? Куда ехать?*

В какой-то момент он был готов все рассказать Далии — кто он, чем зарабатывает на жизнь, почему скрывается и кто охотится за ним. Поступить так было бы честно. Но было ли бы это хорошо?

Он решительно избавился от этой мысли. Чем меньше ей известно, тем лучше — и безопаснее — для нее, решил он. Если он действительно любит ее, ни к чему пугать ее рассказами о снайперах, заминированных машинах и о том, что из-за угла в любой момент может выйти убийца. Может быть, это было бы честно, подумал он, но не было бы справедливо.

Тарик посмотрел на часы. Ему нужно было составить план действий, и немедленно. Но до того как он мог что-то сказать, Далия увидела у него в руках письмо.

— Что это? — потребовала она ответа. — Где ты это взял?

Тарик попытался что-то сказать, но она оборвала его:

— Это — письмо от моего отца? Ты взял его у меня в сумочке? Как ты посмел?

Тарик был сбит с толку такой реакцией и попытался объясниться:

— Я просто убирал у комнате, и оно мне попало. Я не знал, что это.

Далия выхватила письмо у него из рук. Он никогда не видел ее такой. Она покраснела, руки дрожали.

– Ты прочитал его? – спросила она. – Поклянись, что ты его не читал.

– Я же говорю, – пробормотал он, – я не знал, что это. А ты правда христианка? Твой отец действительно пастор?

– Это не твое дело! – крикнула она, смяв письмо, и убежала в ванную, захлопнув за собой дверь.

– Что случилось? – спросил он, ошарашенный таким развитием событий. – В чем дело? Ну, я прочитал письмо от твоего отца. Что здесь такого?

– Ты не имел права! – крикнула Далия из-за двери. Теперь она плакала. – Ты не имел права рыться в моих вещах, Тарик Джамиль! Ты не имеешь права судить меня! Ты слышишь меня? Не имеешь права.

– О чем ты говоришь? – спросил он, подходя к двери, но она была закрыта изнутри. – Я не рылся, и я тебя не сужу. Почему бы я тебя судил? Мне просто интересно, вот и все. Ну же, Далия, перестань, открой дверь.

– Нет, – крикнула она. – Уйди!

– Не уйду, – ответил Тарик как можно тверже и спокойнее. – Я тебя люблю и хочу знать о тебе все. Я хочу знать о твоих родителях. Хочу знать о твоей вере, какой бы она ни была. О парне, с которым ты встречалась, и почему вы расстались. Я хочу знать все.

Тарик слышал, что она перестала плакать. Он подергал дверь, но она была закрыта. И он сел на пол рядом с дверью, не понимая, что происходит с девушкой, которая так много для него значит.

– Далия, пожалуйста, прости меня, – сказал он, поразмыслив над ситуацией. – Я действительно сожалею. Я обнаружил письмо случайно, клянусь тебе, но ты права, я не должен был его читать. Но поверь мне, я не хотел тебя обидеть. Я не думал, что это тебя расстроит. Не дадим этому испортить все, что у нас было.

Он просил – для него это было непривычно. Но, судя по всему, ему удалось добиться своей цели – Далия уже не плакала, а только шмыгала носом, и дыхание стало ровным.

– Что мне сделать? – спросил Тарик. – Только скажи, и я сделаю.

Через несколько минут дверь приоткрылась.

– Не смотри на меня, – сказала она, продолжая шмыгать носом. – Закрой глаза. Я выгляжу ужасно.

– Не могу не смотреть, – сказал он, тем не менее закрыв глаза. Он услышал, как дверь открылась.

– Все, что ты сказал, – правда? – спросила она после паузы.

– Да, всё, – ответил он.

– И ты действительно любишь меня?

– Да, я очень люблю тебя. Иначе почему бы я тебя похитил и привез в этот рай?

Тарик не мог поверить, что он это говорит. Он почти не знает эту девушку. Она почти не знает его. Он не может себе позволить серьезных отношений. Но в ней было что-то, перед чем он не мог устоять, что не позволяло ему упустить ее.

– Не знаю, – тихо сказала она. – Я пытаюсь в этом разобраться.

– Значит, ты прощаешь меня? – спросил он.

Она помолчала.

– И в этом я пытаюсь разобраться тоже.

Она села рядом с ним на холодный кафельный пол и, взяв его за руки, поцеловала его глаза. Наконец она позволила ему посмотреть на нее. Глаза у нее были заплаканы, тушь размазалась. Но для него она была еще прекрасней, чем раньше. Он все еще не понимал, почему она так себя повела. Но, в конце концов, какое это имеет значение? Если ему нужно будет что-то предпринимать, ему придется это делать скоро. Времени у него нет. Он должен убраться из Шарма до того, как Лемье, Годдар и египетская полиция выследят его и перекроют пути к отступлению. Но как это сделать?

Далия закурила сигарету с марихуаной и предложила одну Тарику.

— Это способ улаживания проблем? — спросил он, думая, как выйти из ситуации.

Она кивнула и затянулась. Он принял предложенный ею мирный договор и тоже сделал затяжку. Они сидели молча несколько минут в дыму, и он спросил:

— Можно задать тебе вопрос?

— Думаю, да.

— Почему ты так разнервничалась?

Далия пожала плечами и отвела взгляд.

— Не знаю.

— Нет, знаешь, — сказал он.

Далия сделала еще затяжку.

— Думаю, мне было неловко.

— Почему? — спросил Тарик.

— Ты мог подумать, что я христианка, а это не так. Моя семья — христиане, но я — нет. Когда я была маленькой, я просто играла роль. Но я никогда не верила в то, во что верят мои родители. Это одна из причин, почему я от них ушла.

— Когда это было?

— Давно, — сказала она. — Наверное, когда я уехала на учебу в колледж.

— И с тех пор ты не возвращалась.

— Да.

— Ты скучаешь по своей семье, друзьям, городу?

— Вообще-то, да, — ответила она, подумав.

— Тогда почему бы тебе не съездить туда?

Далия вздохнула.

– Потому что мой отец – тиран.

– Тиран?

– Он придерживается всех этих религиозных правил, это его образ жизни. Я решила, что не хочу так жить, и уехала не оглядываясь.

– Что это за правила?

– Какая разница? – Далия резко встала, пошла в спальню и бросилась на кровать. – Нельзя ходить на свидания, нельзя пить, нельзя употреблять наркотики, нельзя то, нельзя сё, нужно делать то, нужно это...

– А ты как думала? – спросил Тарик. Он тоже лег на кровать и стал смотреть на вентилятор на потолке. – Он – отец. Отцы ведь должны защищать своих дочерей?

– Эй, – сказала Далия. – Ты за кого?

– Послушай, когда у тебя будет дочь, ты что, разрешишь ей пить, курить и встречаться с парнями вроде меня?

Далия повернулась к нему и улыбнулась:

– Ну, может быть, с такими, как ты, не разрешу.

Тарик тоже улыбнулся. В голове у него созрел план.

– Значит, твой отец – священник? – спросил он.

– Ну, да, он – пастор, – ответила она.

– А есть разница?

– Вообще-то, нет.

– Он руководит церковью, рассказывает людям об Иисусе, заботится о бедных и тому подобное?

Она неохотно кивнула.

– Ну да.

– А что это за «Петра Байбл Черч»?

– Это церковь, в которой я выросла. Отец был в ней пастором еще до того, как я родилась.

– Она большая?

Далия пожала плечами.

– Она растёт. Когда я была маленькой, в ней было человек 30-40, и почти не было детей. А сейчас, насколько я знаю, в ней человек 150, и в основном это семьи, молодые пары и много детей.

– И там ты познакомилась с этим Калимом?

– Нет, – она покачала головой.

– А где?

– В колледже, на втором курсе. Мы с подругами поехали в Париж на выходные. Мы познакомились с ним в кафе.

– И?

– Что и? Я понравилась ему, он понравился мне. Мы стали встречаться, но из этого ничего не вышло. Ерунда.

– Но для твоего отца это не была ерунда, – отметил Тарик.

– Отец его ненавидел, – ответила она. Подумав, она уточнила, – ну, не ненавидел. Мой отец не может никого ненавидеть. Но он точно не одобрял его.

– Почему?

– Потому что Калим не христианин. Вообще то, он никто. Религия его не интересует. Но отцу это не подходит. Еще когда я была совсем маленькой, он говорил, что я должна выйти замуж за христианина, и точка.

– Почему же ты встречалась с Калимом?

– Мало ли что говорил отец! – ответила Далия с вызовом. – Я выйду замуж за того, за кого захочу, понравится это отцу или нет. Это – моя жизнь, а не его. Его не касается, за кого я выйду замуж, и вообще выйду ли. И я не желаю, чтобы он судил меня за то, что я не живу по его правилам... Слушай, мы можем поговорить о чем-то более интересном, чем мой отец и бывший парень?

– Да, – ответил Тарик, думая, что его план может все же сработать. – Хочешь есть?

– Умираю от голода, – сказала она.

– Это хорошо, я тоже, – сказал он. – Пойдем вниз и позавтракаем. Кроме того, у меня есть для тебя подарок. Глаза Далии засияли.

– Правда? – спросила она. – Какой?

– Увидишь, – ответил Тарик. – Всему свое время.

Работа в Марокко была закончена. Прибыв в Каир, Лемье и Годдар встретились с начальником безопасности аэропорта.

Несколько часов они просматривали записи камер наблюдения, изучали в компьютерах данные о прибывших и убывших пассажирах, надеясь найти подтверждение, что Марван Аккад действительно был в Каире. Поиски затруднял тот факт, что Марван, по всей вероятности, путешествовал не под именем Джека Карделла. А под каким? И если он прибыл в Египет, находится ли он все еще здесь?

Лемье отправил своих людей в Александрию, в Абу-Даби и в Эль-Кувейт — следуя интуиции, как сказал он. Но он был убежден, что Марван приехал в Каир, и поэтому поиски нужно вести в первую очередь здесь.

Телефон Годдара зазвонил. Это была Дюваль, и он сразу поднял трубку.

— Колетт, у тебя что-то есть?

— Думаю, да, сэр, — сказала Дюваль. — Это может быть важно.

— Ты нашла Марвана?

— Боюсь, что нет.

— Тогда что? — торопил ее Годдар.

— Помните запись камеры в квартире Рафика Рэмзи?

— Да.

— Помните, Марван показывал Рэмзи что-то, что он вынул из большого конверта?

— Помню, — сказал Годдар. — Какую-то фотографию?

— Именно.

– И что?

– Нашим специалистам наконец удалось увеличить этот кадр. Угадайте, что обнаружилось.

– Ну, – Годдар торопил ее. Меньше чем через час он вылетает в Бейрут для разговора с Рами Аккадом. У него нет времени отгадывать загадки.

– Это фотография Клодетт Рэмзи, – сказала Дюваль. – Она была сделана камерой наблюдения в банке в Сан-Паулу, в Бразилии.

Годдар был потрясен. Он потерял дар речи. Извинившись, он вышел из кабинета, – ему нужно было переварить эту информацию одному, без вмешательства Лемье, – и продолжил разговор в коридоре.

– Клодетт Рэмзи? – спросил он, оставшись один. – Это точно?

– Абсолютно, – сказала Дюваль. – На фото указано время и дата и захвачен логотип банка на стене, прямо над плечом миссис Рэмзи. Я отправила вам подробности по электронной почте.

Годдар все еще не мог поверить. Это действительно важно, но что это означает? Он не имел представления, и задал этот вопрос Дюваль, у которой было больше времени для размышлений.

– Я не знаю, сэр, – призналась она. – Я так же поражена, как и вы.

– И все же, что ты думаешь, это может означать? – настаивал Годдар. – У тебя есть хоть какие-то предположения?

– Ну, это доказывает, что Марвану известно, где находится миссис Рэмзи, и что, следовательно, он связан с вымогательством денег у Рафика Рэмзи. Иначе почему бы у мистера Аккада было это фото?

– Что ж, может быть, – сказал Годдар, продолжая обдумывать информацию. – Но в этой теории есть какая-то нестыковка.

– Какая? – спросила Дюваль.

– Какая? – думал Годдар. – Да, какая? – Он вышел в зал аэропорта. Ему нужно было подумать и побыть

подальше от инспектора Лемье. Это был след, и важный след, — и Годдар хотел проанализировать его и понять его значение до того, как о нем узнает Скелет и вмешается.

Остановившись перед газетным киоском, он стал просматривать заголовки газет. Завтра утром на их первых страницах будет лицо Марвана Аккада, а также история кровавого следа, протянувшегося от Монако до Марокко, и рассказ о набирающем силу международном расследовании, центром которого сейчас стал Каир. Через 24 часа в Египте все будут об этом знать, и Марвану будет некуда бежать.

Годдар заказал себе чашку кофе и продолжал мерить шагами зал.

— Колетт, — сказал он наконец, — если Марван Аккад действительно замешан в похищении Клодетт Рэмзи, зачем ему было идти к Рафику Рэмзи в квартиру и встречаться с ним лично? Зачем рисковать собой и всей операцией? И даже если Марван настолько глуп, чтобы тягаться с одним из самых богатых и могущественных людей в арабском мире (а он не кажется мне глупым человеком), то как он допустил, чтобы того убили в его присутствии? Как ты это объяснишь?

После долгого молчания Дюваль сказала:

— Может быть, чтобы обеспечить себе алиби?

— Может быть, — согласился Годдар, — а как же заминированная машина? Он чуть не погиб. И кто пытался убить его в «Меридьене» в Монте-Карло? Этому всему нет объяснения, если Марван действительно замешан в похищении, вымогательстве и убийствах.

— Вы правы, сэр, — признала Дюваль. — Тогда почему у Марвана была эта фотография миссис Рэмзи? А эти две женщины, которых он убил в Касабланке?

— Подозревают, что убил, — уточнил Годдар.

— Но, сэр, его отпечатки были найдены по всей квартире Рании Фаваз, — сказала Дюваль. — Он несомненно был там. Улики неопровержимы. Кроме того, нет сведений, что в квартире побывал кто-то еще. Как вы это объясните? Какой другой вывод можно сделать, кроме того, что в этих двух убийствах виновен Марван Аккад?

С веранды отеля «Риц Карлтон» открывался вид на Красное море. В тени пальм за столиком на двоих сидел Марван Аккад (или Тарик Джамиль). К нему должна была присоединиться Далия Нур, которая стояла в очереди кафетерия. На столе был омлет, фрукты, стакан апельсинового сока и черный кофе, но он не мог думать о еде.

Его мысли были в беспорядке. Сердце учащенно билось. Если задуманное не получится (а вероятность успеха с самого начала была невысока), у него останется совсем мало вариантов и времени. Он наколол кусочек арбуза, но был слишком беспокоен, чтобы есть.

— Сэр, — он позвал официанта, — можно мне кофе без кофеина вместо этого?

— Конечно, сэр, — ответил тот, забрал чашку Тарика и принес ему другую, с менее крепким напитком. — Пожалуйста.

Тарик добавил сливок и сахара. Подошла Далия. Она принесла вафли с клубникой и взбитыми сливками. Он встал и пододвинул ей стул, сделав комплимент ее внешности и выбору блюда. Он говорил совершенно искренне, но отдавал себе отчет, что тянет время. Но как бы он ни нервничал, откладывать было невозможно.

Он не вернулся на свое место, а, став перед ней на колени, взял ее за руку.

— Тарик, что ты делаешь? — спросила она, смутившись.
— Давай, ешь свой завтрак. Я думала, ты проголодался.

— Да, — сказал он, — но это важнее, чем еда.

Далия собиралась ответить шуткой, но она увидела маленькую бархатную коробочку у него в руках, которую

он сейчас открыл. В ней было самое прекрасное и дорогое кольцо с бриллиантом, которое ей когда-либо приходилось видеть. На лице ее было потрясение и радость – то, что Тарик ожидал увидеть. Несколько месяцев назад он надеялся увидеть это на лице Рании, но тогда его ожиданиям не суждено было сбыться. Они должны сбыться сейчас.

– Далия, – он начал говорить непослушным голосом, – я понимаю, что прошло мало времени. Но я люблю тебя больше, чем любил кого-либо в своей жизни. Я не думал, что смогу так кого-то полюбить. Я знаю, может показаться, что это происходит слишком быстро. И наверное, это так и есть. Но это неважно, когда ты в чем-то уверен, а я уверен, что хочу провести всю оставшуюся жизнь с тобой. Я хочу сделать тебя самой счастливой женщиной в мире. И я знаю, что ты сделаешь меня самым счастливым человеком, если согласишься стать моей женой. Далия Нур, ты выйдешь за меня?

Далия смотрела на бриллиант, сверкающий в лучах утреннего солнца.

– Тарик, я... не знаю, что сказать, – запинаясь, произнесла она. – Это действительно быстро. И я была так груба с тобой только что, я набросилась на тебя, когда ты просто спросил меня о моей семье. Почему ты хочешь жениться на такой женщине, как я?

– Потому что ты – моя судьба, – нежно сказал он, – и именно с тобой мне предназначено быть всегда.

Она подняла взгляд от кольца, посмотрела ему в глаза и заплакала.

– Это самые лучшие слова, которые мне когда-нибудь говорили, Тарик, – сказала она сквозь слезы. – Да, я выйду за тебя замуж, Тарик Джамиль. Это честь для меня.

Она хотела поцеловать его, но он остановил ее.

– У меня есть одно условие, – сказал он, снова застигнув ее врасплох.

– Условие? – спросила она, не понимая. – Какое условие?

Набрав воздуха, Тарик ответил:

— Что ты возьмешь меня с собой в Иорданию и познакомишь со своими родителями и постараешься помириться с ними.

Далия напряглась.

— Я думаю, это не очень хорошая мысль.

— Мы должны это сделать.

Теперь глубокий вздох сделала она и покачала головой.

— Я же сказала тебе, мой отец — тиран, — начала объяснять она, — он захочет знать, христиан ли ты. Если нет, он вышвырнет тебя из своего дома. Если ты скажешь, что да, он будет допрашивать тебя часами, чтобы выяснить, не лжешь ли ты. Ты не знаешь моих родителей, Тарик, и, поверь мне, тебе лучше их не знать.

— Извини меня, Далия, но это условие не подлежит обсуждению.

— Не подлежит обсуждению?

— Да, — подтвердил он. — Я не хочу жениться на тебе тайно, как будто это что-то плохое или постыдное. Я хочу получить благословение от твоего отца. И от всей твоей семьи.

Она рассмеялась, как будто закрывая тему.

— Желаю успеха, Тарик, но ты никогда его не получишь.

— Поверь мне, — сказал он, — я разберусь с твоим отцом.

— Зачем тебе это?

— Потому что, Далия, нет ничего более важного, чем семья, — ответил он, погладив ее по щеке. — Поверь мне, я бы отдал все, чтобы вернуть родителей. Для меня это невозможно. Но возможно для тебя.

— Ты не представляешь, за что берешься, Тарик, — предупредила она. — Ты не представляешь.

Наверное, она права, подумал он. Но она не представляет, на что соглашается она. В какой-то момент он должен будет рассказать ей правду — всю правду. Но не сейчас. Сначала ему нужно ее согласие — выйти за него и поехать в Иорданию, в Петру. И только тогда и там — в безопасности маленького городка, далеко от Лемье и

Годдара и посланных Клодетт Рэмзи убийц — он сможет подумать о том, чтобы сказать Далии правду. Не раньше.

— Это действительно так важно для тебя? — спросила она.

Он посмотрел ей в глаза и кивнул.

— Да.

— Ну, хорошо, — сказала она, наконец. — Когда ты хочешь ехать? У меня будут выходные перед Новым годом.

— Нет, слишком долго ждать, — сказал он. — Поедем сейчас.

— Ты с ума сошел! — поразились она. — Мы не можем ехать сейчас!

— Почему? — спросил он. — Мы сделаем твоим родителям сюрприз. Пойдем в наступление — поверь мне, так лучше. Они будут удивлены и рады видеть тебя, и я заслужу похвалу уже тем, что привезу тебя.

— Не знаю, — колебалась Далия. — У меня рейсы в конце этой недели и всю следующую.

— Скажешь, что ты выходишь замуж, — сказал Тарик. — По этому случаю тебе полагаются выходные? Используешь их.

— Но я не понимаю, — сказала Далия. — К чему такая спешка? Я не виделась с родителями лет пять или шесть. Разве нельзя подождать еще несколько недель, чтобы я морально подготовилась?

— Нет, — продолжал настаивать Тарик. — Я сказал тебе. Я тебя люблю и не могу жить без тебя. Мы укладываем вещи и едем сегодня. Представь себе выражение лиц родителей, когда ты появишься на пороге, и на пальце у тебя будет это...

Он вынул из коробочки кольцо с бриллиантом и надел ей на палец. Оно выглядело замечательно. Замечательно выглядела и Далия. И она сдалась и сказала «да».

Тарик и его невеста выехали их «Рица» в полдень и на такси отправились в городок Нувейба на севере Египта. Они пообедали и купили подарки родственникам Далии. Потом они купили билеты на паром до Акабы, порта на юге Иордании. Судно на подводных крыльях отправилось в несколько минут четвертого. Поездка заняла час. Прошло еще немного времени, и они были в Петре и подъехали к многоквартирному дому, где прошло детство Далии.

— Все-таки, это не очень хорошая мысль, Тарик, — в который раз повторила Далия, жалуясь на желудочные спазмы и тошноту.

— Все будет хорошо, дорогая, поверь мне, — заверил ее Тарик, нежно сжав ее руку и взяв багаж. Он надеялся, что он прав.

Они вошли в здание, поднялись на пятый этаж и остановились перед нужной дверью. Руки Далии дрожали. Тарик вынул из кармана чистый платок и вытер капли пота у нее на лице и над верхней губой.

— Я тебя люблю, — прошептал он.

Далия посмотрела ему в глаза, — в них была уверенность, которой ей не доставало.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала она в ответ.

Тарик улыбнулся и, сделав глубокий вдох, постучал.

— Надим, — за дверью раздался женский голос, — кто-то стучит. Ты ждешь кого-нибудь?

— Нет, не жду. Я разговариваю по телефону, дорогая, ты откроешь?

— Хорошо. Минуточку, я иду.

- Это моя мать, – тихо сказала Далия, – Рима.
- А отца зовут Надим?
- Да.

Далия крепче сжала руку Тарика. Он заметил, что она сняла обручальное кольцо, которое он ей подарил. Он хотел что-то сказать, но на это не было времени. Кроме того, она, наверное, права. Слишком рано ошарашивать родителей этой новостью. Нужно много сделать до этого (как минимум, остаться в живых).

Дверь открылась и Рима Нур оказалась лицом к лицу с дочерью, которую не видела несколько лет. Ей было за пятьдесят, волосы начали седеть, и она слегка пополнила, но все еще была очень привлекательной. Тарик заметил, что у них с дочерью одинаковые глаза.

Увидев свое дитя, Миссис Нур ахнула. Она поднесла руку ко рту, как будто увидела привидение и не могла от потрясения не могла говорить. Но через мгновение она нашла в себе силы спросить:

- Далия, это на самом деле ты?
- Да, мама. Я скучала по тебе.
- Деточка моя, я тоже скучала по тебе, – воскликнула миссис Нур. – Я так по тебе скучала.
- Я тебя люблю, мама.
- И я тебя люблю, доченька. Я тоже тебя люблю.

Она обняла Далию. Они поцеловались и расплакались. Тарик отступил, чтобы не мешать им. Его тронула любовь, которую они испытывали друг к другу. Он понял, как скучает по своим родителям, особенно по матери.

Сердце у него в груди часто забилося, и он вдруг почувствовал себя здесь чужим и незванным. Как отреагирует на него миссис Нур, когда придет в себя? Видела ли она его? Может быть, она приняла его за таксиста или носильщика? Что она скажет, когда Тарик объяснит, кто он такой и зачем приехал? И что скажет мистер Нур? Действительно ли он такой тиран, каким его описывала Далия? Этого Тарик не знал. Он мало знал и саму Далию, не говоря уже о ее родителях. Но гадать не имело смысла. Он скоро получит ответы на эти вопросы.

– Мама, – наконец произнесла Далия, вытерев платком Тарика слезы у матери на лице.

– Да, детка.

– Мама, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Тарик улыбнулся. Миссис Нур встревожилась.

– О, – сказала она, – я не знала... Я думала...

– Мама, все хорошо, – сказала Далия, взяв Тарика за руку. – Это Тарик Джамиль. Это он убедил меня приехать домой и повидаться с вами.

– Правда? – сказала миссис Нур. – Значит, вы, Тарик Джамиль – ответ на мои молитвы. Пожалуйста, входите. Я сделаю нам всем чаю.

– Спасибо, миссис Нур, – сказал Тарик с улыбкой. – Вы очень любезны. Теперь я понимаю, в кого пошла Далия.

Они вошли в квартиру и снимали обувь, когда вышел отец Далии.

– Рима, что за шум? Я не могу...

Он замолчал, увидев Далию. Он открыл рот от удивления. Его глаза наполнились слезами. И, не говоря больше ни слова, он протянул руки к Далии. Она бросилась к нему в объятия. Оба заплакали.

– Моя девочка вернулась домой, – всхлипывал он.

– Моя Далия наконец приехала. Благодарю Тебя, Иисусе. Благодарю Тебя. Ты слышишь и отвечаешь на молитвы. Да будет благословенно Твое Имя!

Тарик почувствовал в горле комок. Еще немного – и он разрыдался бы тоже. Он не пробыл в этом доме и минуты, но увидел любовь, которую сам никогда в жизни не испытывал.

Пастор Нур не переставал целовать и обнимать свою дочь. Не переставал он и славить имя Иисуса. Их дочь как будто вернулась к ним с того света, и, как подумал Тарик, в определенном смысле так оно и было.

– Далия, – сказала мать через некоторое время.

– Да, мама, – сказала Далия, вытирая слезы, чтобы лучше видеть.

Миссис Нур посмотрела на Тарика и вопросительно подняла брови.

– Да, – сказала Далия, поворачиваясь к отцу и вытирая его лицо промокшим от слез платком. – Папа, я хочу познакомить тебя с особенным для меня человеком. Это Тарик Джамиль. Он настоял, чтобы я приехала домой увидеться с вами. Я хотела, но я... боялась, наверное. Я не знала, как вы встретите меня, не знала, сердитесь ли вы все еще на меня. Но Тарик сказал, что нет ничего важнее семьи. Он предложил сопровождать меня.

Пастор Нур посмотрел Тарику в глаза. Тарик напрягся. Он ожидал увидеть гнев, подозрение или осуждение. Он готовился к этому целый день. Но увидел только безграничную отцовскую благодарность.

– Я пока не знаю вас, молодой человек, – произнес пастор, – но вы сделали мне большой подарок. Вы после стольких лет привезли мне мою дочь, и за это я безмерно благодарен. Да благословит вас Бог, сын мой. Пожалуйста, поужинайте с нами. И переночуйте у нас. Наш дом – ваш дом. Вы здесь желанный гость.

Тарик был потрясен (или, вернее сказать, лишен дара речи) оказанным ему теплым приемом. Но он не мог вздохнуть с облегчением, помня о предстоящих трудностях, о тех, кто охотится за ним.

Инспектор Годдар сидел напротив Рами Аккада за столом в ничем не примечательном помещении для допросов в полицейском управлении Бейрута.

Он закурил, но Рами сигарету не предложил. Он выпил свежесваренного кофе, но не предложил Рами и его. Он нетерпеливо ждал, пока подключат детектор лжи, и он сможет получить нужную ему информацию о Марване Аккаде. Когда техник закончил, Годдар включил магнитофон.

— Повторим, чтобы все было ясно: понимаете ли вы, что находитесь под присягой? — начал он.

Рами пожал плечами.

— Отвечайте только «да» или «нет», пожалуйста, и говорите ясно, чтобы ваши ответы были записаны как следует.

— Хорошо: да, я нахожусь под присягой.

— Очень хорошо, — сказал Годдар, — начнем. Ваше имя Рами Аккад?

— Вы это знаете.

— «Да» или «нет».

— Значит, да.

— Вы — совладелец фирмы «Аккад и партнеры»?

— Конечно.

— Отвечайте «да» или «нет», мистер Аккад.

— Да.

— Это — охранный агент?

— Ну, не салон же красоты.

— Возможно, вы не осознаете серьезности ситуации, мистер Аккад. Я могу отправить вас в тюрьму за отказ

отвечать на мои вопросы. И могу отправить вас в тюрьму за ложь. Поэтому поменьше гонора и побольше содействия, ясно?

Рами снова пожал плечами.

– Итак, ваше агентство обеспечивает защиту руководителей фирм, работающих на Ближнем Востоке?

– Да.

– Ваш партнер, он же ваш брат – Марван Аккад?

– Да.

– Вашего брата нанял Рафик Рэмзи для расследования убийства его дочери и похищения его жены?

– Да.

– За эту работу ваша фирма получила предварительный гонорар в 500 тысяч евро плюс оплата расходов?

Рами был поражен:

– Как....

– «Да» или «нет», мистер Аккад, и я напоминаю вам, что вы находитесь под присягой.

– Да, – наконец сказал Рами.

– Был Марван как-то связан с убийством или похищением этих женщин?

– Нет.

– Он пытался вымогать деньги у семьи Рэмзи?

– Нет.

– Он пытается вымогать деньги у семьи Рэмзи в настоящее время?

– Нет.

– В самом деле? – спросил Годдар, расхаживая по комнате. – Если это так, то позвольте мне задать вам такой вопрос. В день убийства Рафика Рэмзи ваш брат знал, в какой стране находится Клодетт Рэмзи?

Рами поморщился. Прошло несколько секунд, но он не ответил. Он прикрыл глаза.

– Итак, сэр, – настаивал Годдар, – знал?

Рами по-прежнему ничего не отвечал.

– Не играйте со мной, мистер Аккад. Вы или будете сотрудничать с нами, или отправитесь в тюрьму, и мы наложим арест на активы вашей фирмы. Еще раз спрашиваю

вас: в день, когда был убит мистер Рэмзи, ваш брат знал, в какой стране находится миссис Рэмзи?

— Да.

— Эта страна — Бразилия?

Опять Рами был удивлен имеющейся у Годдара информацией.

— Да, — произнес он нерешительно.

— У него была фотография миссис Рэмзи в банке в Сан-Паулу?

— Да.

— Марвану был известен номер счета, который использовала миссис Рэмзи?

— К тому моменту уже знал, но...

— Да или нет, мистер Аккад.

— Значит, да.

— Работают ли в настоящее время более десяти агентов фирмы «Аккад и партнеры» в горах в районе Сан-Паулу, в Бразилии?

Рами ничего не ответил, но Годдар знал, что привел его в замешательство. Информация, полученная от его источников, соответствовала действительности. И он расколет Рами, как орех.

— Итак, мистер Аккад, работают?

— Да, работают.

— Эти люди вооружены?

— Да.

— Они звонили вам сегодня утром и спрашивали, как вы хотите поступить с миссис Рэмзи?

Годдару было приятно видеть изумление на лице Рами.

— Вы не понимаете, я....

— Они спросили у вас: «Что с ней делать?»

— Вы прослушивали мой телефон.

— Да. Итак, они задали вам этот вопрос?

— Да.

— Вы ответили: «Пока ничего. Это не так просто. Я скоро свяжусь с вами»?

— Да.

— Мистер Аккад, вы или ваш брат стоите за похищением Клодетт Рэмзи?

— Нет, — с нажимом ответил Рами.

— Вы организовали его сами?

— Нет.

— Правда? Но вы знаете, где она?

— Да.

— И ваши люди не позволяют ей покинуть дом, где она находится?

— Да.

— И я должен поверить, что вы и ваш брат невиновны во всем этом?

— Безусловно.

— Но это совсем нелегко, мистер Аккад. Задам вам такой вопрос: ваш брат был в Касабланке, в Марокко, на прошлой неделе?

— Да.

— Он посетил женщину по имени Рания Фаваз, которая когда-то отказалась выйти за него замуж?

— Да.

— И сейчас мисс Фаваз и ее соседка по комнате мертвы?

— Да, но Марван не мог этого сделать, — вы ищете не того...

— Молчать! — крикнул Годдар. Он не хотел, чтобы был нарушен ход допроса. — Вы или будете отвечать на мои вопросы и следовать моим указаниям, или проведете ночь в тюрьме, это ясно?

Рами сложил руки на груди.

— Ваш брат еще в Египте? — спросил Годдар.

Рами демонстративно молчал.

— Ваш брат находится в Каире? — переспросил Годдар.

Рами снова ничего не ответил.

— Ваш брат уехал из Египта в другую страну? — настаивал Годдар.

Рами категорически отказывался отвечать, и Годдар начал сердиться.

— Ваш единственный брат разыскивается за убийство. И мы найдем его. А когда мы его найдем, я не могу обещать вам, что мы не будем стрелять в него. И если вы хотите увидеть своего брата живым, я советую вам сотрудничать со мной. А пока вы отправляетесь в тюрьму.

Надим Нур был большой человек, с большими глазами, большими руками и громким смехом. Он уже не плакал, а смеялся, и Тарик стал меньше нервничать.

Пока миссис Нур была занята приготовлением угощения, мистер Нур показал Тарику их небольшую квартиру. Это было скромное жилье с тремя спальнями, небольшой кухней, но большой гостиной, совмещенной со столовой, где было достаточно диванов и стульев для 15-20 гостей. На полках вдоль стен было столько книг, сколько Тарик видел только в университетской библиотеке. Везде висели фотографии различных семейных и церковных событий.

Пастор Нур вытащил альбомы фотографий Далии с детства до школьного выпуска. Потом он показал фотографии брата Далии, Элиаса, который после учебы пошел служить в авиацию Иордании. Сейчас он пилот истребителя и проходит подготовку в английских ВВС. Он стал совсем взрослым мужчиной — военным, капитаном, — и Далия все это пропустила. Она продолжала просить прощения за то, что уехала так надолго и не отвечала на письма, но отец не хотел ничего слышать.

— Все это уже позади, дорогая моя, — говорил пастор Нур своей дочери, и его голос выдавал его чувства. Он сидел рядом с ней, обнимая ее своей большой рукой. — Иисус прощает тебя. Как я могу не сделать того же? Помнишь, как сказано в Библии: *«Ибо как высоко небо над землею, так велика милость Господа к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его»*¹.

— Спасибо, папа, — ответила Далия тихо. — Ты не представляешь, как я тебе благодарна.

Они снова обнялись. Из кухни пришла миссис Нур, подала кофе и поставила вазы с фруктами и орехами. Из кухни доносились дразнящие ароматы.

— Ммм, — сказал Тарик, — это случайно не таджин?

— Да, действительно, — сказала она. — Я надеюсь, вы его любите.

— Очень люблю, — сказал он. — Это было...

Тарик оборвал себя. Он чуть не сказал, что марокканское рагу из мяса ягненка с овощами было любимым блюдом Рании. Как глупо с его стороны.

— Это было что? — спросил пастор Нур.

— Это было... У меня когда-то был клиент в Марракеше, — соврал он, стараясь прийти в себя после проявленной неосторожности. — Всякий раз, когда я там бывал, он приглашал меня к себе в дом, и его жена готовила совершенно восхитительную мрузию. У меня до сих пор текут слюнки.

Когда он сказал это, его вдруг охватило чувство вины. Он был в доме у хорошего человека, божьего человека, и лгал. Снова ему в голову пришла мысль, что вся его предыдущая жизнь была ложью.

— Как вы наверное знаете, Тарик, мрузия — любимое блюдо Далии, — сказала миссис Нур. Глаза ее снова наполнились слезами. — Мы не готовили его с тех пор, как она уехала, и...

Не справившись со своими чувствами, она извинилась и, вытирая глаза фартуком, вышла в кухню. Тарик понял, как глубоки были раны, нанесенные долгим отсутствием Далии, и как мало, с сущности, ему о ней известно. Он не знает, какие ее любимые блюда, любимая музыка, фильмы, телепередачи. Он не знает, какие праздники она любит и какую зубную пасту предпочитает. Он знает, что она любит романы Нагиба Махфуза и что любит путешествовать. И он знает, что она любит его. Вот и все, что он знает о ней.

Его осенило, что ни в коем случае нельзя говорить об их отношениях. Нуры не были готовы к тому, чтобы узнать об их обручении. Это было бы слишком быстро.

Они захотят узнать, как они познакомились. Он не мог рассказать, что это произошло на вечеринке, на которой они курили «травку» и после которой провели ночь вместе. Нуры захотят узнать, сколько времени они знакомы, а время их знакомства исчисляется не годами или месяцами, а скорее часами. Они захотят услышать о его планах на будущее. А он не может сказать им: «постараться, чтобы не убили и не посадили».

Тарик не мог ответить ни на эти, ни на другие вопросы. Все, что он сможет сказать, будет ложью, и чем больше он думал об этом, тем лучше осознавал, что не хочет лгать этим людям — во всяком случае лгать больше, чем абсолютно необходимо для сохранения жизни — своей и их.

— Тарик, расскажите нам, чем вы занимаетесь, — сказал пастор Нур, стараясь отвлечь внимание от переживаний жены, давно не видевшей дочь. — Что за клиенты заставляют вас ездить по всему миру — в Европу, Марокко, Египет, Ливан?

Тарик вздохнул с облегчением. Об этом он мог говорить часами. Свою легенду он знал досконально.

— Я консультант по компьютерам, сэр, — начал он. — Я помогаю банкам, страховым компаниям, мультинациональным корпорациям устанавливать системы безопасности для защиты их мейнфреймов или серверных систем от хакеров, вирусов и тому подобного.

Отец Далии засмеялся.

— Да поможет вам Бог, Тарик. Я представления не имею, что все это означает. Но во всяком случае, похоже, это дает возможность заработать на жизнь.

— Да, сэр, вполне.

Вот и все. Обсуждение его рода занятий, быстро начавшись, так же быстро и закончилось. Пастор Нур перешел дальше, и Тарик снова почувствовал беспокойство.

— Вы говорите с ливанским акцентом, — отметил пастор, сделав глоток кофе и откинувшись в кресле. — Вы родились в Бейруте?

Тарик внутренне содрогнулся. Откровенный рассказ о его прошлом был бы серьезной ошибкой. А ложь

предполагала бы необходимость помнить все сказанное, чтобы не ошибиться в дальнейшем. Легенда о прошлом у него не была заготовлена – она не нужна была раньше. Далия не задавала ему много вопросов (она спросила только о смерти его родителей), потому что не хотела вести разговоры о своем прошлом. Если он не будет осторожен, пастор Нур будет расспрашивать о его жизни всю ночь. К нему может присоединиться и миссис Нур, и Далия. Он не может позволить поймать себя.

Но что же делать? Он собирается пробыть в этом доме по меньшей мере несколько дней. Ему нужно о чем-то разговаривать.

Единственный способ избежать проблем, понял он, это перейти в наступление самому. Вопросы должен задавать он. Направлять разговор будет он. Нужно выбрать тему и придерживаться ее. Какая тема интересует этого человека и удержит его внимание? О чем они смогли бы разговаривать часами, отвлекшись от его прошлого и от отношений с Далией?

— Да, сэр, — начал Тарик. — Я вырос в Бейруте. 70-е годы были страшным временем для ребенка, как вы понимаете, шла гражданская война и так далее. Все: и христиане, и мусульмане — убивали друг друга во имя своей религии, каждый говорил, что защищает своего Бога и сражается за него. Религия была смешана с кровью, войной и смертью. Надеюсь, я не обижу вас, если скажу, что все это настроило меня против религии. В моем мире люди, которые называли себя христианами, взрывали и уничтожали всё и всех. Не только они, конечно, но все это вызвало у меня неприятие. Я отошел от Бога.

Так как я вырос в христианской семье, я должен был ходить в церковь и быть на стороне христиан. Я не хотел сражаться, потому что христиане делали то же самое, что мусульмане — убивали тех, кто придерживался другой веры. Все были одинаковыми, не было никакой разницы между христианами и мусульманами. Фанатизм, злоба, ненависть ослепили людей. И поэтому я был далек от церкви и от христиан. Они ничем не лучше других... Все это было ужасно!

— Поэтому вы занялись компьютерами, в них есть порядок и точность, это научно и управляемо, — сказал Надим Нур.

— Можно сказать так, — согласился Тарик.

Пастор наклонился вперед и прошептал:

— Можно я открою вам одну тайну, Тарик?

— Конечно, сэр.

— Чтобы вы знали, — едва слышно произнес Надим, — я не называю себя христианином.

Это заявление застало Тарика врасплох.

— Я вас не понял, сэр, — сказал он. — Разве вы не пастор?

— Да, я пастор, — ответил Надим, — но я не называю себя христианином.

— А как вы себя называете?

— Последователем Иисуса.

— Разве это не одно и то же?

— Я бы хотел, чтобы это было одно и то же, — сказал Надим. — Но я вижу, что у нас очень многие люди называют себя христианами. Они подразумевают, что они не мусульмане и не евреи. Но они не имеют в виду, что они — истинные последователи Иисуса Христа.

— Но ведь они ходят в церковь?

— Конечно, но от хождения в церковь человек не становится христианином — так же как, придя в ресторан, он не превращается в фирменное блюдо. Истинное христианство не состоит в принадлежности к этнической группе или расе. Это не клуб. Оно не прилагается к свидетельству о рождении или удостоверению личности. Оно заключается в сознательном, волевом решении, которое принимает человек.

— И в чем заключается это решение?

— Это — решение верить, что Бог вас любит и что у Него есть особый замысел о вашей жизни, как об этом говорит Библия. И Бог начинает открывать вам причину, по которой вы родились, и цель, для которой Он и создал вас.

Пастор Надим озабочено посмотрел на Тарика и спросил:

— Вы ведь верите, что Бог существует?

Вопрос был неожиданным, но Тарик быстро ответил:

— Конечно, Бог существует. Должен существовать.

— Это правда. Бог должен существовать. Иначе кто создал бы наш мир и все, что в нем? Землю, небеса, галактики? А животные, растения, человек? Только Богу под силу сотворить все это — столь сложное и прекрасное.

Далия продолжала накрывать на стол, а миссис Рима Нур присоединилась к разговору:

– Он – наш Творец. Своим существованием и благополучием каждый обязан Ему. Свидетельство существования Бога – человек, наша совесть и ощущение вечности. Царь Соломон сказал: *«Все соделал Он прекрасным в свое время... Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек... и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его»*².

– Невозможно не верить в существование Бога, – продолжил пастор Нур. – Ни один здравомыслящий человек не может его отрицать. Пророк Давид сказал: *«Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”»*³.

– Сэр, я не безумец, но мне трудно поверить, что Бог – настолько великий – любит меня.

– Конечно, Бог любит вас и непрестанно подтверждает Свою любовь к вам.

– Подтверждает Свою любовь? Чем?

– Рассветом и закатом, горами и долинами, деревьями и цветами, ревом зверей и пением птиц, биением вашего сердца и дыханием. Заботясь о ваших нуждах и храня вас. Библия провозглашает Его любовь в Его словах: *«Любовью вечною Я возлюбил тебя»*⁴.

– Это правда?

– Да, и у Него есть замечательный замысел о вашей жизни. Христос сказал: *«Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком»*⁵.

– Это о нас?

– Да, но мы не можем насладиться этой любовью и благом этого замысла из-за греха.

– Так вот в чем проблема.

– Человек – грешник, он отделен от Бога. Человечество далеко отошло от этой любви и замысла.

– Как жаль.

– Как вы знаете, Бог создал Адама чистым и непорочным, по Своему образу и подобию, но Адам ослушался Бога и восстал против Него. Адам и Ева вкусили запретного плода и пострадали от осуждения и наказания Божьего.

Возмездие за грех — смерть. Смерть не создана Богом, смерть принес грех — не только физическую смерть, но смерть духовную, то есть отделение от Бога. Грешному Адаму было невозможно оставаться в общении со Святым Богом, и он был изгнан из Эдемского сада в мир, и грех остался в нем и передается всем последующим поколениям, но...

— Но что?

— Но Бог не только безгранично справедлив, но и безгранично милостив. Он не может оставить грех безнаказанным, но Он также проявляет любовь, прощение и милость. По Своему милосердию и любви Он сделал возможным для человека спасение и восстановление образа, по которому он был первоначально создан, и восстановление общения с Ним.

— То есть Бог простил все грехи.

— А справедливость? Грех по-прежнему подлежит наказанию смертью.

— Да, здесь есть сложность...

— Бог Сам предложил решение, способ удовлетворения справедливости. Он совершил искупление вины через Иисуса Христа. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут.

— Что это означает?

— *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»⁶*. Нужно поверить, что Иисус Христос — спаситель человечества, признать, что Он умер на кресте, чтобы избавить нас от грехов, и что Он воскрес из мертвых, чтобы дать нам вечную жизнь. Он — единственный путь к вечной жизни на небесах.

Глубоко задумавшись, Тарик спросил:

— Почему это должен был быть Иисус Христос?

— Хороший вопрос. Почему именно Иисус Христос? Бог определил наказание, и лишь Он один может избавить от него. Чтобы освободить от наказания, вина должна быть искуплена. Кто мог это сделать? Тарик, вы знаете, какой должна быть расплата?

– Да. Возмездие за грех – смерть.

– Кто-то должен был умереть. Это не мог быть человек, потому что Бог проявляет к нему милость и не хочет, чтобы он умер. Другая альтернатива – Бог, но Бог не может умереть. Нужен был заместитель – с природой и человеческой, и божественной. Он должен был быть святым – без греха, значит, он не мог быть от семени Адама. Таким был только Иисус Христос. Бог принял человеческую плоть и пришел в мир, чтобы умереть вместо человека, понести наказание за грех и восстать из мертвых, чтобы сделать искупление возможным.

В комнате воцарилась тишина, и вот пастор Нур прервал ее:

– Вот в что смысл следования за Христом. Я принял это решение для себя уже 32 года назад, и оно полностью изменило мою жизнь.

Его слова отражали убежденность, покой и радость.

– Но, Тарик, я могу сказать вам, основываясь на опыте, что многие люди всю жизнь ходят в церковь и говорят всем – включая и самих себя, что они – христиане, но они не являются истинными последователями Христа. Они молятся, постятся, подают бедным, но они так и не приняли решения возложить упование на Христа и следовать за Ним, и, как результат, они, к сожалению, не испытали Божьей любви и не познали Божьего замысла об их жизни. Более того, многие люди, называющие себя христианами, попирают все, чему учил Иисус. Они лгут. Увлекаются алкоголем и наркотиками. Ведут добрачную половую жизнь и заводят внебрачные связи.

Тарик очень хотел взглянуть в лицо Далии, но не осмеливался. Он представлял, как она съежилась, как ей, должно быть, неловко слушать о любви отца к Иисусу и сознавать, что к тем, кто лишь называет себя христианами, он относит и ее. Однако Тарик был рад такому повороту разговора. Он был убежден, что отец Далии будет говорить о христианстве всю ночь, и таких щепетильных тем, как прошлое Тарика и его отношения с Далией, удастся избежать.

Он собирался задать вопрос, но пастор опередил его.
– Интересно, Тарик, кем, по-вашему, является Иисус Христос?

Тарик признался себе, что никогда об этом серьезно не думал.

– Со всем уважением, сэр, я безусловно не последователь Иисуса. Но я бы сказал, что он был великим религиозным деятелем.

Пастор кивнул.

– Я согласен с этим, молодой человек. Вне всякого сомнения, Иисус Христос был великим религиозным лидером, чья жизнь и учение изменили ход истории. Но Он не только был хорошим человеком или великим учителем. Новый Завет прямо говорит о Нем как о Боге.

– Пастор Нур, я могу говорить откровенно?

– Конечно, пожалуйста, Тарик, вы – среди друзей.

– Что ж, конечно, я понимаю: христиане, которые написали Новый Завет, могли думать, что Иисус – Бог. Они, наверное, хотели, чтобы Он им был. Но сам Иисус, конечно, таких заявлений о Себе не делал.

– В действительности, Тарик, делал.

Миссис Нур позвала всех к столу. Предстоял настоящий пир, и Тарик едва мог дождаться его. Но, встав с дивана, он увидел выражение ужаса на лице Далии.

Хотя она этого не говорила вслух, чтобы не обидеть отца или жениха, разговор явно был ей неприятен. Но Тарик не спешил менять тему.

– Почему ты не говорила мне, что твой отец – такой интересный человек? – шутливо спросил он, усаживаясь за стол.

Далия прищурила глаза. Она не хотела показать родителям, как была рассержена на него, но если бы взглядом можно было убить, Марван Аккад (он же Тарик Джамиль) уже был бы мертв.

– Я не думала, – наконец сказала она, – что тебе так интересно разговаривать о религии.

– Ну, это точно интереснее разговоров о политике, – весело ответил Тарик, стараясь поднять ей настроение. Его подход оправдывал себя в том смысле, что не давал ее отцу перейти к более опасным темам.

– Далия, произнесешь молитву? – спросил пастор Нур, когда они расселись по местам.

– Лучше ты окажи нам честь, – ответила она.

– Хорошо, – согласился он, хотя и был огорчен, как заметил Тарик.

Пастор, его жена и Далия сложили руки, склонили головы и закрыли глаза. Тарик поспешно последовал их примеру.

– Дорогой Отец, мы благодарим Тебя за любовь и милость, за то, что Ты послал Своего Сына, Господа

Иисуса Христа на землю, дабы Он возлюбил нас и на кресте отдал Свою жизнь за нас, чтобы мы имели жизнь в полноте и в вечности. Мы благодарим Тебя, Отец наш, за то, что Ты — Бог, который слышит наши молитвы и отвечает на них, и от всего сердца благодарим за то, что Ты привел Далию домой невредимой. Мы молим Тебя, чтобы Ты обильно благословил ее и ее друга Тарика, чтобы они почувствовали себя здесь любимыми и желанными гостями. Пусть этот дом будет убежищем от жизненных невзгод. Благодарим Тебя за эту пищу и возможность быть вместе. Мы молимся во имя Иисуса. Аминь.

Все повторили «аминь» за пастором, это сделал и Тарик. Он никогда раньше не участвовал в христианской молитве. Она заинтересовала его. Она показалась ему искренней, неформальной и глубоко личной — совершенно не такой, какими ему запомнились с детства молитвы взрослых. Пастор как будто действительно обращался к Богу, Который был с ними в комнате. Тарик почувствовал необычное умиротворение. А может быть, такое воздействие на него оказывал запах только что приготовленной еды, — он не помнил, когда последний раз ел домашнюю еду.

— Тарик, вы когда-нибудь читали Новый Завет? — спросил пастор Нур, когда Тарик перестал восхищаться агнятиной и овощами.

— Нет, сэр, — помотал головой Тарик, — никогда.

— Почитайте. Думаю, вам будет интересно. Я подарю вам экземпляр.

— Это очень любезно с вашей стороны, но я не могу принять такой подарок.

— Я с удовольствием это сделаю. Я ведь пастор.

Тарик засмеялся. Это правда.

— Ну что ж, благодарю вас. Мне бы хотелось почитать Новый Завет.

— Значит, вам необходимо иметь свой собственный. Думаю, он увлечет вас, как увлекает меня уже много лет. Например, Иисус прямо и неоднократно заявляет, что Он и Всевышний — одно. Например, в Евангелии от Иоанна

Иисус говорит: «Я и Отец — одно»⁷, и «если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего»⁸, и «видящий Меня видит Пославшего Меня»⁹. Женщине по имени Марта Иисус сказал: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Верешь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир»¹⁰.

— Иисус действительно так сказал?

— Да, Он действительно так сказал, и это было очень смело! На самом деле в Евангелии от Иоанна мы читаем, что религиозные вожди того времени были настолько злы на него, что хотели побить Его камнями. *«Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом»*¹¹. И когда в конце концов они приговорили Его к смерти, официальным обвинением против Него было богохульство, то есть Его заявление, что Он — Бог, что религиозные деятели отрицали.

Иначе почему весть о Нем распространилась по всему Ближнему Востоку? В Евангелии от Матфея говорится, что *«ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана»*¹². Рассказывается также, что Иисус приходил в Ливан, чтобы принести людям благую весть о Божьей любви и Его замысле о их жизни.

— В Ливан? — Тарик отложил вилку. — Куда именно?

— В Сур и Сайду.

Тарик старался не выдать своего изумления.

– Вы покажете мне, где это написано? – попросил он.
– Я хотел бы увидеть сам. Я никогда не слышал об этом.

– Конечно, – сказал пастор Нур. Вытерев рот салфеткой, он встал и взял свою Библию. Он открыл Евангелие от Матфея.

– Вот, – сказал он.

Тарик взял Святое Писание и начал читать:

– *«И, выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские»*¹³.

Иисус действительно был в Сайде, его родном городе?

– Задавал себе вопрос Тарик, еще раз перечитывая стих.

– *Почему он об этом не знает? Почему никто ему этого не говорил?*

Телефон Годдара зазвонил. Он увидел, кто его вызывает, но все равно ответил.

— Есть сдвиги? — хотел знать Скелет.

— Некоторые, — сказал Годдар.

— Брат Аккада сломался? — спросил Лемье.

— Нет.

— Он не сказал, где Марван? — спросил Лемье.

— Нет.

— Он что-нибудь сказал?

— Почти ничего. Я отправил его в тюрьму.

— Что?!

— А что еще я мог сделать? — огрызнулся Годдар.

— Заставить его выдать Марвана, — ответил Лемье.

— Именно для этого я и отправил его в тюрьму. Такой человек, как Рами Аккад, не захочет долго находиться в бейрутской тюрьме. Поверьте мне.

— Не понимаю, — сказал Лемье. — Вы же сказали, что есть сдвиги.

— Да.

— Какие же?

— Мы прослушивали спутниковый телефон Рами.

— И....

— И оказалось, что он отправил десяток вооруженных людей в горы Сан-Паулу. Угадайте, кого они там удерживают.

На другом конце вдруг наступила тишина.

— Инспектор, вы слышали меня? — спросил Годдар.

Но Лемье не отвечал. Казалось, он был слишком

поражен, чтобы говорить, как будто он знал, что Годдар собирается сказать.

— У них — миссис Рэмзи, — все-таки сказал Годдар. Он бросил «бомбу» и ждал реакции.

Но реакции не было. Молчание продолжалось.

— Я отправил своих людей всех арестовать и спасти миссис Рэмзи, — продолжил Годдар. — Они согласовывают свои действия с бразильскими властями.

Годдар ожидал услышать хотя бы что-нибудь, но не услышал ничего.

— Вы меня слушаете, инспектор? — спросил он.

— Да, я слушаю.

— Почему вы молчите? Это — важные новости. Я думал, вы будете довольны. Через 24 часа миссис Рэмзи будет в безопасности в Монте-Карло, и я смогу дать ей информацию обо всем. Вы хотели бы при этом присутствовать?

— Я еще свяжусь с вами, — сказал Лемье, и в голосе его звучала не радость, а какая-то безысходность. И Годдар не мог найти этому объяснение.

Закончив обед, все перешли в гостиную, где их ждала пахлава и кофе по-турецки.

— Надим имеет в виду, — сказала миссис Нур, — что Иисус совершенно недвусмысленно заявлял о Своей божественности. Он утверждал это как факт. И все понимали, что Он имеет в виду, в том числе и Его недруги. Да, это им не нравилось, как многим не нравится и сейчас. Но, вне всякого сомнения, это не было тайной.

— Может быть, и так, миссис Нур, — сказал Тарик, — но, должен сказать, это совершенно ново для меня.

— Мы это понимаем, — ответила она. — Когда мы поженились, мы оба не имели понятия о том, что Иисус заявлял, что Он — Бог. Все-таки ни один из нас не вырос в такой семье, которая бы следовала за Христом. Ни Надим, ни я никогда сами не читали Библию. Но однажды одна молодая пара, с которой мы были знакомы, заставила нас задуматься. Муж, который сидел на том же месте, где сидите вы, сказал: «Прочитать Новый Завет и не увидеть, что Иисус утверждал Свою божественность, — это то же самое, что стоять на улице в ясный день и говорить, что не видишь солнца». Если честно, то это меня несколько задело, хотя мне и было неловко, что я сама Библию не читала. То же чувствовал Надим. Получив по экземпляру Нового Завета, мы в тот вечер начали его читать. И чем больше мы читали, тем сильнее убеждались, что наши друзья правы.

— И что произошло дальше? — спросил Тарик и вдруг подумал: он просто старается избежать разговоров о его жизни или ему действительно интересно?

– Наша жизнь усложнилась, – сказал пастор Нур.

– Каким образом?

– Подумайте, – начал он пояснения, когда Далия извинилась и ушла в кухню якобы мыть посуду. – Так как Иисус претендовал на то, что Он – Бог, Он не мог быть просто высоконравственным человеком или мудрым пророком. Он – либо Бог, либо нет. Он или говорил правду, или обманывал. Третий вариант исключен. Свою божественность Он подтвердил различными способами. И Его заявление мы должны или принять, или отвергнуть, поверить или не согласиться. Нейтральной позиции не существует. Прочитав Новый Завет, вам остается или признать все, что Он говорил (включая утверждения о Своей божественности) истиной, или считать Его лжецом.

Мог ли человек, проповедовавший благо истины, делать заявления, истине не соответствующие, – обманывать своих учеников, весь мир, нас? И если сказанное Им – ложь, как Он мог взойти на крест и умереть? Кто умирает за ложь?

Тарик, сын мой, Христос – Бог. Он сказал это о Себе открыто, и все, что Он сказал, засвидетельствовано в Библии – точно и правдиво. И поэтому я и миллионы верующих верим этому и принимаем как истину.

– Тарик, – миссис Нур присоединилась к разговору, – это действительно истина. И, читая Библию, которая есть Слово Божье, вы находите этому подтверждения.

– В самом деле? – удивился Тарик.

– Евангелие от Иоанна начинается так: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»*¹⁴. И дальше: *«И Слово стало плотью и обитало с нами»*¹⁵, – Христос жил среди нас.

– И таких отрывков много, – продолжил пастор Надим. – Фактически в Новом Завете 11 раз сказано, что Христос – Бог, и около 50 раз – что Он есть Сын Божий.

– Сын..? — не понимая, переспросил Тарик. – Это непонятно.

– Это потому, – улыбнулся Надим, – что вы смотрите на Него с человеческой точки зрения. Сын не в физическом

смысле: Бог есть Дух, и Он не может зачать сына. Он не Сын также и в смысле вторичности – Бог-Отец не предшествует Сыну. Христос – Сын в духовном смысле. Он – Сын Божий через любовь. Сын равно Бог. Он есть образ Божий.

В двух словах, вот кто такой Иисус. И если у вас есть вопросы, мы с радостью ответим на них.

– Читая Новый Завет, – сказала миссис Нур, – вы увидите это сами. Вы узнаете, что Он – учитель, как говорили и Его друзья, и недруги. Как можно считать Его учителем, но не принимать одного из Его утверждений: что Он – Сын Божий? Может ли хороший учитель обманывать и говорить о себе неправду?

– Думаю, нет.

Раздраженная Далия продолжала заниматься уборкой со стола. Пастор Нур добавил:

– Когда я изучал жизнь Христа, Тарик, меня особенно поразил тот факт, что когда люди, которых я знал лично или о которых читал, принимали для себя решение следовать за Христом, их жизнь становилась лучше. Они становились похожими на Христа, становились добрее, честнее. Они обретали способность любить и помогать в нужде бедным и страждущим. Меня поразило, что там, где провозглашали Иисуса, судьбы целых народов изменялись к лучшему. Было бы это возможно, если бы Христос не обладал силой изменять сердца людей и их жизнь? Только Бог способен на это.

Подумав, Тарик кивнул.

– Это правда.

Войдя в комнату брата Далии и закрыв за собой дверь, Тарик улегся на кровать и в первый раз в жизни стал читать Новый Завет.

Он открыл первую книгу – Евангелие от Матфея – и, не отрываясь, читал несколько часов. Он прочитал также Евангелия от Марка, от Луки и от Иоанна. За эти несколько часов он узнал об Иисусе Христе многое. Он узнал о рождении от девы Марии, о том, как плотник из Назарета давал слепым зрение, глухим – слух, а калекам и парализованным – умение ходить и даже прыгать. Он изгонял бесов и возвращал умерших к жизни – один из них пробыл в могиле целых четыре дня. Но больше всего Тарика заинтересовали высказывания, притчи и учение Иисуса. Никогда раньше он не слышал ничего подобного. Он размышлял над Нагорной проповедью в Евангелии от Матфея. Иисус говорил:

«Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневящийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака”, подлежит синадрию; а кто скажет: “безумный” подлежит геенне огненной»¹⁶.

Он никогда не смотрел на отношения между людьми под таким углом. Он продолжал читать:

«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного,

ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»¹⁷.

В этом есть смысл, но кто способен так относиться к ближним?

«Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»¹⁸.

Все, что он читал, удивляло его. Обычный человек не мог бы сказать ничего подобного. Поразительная личность этот Иисус!

Его охватило чувство стыда и собственной ничтожности. Что делать с гневом, который у него так часто направлен на других людей, даже на собственного брата? Тарик понял, что его гнев подлежит осуждению.

А призыв любить врагов? Может ли он полюбить врагов, если ему так нелегко любить друзей? Любит ли он Лемье, Годдара и Клодетт Рэмзи?

Читая историю жизни Иисуса, он увидел, что она действительно соответствовала Его заявлениям. Он не бежал от врагов, как Тарик. Он не обманывал, чтобы избежать ареста. Он не оказал сопротивления врагам, когда те напали на него в саду, а когда Петр попытался вступить за Него и отсек ухо у слуги первосвященника, Иисус упрекнул его и велел убрать меч. Он сказал, что все, взявшие меч, от меча погибнут.

Тарик читал не останавливаясь. Он хотел как можно быстрее узнать все об Иисусе. Как могло случиться, что, прожив столько лет, он не знал Его?

Дочитав до главы 19 Евангелия от Иоанна, он был потрясен:

«Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетиши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам»¹⁹.

Впервые в жизни он узнал подробности Его казни.

«И взяли Иисуса и повели. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски

Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса»²⁰.

Написанное дальше взволновало его.

«При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе. После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса.. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его. Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух»²¹.

Он читал о том, как Иисуса били, оскорбляли и распяли, и сердце его разрывалось. Он думал о том, через какие муки должна была пройти Мария, когда она стояла у креста и смотрела на своего сына, который умирал у нее на глазах. Иисус был невиновен, обвинен несправедливо и, не совершив преступления, осужден на смерть. Он видел Свою страдающую мать и терзался ее переживаниями больше, чем Своими собственными мучениями. Он поручил ее заботам Своего доверенного ученика.

«На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко. В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его»²².

Тарик читал всю ночь. Он чувствовал желание узнать правду и найти ответы на волнующие его вопросы. И чем дальше он читал, тем больше он находил ответов в этой поразительной книге.

«Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик

бежал скорее Петра, и пришел ко гробу первый. И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте»²³.

«В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа»²⁴.

«Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его»²⁵.

Ночь прошла незаметно. Над горами, окружающими Петру, поднялось солнце. Всего за одну ночь он прочитал Новый Завет, раздумывая над каждым словом. То, что он прочитал, увлекло, удивило и поразило его.

Он был совершенно пленен Евангелием от Иоанна. Иоанн был особо близок к Иисусу. Он называл себя «*учеником, которого любил Иисус*». Его Евангелие — это сильное, правдивое и точное повествование о жизни Иисуса, о Его словах, чудесах, смерти и воскресении. Он написал его с полной верой в Христа. Он показал свою любовь к Нему, понимание Его характера и учения — ведь он был всегда близок к Иисусу, ближе всех других людей.

Тарику слышались слова Петра, одного из главных учеников Иисуса, который сопровождал Его с первого дня служения до распятия:

«Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия»²⁶.

Это были слова ученика, который действительно был свидетелем величия Иисуса Христа и в своих посланиях возвестил его всему миру. Тарика поразили изменения,

происшедшие в жизни Петра. Иисус призвал его, рыбака, чинившего сети и мечтавшего об улове, стать ловцом человеков. Иисус предсказал Петру, что тот трижды отречется от Него, и он сделал это, когда Иисусу предстоял суд, издевательства и казнь. Но затем что-то произошло, и трус превратился в смелого и мужественного человека. В Иерусалиме он обратился к великому множеству людей и возвестил с силой и убежденностью, что *«Бог соделал Господом и Христом сего Иисуса, которого они распяли»*²⁷. Он проповедовал Христа везде, несмотря на противодействие, преследования и смерть, потому что сам видел и слышал Его. Он был свидетелем миру, очевидцем истины, а истину надлежит возвещать безотлагательно и смело. Мог ли он утаить истину о смерти и воскресении Христа?

И Петр был не единственным, чья жизнь изменилась полностью. Другим примером был Фома. Он не верил другим ученикам, бывшим свидетелями воскресения Иисуса, и сказал, что не поверит, пока не увидит следов от гвоздей на Его руках и не вложит своих пальцев в рану на боку. И когда Иисус явился ему и показал Свои руки и бок, он воскликнул с верой: *«Господь мой и Бог мой!»*²⁸ Фома обрел уверенность, избавился от сомнений и объявил, что Иисус Христос есть Бог, что Он — единственный путь ко спасению и что всякий верующий в Него обретет вечную жизнь на небесах.

Пастор Надим говорил, что именно Фома проповедовал благую весть в Ираке и в Индии и был казнен за веру в Христа. Он тоже был свидетелем истины.

Тарик подумал о Петре, Фоме и других учениках и апостолах, которые умерли мученической смертью за веру. Могли ли они пройти через все это ради лжи?

Тарик поверил тому, что он прочитал в Новом Завете. Он был убежден, что все, сказанное об этих людях, — правда.

Зная, что не сможет уснуть, Тарик решил пробежаться. Одев шорты, футболку и кроссовки, он как можно тише выскользнул из квартиры, стараясь никого не разбудить. Выходя, он к своему удивлению встретил Далию, которая уже возвращалась с пробежки.

– Доброе утро, – сказал он, улыбнувшись.

– Привет, – откликнулась она без особого воодушевления.

Когда он попытался ее поцеловать, она отодвинулась.

– Что случилось? – спросил он.

– Не здесь, – ответила она шепотом, не желая, чтобы портье, хотя и дремавший, слышал их разговор. Она жестом позвала его за собой и побежала вдоль квартала. Догнав ее, Тарик спросил:

– Что случилось? Ты на меня сердишься?

– Ты что, издеваешься? – спросила она.

– А, ты сердита на меня, потому что я разговаривал с твоим отцом о его вере?

– Ты действительно не понимаешь?

– Наверное, нет, – сказал Тарик. – В чем все-таки дело?

– С отцом нельзя просто разговаривать об Иисусе, Тарик, – ответила она. – Он совершенно невменяем. Он потребует, чтобы ты стал христианином, иначе он не разрешит тебе видаться со мной. О свадьбе можешь забыть. Ее не будет. Ты хочешь все испортить? Я думала, ты меня любишь.

– Я тебя люблю.

– Тогда прекрати разговоры о Библии. Они ни к чему хорошему не приведут.

– Но мне интересно.

– Перестань, – сказала Далия. – Ты шутишь.

– Я говорю совершенно серьезно, – сказал Тарик.

– Ты пытаешься таким образом завоевать благосклонность отца? Ничего не получится, разве что ты на самом деле станешь христианином.

– Последователем Иисуса, – поправил ее Тарик, используя выражение пастора Нура.

– Какая разница, – ответила Далия, которая не уловила юмора в уточнении.

– Послушай, – стал говорить Тарик, – сначала я действительно проявлял вежливость и старался подружиться с твоим отцом. Конечно же, я хочу ему понравиться. Иначе он выдаст тебя за какого-нибудь Юсефа, своего помощника.

– Прекрати, – сказала Далия, закатив глаза. – Этого никогда не будет.

– Это обнадеживает, – сказал Тарик. Они продолжали бежать трусцой по улицам Петры. – Но дело в том, что чем больше твой отец рассказывал, тем больше он возбуждал мое любопытство.

– Это правда? – Далии было трудно в это поверить.

– Да, это правда, – ответил Тарик. – Правда и то, что я не спал всю ночь и прочитал Новый Завет, который твой отец мне дал.

– Весь? – удивилась Далия.

– Весь, – сказал Тарик.

– Почему?

– Мне было интересно, – ответил Тарик. – А ты знаешь, что когда-то Иисус вернется?

– Возможно, – сказала она. В ее голосе был скепсис.

– Ты не веришь в возвращение Иисуса?

– Не знаю, – ответила она и, сделав резкий поворот, заставила Тарика ускорить бег.

– Что значит не знаешь? – спросил он, снова поравнявшись с ней.

- Я не знаю, во что я верю, и не хочу об этом говорить.
- Она опять побежала быстрее, и Тарик крикнул ей
вслед:
- Слушай, чего ты так боишься?

Годдар встал рано и, перекусив у себя в номере бутербродом с сыром и выпив кофе, отправился в центральное отделение полиции Бейрута, находящееся за шесть кварталов. Он был совершенно вымотан — всю ночь он так и не смог уснуть. Он задавал себе вопросы, на которые не мог найти ответов, о деле, раскрыть которое не удавалось.

А если Марван Аккад не вымогал деньги у Рафика Рэмзи? — думал он. — Если Марван с братом действительно не похищали Клодетт Рэмзи, а пытались найти ее, как они утверждают? Если Клодетт Рэмзи никто не похищал? Если это все придумала она и в настоящее время скрывается в Бразилии? Если Марван обнаружил доказательства этого и ее заговора против богатого мужа, который слишком долго живет на этом свете, — и помогал Рафику Рэмзи? Если Клодетт и ее сообщники узнали об этом и решили нанести удар первыми?

Такой сценарий объяснял бы убийство Рэмзи, а также взрыв машины и стрельбу в «Меридьене». Но почему Марван скрывается, а не помогает властям? И как объяснить убийство Рании Фаваз и ее соседки?

Годдар пришел в отделение, показал свое удостоверение и стал ждать встречи с задержанным. Он продолжал размышлять, и у него в голове созрели только два объяснения: либо Марван виновен и поэтому скрывается от полиции, как считает Лемье, либо Марван Аккад невиновен и является лишь свидетелем, но по каким-то причинам не может довериться полиции. По каким?

Зазвонил телефон. Это был Лемье.

– Алло.

– У меня есть след, – сказал Скелет. – Марокканские службы нашли запись, на которой Марван садится на рейс в Каир.

– Почему они искали так долго? – спросил Годдар.

– Я бы тоже хотел это знать, – сказал Лемье. – Но дело не в этом. Во всяком случае сейчас это неважно. Важно то, что он использует имя «Тарик Джамиль». Египетская полиция подтвердила его прибытие. Как вы знаете, средства массовой информации дали его фотографию, и с нами связался человек из Гелиополиса. Он сдал квартиру Тарику Джамилю, но этот Тарик недавно уехал с девушкой по имени Далия Нур. Мы не знаем, куда они уехали, но занимаемся их поисками. Это не должно занять много времени.

– Я могу чем-то помочь? – спросил Годдар.

– Еще раз поговорите с Рами и узнайте, что ему известно, – сейчас же! И не подведите меня, Годдар, мне нужна голова Марвана на блюдечке до конца сегодняшнего дня!

Годдар сказал, что понял, и отсоединился. Тут же ему пришло сообщение от Дюваль. Годдар просто не мог поверить прочитанному. Он прочитал сообщение еще раз, чтобы убедиться, что понял все правильно, и тут его осенило. Мысль поразила его так, как будто он получил удар в солнечное сплетение. Все стало на свои места. *Как он мог не видеть раньше? Как мог не понять?* И хуже всего было то, что у него практически не оставалось времени.

Перед входом в камеру предварительного заключения Годдар оставил на столе у сержанта оружие и телефон, предъявил удостоверение и расписался. Войдя в камеру, он засыпал Рами вопросами. Он не мог позволить себе зря тратить время.

– Ваш брат использует документы Тарика Джамиля, так?

Выражение лица Рами подтвердило его правоту.

– Он снимал квартиру в Гелиополисе, недалеко от Каира, рядом с аэропортом, так?

Поколебавшись, Рами кивнул.

– Ваш брат считает, что кто-то, кто ведет это расследование, подставляет его?

Рами снова осторожно кивнул.

– И вы послали своих людей в Бразилию, чтобы найти Клодетт Рэмзи, потому что вы с Марваном считали, что она вымогает деньги у своего мужа, так?

– Так.

– И Марван собирается скрываться, пока вы не нашли миссис Рэмзи и не узнали, кто пытался его убить?

– Именно так, – подтвердил Рами.

– Но проблема состояла в том, что когда ваши ребята нашли миссис Рэмзи, вы не могли решить, кому ее следует выдать, и поэтому велели им ждать дальнейших инструкций?

– Да, сэр.

– И сейчас вы находитесь в заключении, а инспектор Лемье вот-вот выследит вашего брата и отправит в тюрьму и его, если раньше не убьет, так?

– Зачем вы мне это говорите, инспектор? – спросил Рами. – Что вы предлагаете?

– Мистер Аккад, – ответил Годдар, – сейчас я убежден, что ваш брат невиновен.

– Я говорил вам это с самого начала.

– Что ж, сейчас я вам верю. И я думаю, что знаю, кто «крот» в этом расследовании.

Рами широко раскрыл глаза.

– Кто?

– Марсель Лемье.

Рами выдохнул воздух.

– Главный следователь? Вы уверены?

– Теперь да, – сказал Годдар.

И он рассказал Рами, что, кроме разрешения на прослушивание телефонов Рами, он получил разрешение на просмотр его электронной почты, и Коlette Дюваль обнаружила в ней сообщение от высокопоставленного лица во французской разведке.

– Это Пьер, мы знакомы уже много лет, – сказал Рами.
– Он чист. Я просто просил его разузнать, что можно.

– Да, я знаю, – сказал Годдар. – Но помните письмо, которое он прислал вам несколько дней назад, когда вы были в Багдаде?

– В котором он писал, что Лемье запросил у французской разведки копии всех имеющихся у них документов на Марвана?

– Да, – подтвердил Годдар.

– Ну и что? – спросил Рами, недоумевая. – Мой брат был главным подозреваемым у Лемье еще со времени убийства Рафика Рэмзи. Разве не естественно, что он ищет все, что касается Марвана?

– Конечно, – согласился Годдар. – Но когда Дюваль прочитала это сообщение, она обратилась к французским спецслужбам с вопросом, когда Лемье запросил у них информацию. Оказывается, он сделал это за три дня до встречи Марвана с Рэмзи в Монте-Карло.

– За три дня до убийства? – спросил Рами. – Как это может быть?

– Может быть только одно объяснение, почему Лемье нужна была информация о вашем брате заранее, – сказал Годдар. – Он узнал, что Рэмзи тайно нанял Марвана, который обнаружил, что это миссис Рэмзи вымогает у него деньги. За эти три дня Лемье запланировал убийство мистера Рэмзи и вашего брата и предупредил миссис Рэмзи, что ей необходимо уехать из Сан-Паулу и укрыться в горах. Кстати, вы знаете, кто является владельцем дома, который окружили ваши люди и где отсиживается миссис Рэмзи?

Рами покачал головой.

– Брат Лемье.

Рами был потрясен.

– Вы шутите?

– Нисколько. Это обнаружила Дюваль. Я только что получил от нее сообщение.

– Подождите, – сказал Рами, – выходит, главный следователь по делу об убийстве Рафика Рэмзи – один из организаторов этого убийства?

– Боюсь, что так.

– И тот, кто охотится за моим братом, не собирается его арестовывать – он хочет его убить?

– По всей вероятности, да.

– Насколько близко Лемье подобрался к Марвану? – спросил Рами, и на его лице отразилось все его беспокойство.

– Очень близко, Рами, – признал Годдар, – и поэтому мне нужна ваша помощь. Скажите мне где он, и я задержу его, и он будет под моей защитой, пока я не выдвину обвинения против Лемье и не арестую его. Это будет нелегко (для правоохранительных сил Европы Лемье – герой), но с вашей помощью я смогу это сделать.

– Я бы помог вам, мистер Годдар, – сказал Рами, – но я не знаю, где мой брат сейчас находится. Я могу найти его только по спутниковому телефону, он принимает звонки только с него. Но я не знаю, куда он делся, когда меня арестовали.

– Ваш телефон – у меня в гостинице, – сказал Годдар. – Я следил за ним на случай, если ваш брат будет звонить. Идемте.

Годдар подписал бумаги, необходимые для того, чтобы Рами Аккада выпустили, и получил свое оружие и телефон. Они вышли из здания полицейского участка, взяли такси и поспешили в гостиницу.

Тарик принял душ, оделся и присоединился к семье Нур за завтраком.

– Что мы будем делать сегодня? – спросила Далия. – Давайте чем-нибудь займемся, например, посмотрим город.

(Что означает: “Давайте не будем говорить об Иисусе”, – подумал Тарик.)

– Надим, давай ты возьмешь сегодня выходной, и мы свозим Далию и Тарика к пещерам Набатеев и к Сокровищнице Фараонов, – предложила миссис Нур, наливая всем кофе.

– Замечательная идея, мама, – сказала Далия. – Думаю, Тарику это будет интересно.

– Вы уже бывали там? – спросил пастор Нур.

– Нет, сэр, – ответил Тарик, – но я много слышал об этих местах.

– И это все правда, – сказал пастор. – Древний город – это действительно зрелище, достойное внимания. Он был высечен в ущельях. Петра была столицей Набатейского царства, процветающим торговым центром и хранилищем набатейских сокровищ. Далия права, вам будет интересно.

– Там сейчас кто-нибудь живет?

– Нет, город покинут. Там можно встретить только туристов и продавцов сувениров и прохладительных напитков. Но многие христиане – и я в том числе – считают, что Бог предназначил ему быть убежищем, о которых пишет апостол Иоанн в Книге Откровения²⁹.

– Папа, – сказала Далия, – мы можем просто позавтракать, не говоря о Библии каждые две секунды?

– Дорогая моя, мы живем на Ближнем Востоке, в Иордании, где происходили библейские события. Именно здесь Богу было угодно явить Себя миру через Иисуса Христа. Здесь мы ступаем по библейской земле. Воткнув лопату в эту землю, мы обнаруживаем новые свидетельства истинности Библии.

Далия собиралась ответить, но Тарик заговорил первым.

– Да, пастор Надим, я много думал о том, что вы говорили вчера вечером, и у меня возникли вопросы. У вас есть несколько минут?

– Конечно, Тарик.

– Ну вот, началось, – сказала Далия, делая глоток кофе и закатывая глаза.

– Извини, Далия, – тихо сказал Тарик, – но мне это интересно. И это не займет много времени.

Но это заняло много времени.

Тарик и пастор Надим говорили о Библии за завтраком. Они продолжали разговаривать во время поездки в набатейский город и тогда, когда шли через ущелье к центру древней Петры. Далия избегала участия в разговоре. Она пыталась говорить с матерью о детстве, но та прислушивалась к разговору мужчин.

– Но Новый Завет был написан, когда прошло много времени после Иисуса, и, значит, он не может точно передавать Его слова, – говорил Тарик, испытывая христианство «на прочность».

– Да, некоторые скептики пытались утверждать, – ответил отец Далии, – что книги Нового Завета были написаны через сотни лет после Иисуса. На самом же деле он весь был написан значительно раньше – через несколько десятилетий после смерти и воскресения Христа. Археологи обнаружили, что Евангелия были написаны между 50 и 66 г. нашей эры.

Тарик был удивлен:

– То есть еще при жизни очевидцев событий.

– Именно. И это гарантирует точность описания. Если бы новозаветные повествования искажали события, их очевидцы не промолчали бы и что-то предприняли. Петр,

рассказывая о чудесах Иисуса, говорил слушателям, что об Иисусе Бог засвидетельствовал чудесами и знамениями среди них, и призывал их свидетельствовать о том, что они знали³⁰. Разве может человек изменить виденное?

– Нет, не может, – подтвердил Тарик.

– Вам знакомо имя Уильям Олбрайт?

– Нет, я никогда о нем не слышал, – сказал Тарик.

– Это один из самых известных библейских археологов, – сказал пастор Надим и, порывшись в рюкзаке, вынул оттуда книгу «Не просто плотник» и, открыв ее, протянул Тарику.

– Прочитайте вот отсюда.

Тарик был удивлен, что отец Далии берет на экскурсию книги об Иисусе.

– Что еще у вас там есть? – засмеялся он. – Свитки Мертвого моря?

– Нет, только Библия, вода и фрукты, – засмеялся Надим в ответ. – Хотите фруктов?

– Нет, сэр, спасибо. Я пока почитаю эту книгу.

Тарик взглянул на Далию, которая только покачала головой, и стал читать:

«...теперь мы можем с полной уверенностью утверждать следующее: есть все основания полагать, что книги Нового Завета были написаны до 80 г. н. э. – т. е. на два полных поколения ранее датировки 130-150 гг. н. э., принятой в наши дни у самых радикальных критиков Библии»³¹.

Он остановился и посмотрел на пастора Нура.

– Там есть еще один отрывок, – сказал тот. – Сэр Уильям Рэмзи, еще один известный археолог, говорит практически то же самое. Если хотите, я могу предложить вам еще десяток книг, подтверждающих, что книги Нового Завета были написаны современниками событий и, следовательно, заслуживают доверия. Скажите, кто их написал?

– Ученики и последователи Иисуса, правильно? – ответил Тарик.

– Правильно. Авторы были Его учениками и последователями. Они были свидетелями! Вот почему Библия

достоверна. Они жили вместе с Христом, слушали Его, видели Его, ходили с Ним. Апостол Иоанн, который написал Евангелие, три послания и Книгу Откровения, сказал:

«О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами»³². Значит, кем был Иоанн?

— Я бы сказал, что он был свидетелем.

— И еще, — продолжал пастор, — по откровению от Бога апостол Павел говорит: *«Все Писание богодухновенно»³³*, а апостол Петр заверяет нас: *«Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым»³⁴*.

— Интересно, — сказал Тарик.

— Просто интересно?

Тарик не знал, что ответить на этот вопрос.

— Очень интересно, — добавил он, возвращая книгу.

— Интересно, но вы не убеждены до конца? — спросил пастор Нур.

Тарик пожал плечами. Нурам не нужно знать, какой беспорядок царит сейчас у него в голове и в душе. Сначала он должен сам во всем разобраться.

— **У** нас проблема, — сказал Рами. Из окна гостиничного номера Годдара он смотрел на центр Бейрута.

— Какая?

— Марван не отвечает.

— Попробуйте еще, — сказал Годдар, расхаживая по комнате.

— Я звонил четыре раза.

— И что это может означать?

— Это может означать, что или телефон выключен, или он не взял его с собой, или....

Рами не договорил, но в этом не было необходимости. Годдар понял, что тот хотел сказать. Что Марвана Аккада могли уже задержать или убить.

— Не волнуйтесь, — сказал Годдар. — Мы найдем его. Все будет хорошо.

Ему хотелось в это верить.

Вдруг зазвонил его телефон. Это была Дюваль. Годдар поднял трубку.

— Что у вас, Колетт?

— Где вы были? — спросила она. — Я не могла вам дозвониться.

— Я был в участке, — объяснил Годдар, — там нельзя пользоваться телефоном. Что случилось?

— Вы не получили моего сообщения?

— Нет.

— Лемье звонил вам дважды, — сказала Дюваль. — Не дозвонившись, он рассвирепел и потребовал, чтобы я нашла вас.

— Что Лемье хотел?

Рами повернулся к Годдару.

— Он сказал, что египетские службы проследили Тарика Джамиля и девушку до отеля в Шарм-Эль-Шейхе.

— Хорошо. Закажите мне билет на самолет немедленно.

— Это не все, — продолжала Дюваль. — Они выселились из отеля и отправились на такси в Нувейбу, а оттуда на пароме — в Акабу.

— В Иорданию? — спросил Годдар. — Почему в Иорданию?

— Девушка оттуда родом.

— Как ее зовут?

— Далия Нур.

— Минутку, Колетт, — сказал Годдар. Он повернулся к Рами и спросил, знакомо ли ему имя Далия Нур.

— Нет, — ответил Рами. — Но несколько дней назад я предупредил брата, что ему нужно уехать из Каира. Наверное, он использовал эту девушку, чтобы уехать из страны.

Годдар продолжил разговор по телефону:

— Из какого она города?

— Из Петры, — ответила Дюваль, — у меня есть адрес. Он есть и у Лемье. Он со своими людьми уже отправился туда.

У Годдара внутри все сжалось.

— Они известили о своем визите иорданские власти?

— Нет, сэр.

— Они взяли с собой кого-нибудь из египетской полиции?

— Нет, сэр.

Годдар помолчал, чтобы собраться с мыслями.

— Колетт, вы знаете, что я думаю о Лемье?

— Вы думаете, что он и есть «крот». Что он работает с миссис Рэмзи.

— А вы как думаете?

— Основываясь на том, что мы узнали за последние несколько часов, я думаю так же.

— Можем ли мы это доказать?

– Пока нет, сэр, – сказала Дюваль. – Нам нужно больше времени.

– У нас нет больше времени. Если Лемье найдет Марвана Аккада, он его убьет.

– Сообщить иорданским властям, чтобы они арестовали Лемье?

– Нет, – сказал Годдар. – Они ничего не станут делать, пока у них не будет доказательств больше, чем есть сейчас у нас с вами.

– Что же вы думаете предпринять, сэр?

– Единственное, что могу, Колетт. Организуйте мне вертолет в Петру. Я выезжаю в аэропорт. Пойдемте, Рами. Вы едете со мной.

Они вчетвером уже несколько часов бродили по древней столице Набатей, восхищаясь искусством мастеров, вырубивших в скалах дворцы и храмы. Миссис Нур прочитала из путеводителя:

«Петра – одна из самых впечатляющих и колоритных достопримечательностей в мире. Здесь прекрасно сохранились высеченные из камня гробницы и храмы некогда процветавшего города. Поселение существовало здесь с древнейших времен, но до прихода набатеев Петра была не более, чем просто колодезем в пустыне. Между III в до н. э. и I в н. э. здесь был построен великолепный город, ставший торговым центром царства. В 106 г. н. э. Петра была включена в состав Римской империи. Город стал христианским в IV в., мусульманским в VII в., и на короткое время в XII в. сюда пришли крестоносцы. Петра была заново открыта в 1812 г. швейцарским исследователем Якобом Буркхардтом».

Их поразило величественное здание Сокровищницы Аль-Хазне с греческими колоннами, цоколями и альковами. По лестнице они поднялись к монастырю Эль-Деир с фасадом шириной в 47 и высотой 40 метров – бывшему языческому храму. Миновав Царские усыпальницы и пройдя по улице с колоннами, они вошли на территорию крупнейшего в Петре храма Каср-Эль-Бинт. И наконец, они подошли к Церкви Петры – одному из старейших в Иордании мест богослужений. Приделы этой «некогда большой византийской базилики» были украшены прекрасной мозаикой. Согласно путеводителю, как отметила миссис

Нур, «обнаруженные здесь 152 свитка раскрывают детали повседневной жизни Петры византийского периода».

Когда они осматривали эту древнюю обитель последователей Христа, Тарик не смог снова не вернуться к теме достоверности библейских рассказов о том, что говорили и делали Иисус и Его ученики. Он снова стал задавать вопросы.

Но вот пастор задал вопрос ему:

— А знаете ли вы, что рукописей Нового Завета больше, чем каких-либо других древних манускриптов?

— Что вы имеете в виду? — не понял Тарик.

— Всего археологами найдено 24 тысячи древних рукописей Нового Завета (некоторые из них датируются 130 годом), тексты которых идентичны, — пояснил Нур.

— И что это доказывает?

— Это доказывает, что имеющийся у нас Новый Завет был переписан и дошел до нашего времени без искажений. Для сравнения: на втором месте по количеству имеющихся рукописей с большим разрывом идет «Илиада» Гомера, мы располагаем 643 ее манускриптами. Кстати, считаются аутентичными тексты очень многих произведений древней литературы, рукописей которых осталось очень мало. Например, Цезарь написал «Записки о галльской войне» приблизительно в 58-50 гг. до н. э. Но в мире сохранилось только 9 или 10 их рукописных копий, и все они были написаны через тысячу или больше лет после его смерти. Аристотель написал свою «Поэтику» около 343 г. до н. э. Но ее самая древняя рукопись датируется 1100 годом н. э., т. е. была сделана 1400 лет спустя, а всего существует лишь 49 копий этого произведения. То есть я хочу сказать, что сомнений в точности копий записей учеников Иисуса должно быть меньше, чем в точности какого бы то ни было другого исторического документа.

— Может быть, но, — возразил Тарик, — из всего этого не следует, что последователи Иисуса записали именно то, что Иисус говорил. Кто может поручиться, что они не придумали Его заявления, что Он — Бог, чтобы основать новую религию?

– Какие у них были причины лгать? – спросил пастор Нур. Устав от долгой ходьбы, они вошли в древний театр, который вмещал когда-то до 7 тысяч зрителей, и присели на вырезанные в скале сидения.

– Папа, перестань, причины могли быть самые разные, – к общему удивлению вдруг вмешалась Далия, – жадность, стремление к славе или к власти – что угодно. Разве Римская империя не перешла христианам? Разве они не добились богатства и власти, утверждая, что Иисус – Бог, а они – Его представители на земле?

– Ты, никак, шутишь, дорогая моя? – спросил отец, но сделал это мягче, чем Тарик мог бы ожидать.

– Нет, я говорю совершенно серьезно, – ответила она.

Тарик съежился. Что она делает? Им сейчас совсем ни к чему спор между ею и отцом.

– Боюсь, ты что-то напутала.

– А разве римский император Константин не стал христианином и не дал церкви огромное богатство и власть? – спросила Далия, отстаивая свою позицию.

– Конечно, нет. Да, он стал, но, Далия, это было через 300 лет после Иисуса. Первыми последователями Христа были бедные, необразованные рыбаки и сборщики налогов в римской провинции Палестине. Они никак не могли рассчитывать на то, что, рассказав миру о смерти и воскресении Иисуса, обретут богатство и власть. Напротив – и тебе это известно – первые христиане оставались меньшинством среди религиозного меньшинства в огромной языческой империи. С ними не соглашались, их жестоко преследовали, а одиннадцать из апостолов – учеников, которых Иисус избрал быть Его представителями, – умерли мученической смертью. Они были казнены именно за то, что настаивали, что были свидетелями воскресения Христа и что Иисус – Бог. Поскольку они были христианами, их били и пытали и умертвляли самыми жестокими способами. Шесть из них распяли, – а Петра распяли головой вниз. Двоих апостолов убили мечом, Иакова забросали камнями, Фома пронзили копьем. Иоанн, двенадцатый апостол, был

изгнан за веру и проповеди на остров Патмос, где и умер. Ни один из двенадцати не получил никаких материальных или политических благ за следование Иисусу. Но никто из них, даже под пытками, не отказался от веры в Иисуса как Бога мироздания и Спасителя человечества.

— Может быть и так, — ответила Далия, — но это ничего не доказывает, — на протяжении истории, папа, очень многие люди отдавали жизнь за ложь.

В разговор вступила миссис Нур.

— Да, многие люди умерли за ложь, Далия, но они были убеждены, что следуют истине. Ты думаешь, что апостолы придумали заявления Иисуса о Своей божественности, чтобы получить богатство и власть. Но это не согласуется с фактами. Если Иисус такого не говорил и не доказал Своей божественности, воскреснув на третий день после смерти, как утверждает Новый Завет, значит, апостолы знали, что это ложь. По твоей теории выходит, что ответственность за ложь лежит на них. Но подумай: это означает, что они отдали жизнь не просто за ложь, но за свою ложь, которая ничего не принесла им ни в политическом, ни в материальном отношении. Ты видишь в этом какой-то смысл?

Далия задумалась. Через некоторое время она неохотно согласилась:

— Действительно, смысла в этом нет. И никто не нашел бы в этом смысла.

— А тело Иисуса? — спросил отец. — Для того чтобы опровергнуть заявление, что Иисус воскрес из мертвых, и таким образом покончить с христианством в самом начале, его противникам было достаточно просто предъявить тело Иисуса. Но они не могли этого сделать.

— Почему? — спросил Тарик.

— Потому что никто не мог его найти, — ответил пастор Нур. — Кто-то утверждал, что тело украли апостолы. Но чем больше мы исследуем их жизнь до воскресения Христа, тем сильнее убеждаемся, что это невозможно. Никто из них не был достаточно смел для этого. Кроме того, гробницу охраняли римские солдаты, которые знали, что потеря пленного — даже мертвого — означала бы для них смертную казнь. И все же тело Иисуса исчезло. И все в Иерусалиме, в том числе самые заклятые враги Иисуса, знали, что оно исчезло.

— А разве не мог его украсть кто-то другой? — спросил Тарик.

— Пройти мимо римских солдат не смог бы никто, — ответил пастор. — И кому это могло быть нужно? Не еврейским лидерам — им совсем не нужно было, чтобы люди думали, что Иисус воскрес из мертвых. Именно потому, что Иисус сказал, что воскреснет из мертвых на третий день, они и попросили римлян охранять гробницу.

– Судя по всему, вы много над этим думали, сэр, – сказал Тарик.

– Да, я изучал исторические и археологические документы в течение долгого времени. Именно поэтому я стал последователем Иисуса, – я изучил свидетельства и сделал для себя вывод. Иисус был не просто хорошим человеком. Он был не просто плотником. Он был тем, кем Себя называл: *«Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»*³⁵.

– И вы убеждены, что Иисус – единственный путь к прощению грехов?

– Да, я убежден в этом.

– И единственный путь на небеса?

– Да, именно так.

Тарик задумался. Перед ним расстился древний город Петра. Его мучило сознание совершенных им грехов. Их список становился все длиннее. Главным из них была ложь, но как много было и других.

Он вспомнил нарисованную на папирусе картину, которая называлась «Последний суд». Его сердце далеко не легче пера. То есть, если он умрет сегодня (не дай Бог этому произойти!), путь на небеса ему закрыт. Он отправится прямо в ад. И эта мысль внушала ему ужас.

Спасение – в Иисусе? Он есть Путь и Истина и Жизнь? Он – единственный путь на небеса? Пастор Нур говорит, что Иисус есть Истина, и все, что Он сказал, – истина, что Он может изменить жизнь и изменить человека. И все-таки..?

Не отдавая себе в этом отчета, он задал этот вопрос вслух. Пастор Нур повернулся к нему и спросил:

– Все-таки что? О чем вы думаете, Тарик?

– Если Библия, Новый Завет, была изменена позднее?

Вопрос шокировал миссис Нур:

– Библия? Изменена?

– Ведь многие это говорят.

– Даже если говорить это тысячу раз, – ответил пастор Надим, – это не станет правдой. Те, кто говорят это, –

противники Христа и христианства. Ответьте мне, Тарик, когда и кем?

– Когда?

– Да. Когда она могла быть изменена?

– Когда угодно.

– Нет. Библия существует в виде рукописей с очень давнего времени, и эти рукописи может посмотреть любой. Давайте поговорим о Новом Завете. Он существует с I века.

– Да.

– В то время его невозможно было изменить, потому что были живы современники Иисуса, и они не допустили бы изменений в описании событий, свидетелями которых они были. После этого рукописи распространились, и изменения можно было внести, только снова собрав их в одном месте. А это было невозможно, поскольку рукописей было слишком много.

– Понимаю.

– Теперь второй вопрос: кем? Кем мог быть изменен текст? Евреями или христианами? Евреи не приняли Христа. Они отвергли Его и все, за что Он выступал. Они никогда не изменили бы Новый Завет, сделав его таким, каким он есть сейчас – прославляющим Христа и христианство.

Размышляя, Тарик оглянулся на Далию с матерью, которые прислушивались к разговору, и сказал:

– Тогда это могли сделать христиане. Они могли изменить Новый Завет в свою пользу.

– Если бы они даже попытались сделать это, евреи подняли бы шум. Они никогда не допустили бы этого. Как вы считаете?

– Вы правы, – согласился Тарик. – Это было бы невозможно.

– Слава Богу, – сказал пастор Нур и улыбнулся. – Значит, это – Слово Божье, а Бог может защитить Свою святую Библию от происков человека. *«И если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде*

и в том, что написано в книге сей»³⁶, — сказано в конце ней. Кто осмелился бы ее изменить? Иисус сказал: *«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»*³⁷.

Пастор Нур сидел рядом с ним, обнимая его за плечи.

— Я вижу, вы серьезно задумались над всем этим, сынок?

— Да, сэр.

Помолчав, пастор Нур спросил:

— Вы хотели бы стать последователем Христа и знать со всей уверенностью, что ваши грехи прощены и что вы проведете вечность на небесах с Самим Богом?

Сердце Тарика забилося. Он не знал, что скажет Рами, что скажет Далия, но был уверен, что это так, что Иисус предлагает ему войти в Божью семью.

— Да, сэр. Я бы очень этого хотел. Но как это сделать?

— Иисус говорит: *«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему»*³⁸.

— Это действительно так? — спросил Тарик.

— Да, это так, — сказал Нур. — Вы можете принять Иисуса Христа как своего личного Спасителя и Господа прямо сейчас.

— Как попросить Его войти в мою жизнь?

— Молитвой веры. Молитва — это обращение к Богу. Бог знает ваше сердце и что в нем. Для Него важны не слова, а настрой вашего сердца. Когда я стал последователем Иисуса, я помолился Ему так:

«Господи Иисусе, Ты нужен мне. Я благодарю Тебя за то, что Ты умер на кресте за мои грехи. Я отворяю дверь своего сердца и принимаю Тебя как своего Спасителя и Господа. Благодарю Тебя за то, что Ты прощаешь мои грехи и даешь мне вечную жизнь. Направляй мою жизнь. Сделай меня таким, каким Ты хочешь, чтобы я стал».

Такая молитва отражает ваши чувства, Тарик?

— Да, сэр, — ответил Тарик, стараясь не встретиться взглядом с Далией.

Он не имел представления, что она думает. Единственное, в чем он был уверен, это то, что с этого момента их отношения в корне изменятся. Он расскажет ей и ее

семье правду о себе и о том, от чего он бежит. А после этого захочет ли Далия вообще думать о нем, будет ли любить его и захочет ли выйти за него, как они планировали? Не заплатит ли он за свое решение следовать за Христом своей любовью? Может быть, подумал он. Готов ли он заплатить такую цену? Иисус заплатил более высокую цену: Он умер, чтобы дать Тарику спасение. Иисус – Бог мироздания. Он оставил небеса и пришел на землю, чтобы спасти мир, Тарика и всякого, кто уверует в Него, от вечного проклятия. Сейчас Христос стоит у двери его сердца и стучит. И Тарик должен принять решение, ответить Ему с благодарностью. Иисус зовет его и хочет, чтобы Тарик последовал за Ним, несмотря на цену. И он сделает это.

– Вы осознаете серьезность такого решения? – спросил пастор Нур. – Его нельзя принять легкомысленно. Бог простит вас, спасет, даст новое, чистое сердце и новую жизнь. Нужно быть совершенно искренним. Нужно быть готовым отказаться от своих прежних религиозных представлений и посвятить себя следованию Христу.

– Да, сэр, я понимаю это.

– Вы верите, что Иисус Христос умер на кресте?

– Верю.

– Вы верите, что Он воскрес из мертвых на третий день согласно пророчеству Писания?

– Верю.

– Признаёте ли вы, что Иисус есть Господь, что Он – владыка вашей жизни? Готовы ли вы всегда любить Его и служить Ему всем сердцем, душой, разумом, всей силой?

– Да, сэр. Я готов. И мне понадобится Божья помощь, – я не смогу жить угодной Иисусу жизнью сам. Но если Он примет меня, я хочу следовать за Ним.

Тарик чувствовал, что действительно хочет этого больше всего в жизни.

И вдруг к своему изумлению он услышал, как Далия сказала:

– И я тоже хочу следовать за Иисусом, отец, – на этот раз на самом деле.

И Далия расплакалась. Она не просто плакала – она просила Бога и родителей простить ее за эти годы, когда она пыталась сама быть хозяйкой своей судьбы, не желая служить Иисусу с любовью и благодарностью.

Слезы были в глазах и пастора Нура, и его жены. Чувства переполняли и Тарика. Он не позволял себе плакать с того дня, когда погибли его родители, но понимал, что если сейчас все не начнут молиться, он расплатится вместе с ними.

Все четверо стали на колени, и пастор Нур молился так, как тогда, когда он принял Христа в свое сердце. Затем он крепко обнял Далию и Тарика и долго не выпускал их из своих объятий.

Все вытерли слезы, и пастор сказал, что теперь они навсегда вошли в Божью семью и что никогда не потеряют свое спасение. Он показал им места в Библии, подтверждающие, что их имена теперь записаны в Книге Жизни и что, когда они умрут, они отправятся на небеса, где проведут вечность с Богом.

– Иисус сказал: *«Не оставлю тебя и не покину тебя»*³⁹. Нужно будет учиться, как следовать за Иисусом. Но не беспокойтесь – просто делайте шаг за шагом. Читайте Библию. Каждый день обращайтесь к Богу в молитве. Общайтесь с более опытными и мудрыми верующими, которые научат вас и помогут возрасть в вере. И при всяких обстоятельствах задавайте себе вопрос: «Что на моем месте сделал бы Иисус?».

Тарик откашлялся и спросил:

– Значит, мои грехи прощены и забыты?

– Да, – сказал пастор Нур. – Библия говорит, что *«как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши»*⁴⁰. *«Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более»*⁴¹, – так говорит Господь.

– И в глазах Бога я теперь чист?

– Да, сынок. По обетованию Писания, вы омыты и белее снега. И ваше сердце легче пера.

– Он прощает мне всё – не некоторые из моих ошибок, а все?

– Да, Тарик, – подтвердил пастор. – *«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды»*⁴². Если Бог что-то обещает, Он держит Свое слово.

– Как хорошо, – сказал Тарик с явным облегчением, и настроился на продолжение разговора. – Мне нужно что-то вам рассказать.

Признав свой грех перед Богом, он понимал, что должен признаться во всем и этой семье, которая проявила к нему такую любовь. Но как это сделать?

Как сказать, что его зовут не Тарик Джамиль, что он не консультант по компьютерам, что его разыскивает полиция нескольких стран, и как убедить, что он все-таки любит Далию и хочет жениться на ней и провести с ней всю свою жизнь и сделать ее счастливой? Они наверняка рассердятся на него. Можно ли рассчитывать, что они поймут, что, несмотря на то, что он говорил много неправды, он не лжец и только хотел остаться в живых и защитить Далию?

Вряд ли можно на это надеяться, но все рассказать необходимо. Он подумал, как пострадал Иисус за преступления, которых не совершал, и понял, что у него нет выбора.

– Что, Тарик? – спросила Далия, видя волнение в его глазах.

– Не знаю, с чего начать, – ответил он.

– Все в порядке, мы – твои друзья.

– Я знаю. Именно поэтому мне трудно все рассказать.

– Почему?

- Вы возненавидите меня.
- Ну что ты?
- Я сделал что-то такое, о чем мне неприятно говорить.
- Мы все такое делали, Тарик, – сказал пастор Нур.
- Но, как я только что сказал, все это теперь позади.
- Я не Тарик. Я Марван Аккад. Я должен рассказать вам целую историю, и чем она закончится, я не знаю...

Но до того, как он продолжил, в ущелье прогремел выстрел, и Марван Аккад упал, корчась от боли.

Далия закричала. Пастор Нур повернулся, чтобы посмотреть, откуда прозвучал выстрел, и попытался прикрыть собой жену и дочь.

Раздался еще один выстрел. На это раз пуля попала в каменную скамью. Полетели осколки и пыль.

– Прячьтесь! – крикнул Марван. – За колонны!

Со всей силой, какую он мог собрать, он схватил Далию и стащил ее вниз – туда, где когда-то была сцена или оркестровая яма. Пастор Нур и его жена были рядом. Пули чудом в них не попали, но они ложились очень близко. Марван понял, что его худшие ожидания оправдались. Теперь под угрозой не только его жизнь – он подверг опасности и эту замечательную семью.

Сейчас их закрывали камни. Миссис Нур плакала, а муж обнимал ее. Далия перестала кричать, но дрожала от страха. Марван очень хотел ее успокоить, но он должен был посмотреть, откуда ведется огонь. Он осторожно подвинулся, но Далия схватила его за руку.

- Ты куда? Не уходи!
- Я не уйду, – сказал он. – Я должен посмотреть, сколько их.
- Их несколько?
- Думаю, да.
- Кто они такие?
- Это длинная история, – сказал он, выглядывая между камнями. – Но им нужны не вы. Им нужен я.
- Почему, Тарик? Что ты сделал?
- Меня зовут Марван, Далия, – Марван Аккад. И клянусь тебе, я не сделал ничего плохого. Меня подставили...

Пуля ударила совсем близко. Далия вскрикнула, и Марван прикрыл ее своим телом.

Ему нельзя здесь оставаться. Он должен оставить Нуров и увести Лемье и Годдара от людей, которые ему дороги. Но он едва может передвигаться. Он чувствовал пульсирующую боль в левой ноге. Штанина джинсов пропиталась кровью. Он увидел, что Далия смотрит на его рану и близка к обмороку.

– Ничего, – сказал он, обняв ее. – Все будет хорошо. Послушай. Ты слышишь меня?

Ее лицо было белым как мел. Она была в состоянии шока.

– **Д**алия, ты слышишь меня? – опять прошептал он, вытащив из кармана платок и перетягивая ногу.

Он посмотрел в ее перепуганные глаза. Наконец она оторвала взгляд от раны и, посмотрев на него, кивнула.

– Хорошо, слушай меня внимательно, – быстро сказал он. – Они пришли за мной, ты и твои родители их не интересуют. Но если ты сделаешь что-нибудь, чтобы защитить меня, они убьют тебя, не задумываясь. Они – убийцы. Они убивали женщин и детей, и кровавый след тянется за ними от Монте-Карло до Касабланки. Я раскрыл их замыслы и попытался помешать им, и теперь они здесь, чтобы покончить со мной. Ты слушаешь меня?

Дрожа от страха, она снова кивнула.

– Остальное я расскажу тебе потом, а сейчас я должен бежать. Нужно отвести их от вас, или....

– Нет, – она ухватила за его руку еще сильнее. – Мы с отцом...

Ее оборвала очередь из автомата.

Времени на разговоры не было. Сейчас или никогда. Притянув Далию к себе, Марван поцеловал ее и пополз по проходу влево, вызвав новые выстрелы и крики Далии и ее матери.

Он произнес короткую молитву, прося Бога защитить Нуров, и, петляя, побежал по каменным ступеням. Он нырнул в углубление маленькой гробницы, одной из многих, высеченных в скале над театром. По выстрелам с нескольких сторон Марван определил, что внизу по меньшей мере четверо стрелков, но их могло быть и больше, и к ним могло подойти подкрепление.

В гробнице было темно, и она была на возвышении, что позволило ему осмотреть место действия. Он увидел, как Нуры двигаются по проходу вправо, и надеялся, что они скоро будут в безопасности. Хотя он прекрасно понимал, что после него могут убить и их. Как Лемье и Годдар убили Ранию и ее подругу, чтобы убрать свидетелей.

И тут он увидел, что к театру бегут несколько человек с автоматами в руках. Короткими очередями они вынуждали его оставаться на месте. Они приближались очень быстро.

Марван огляделся в поисках выхода. Путь влево был закрыт. Но справа он увидел небольшую шахту, в которую пробивался свет. Нога болела все больше, но он пополз на свет и обнаружил выход к узкому ходу, ведущему к другим пещерам и гробницам, которыми была испещрена гора.

Услышав приближающиеся шаги, он как можно быстрее и тише стал продвигаться по ходу. Одно неловкое движение, и он полетит вниз на камни с 20-метровой высоты. За две тысячи лет песчаные бури совершенно отполировали поверхность тропы.

Но Марван добрался до следующей пещеры и присел на пол, пытаясь отдышаться и успокоиться. Хорошо было то, что он находился в пещере, где темнота скрывала его, и мог увидеть тех, кто будет приближаться к нему. Он мог видеть, что происходит внизу, и насчитал трех человек, которые заняли позиции у пещер на противоположной стороне ущелья. Плохо было то, что он не знал, сколько еще он сможет идти.

— Марван Аккад, вы окружены! — прозвучал крик, эхом отразившийся в древнем городе. — Вы обвиняетесь в убийстве! Выходите медленно с поднятыми руками, и вам не причинят вреда!

Он узнал этот голос. Это Лемье. После убийства в Монте-Карло прославленный инспектор французской полиции несколько раз давал интервью на разных каналах, и его занудный и высокомерный голос отпечатался в памяти Марвана. Но он не собирается сдаваться Лемье. Поступить так означало бы верную смерть, в этом у него нет сомнения.

Сидя в темноте, он стал искать в карманах телефон. Может быть, он сможет дозвониться Рами. Брат вряд ли сможет ему чем-то помочь сейчас, но хотя бы ему можно сообщить, что сейчас произойдет. Но телефона не было, и Марван понял, что оставил его в чемодане в квартире Нурув. *Как можно было быть таким дураком?* – он выругал себя.

Вместо телефона он нашел несколько сигарет с марихуаной и спички. Он помотал головой – один вид их вызывал у него неприятие. *Мог ли он предположить, что Иисус так изменит его жизнь?* Он не может найти этому объяснение, но сейчас это не имеет значения, подумал он. Скоро он увидит Иисуса лицом к лицу, и все спросит у Него.

Марван отбросил сигареты и, чирнув спичкой, стал осторожно продвигаться вглубь пещеры. Он увидел пустую бутылку от пепси-колы и фантики от конфет. Наверное, дети использовали эту пещеру для своих игр. Спичка погасла и обожгла ему пальцы.

– Марван Аккад, это последнее предупреждение! – снова крикнул Лемье. Но в этот раз его голос прозвучал значительно ближе. Француз был уже не внизу, у театра, а в одной из гробниц. – Выходите немедленно, в противном случае вы будете убиты. У вас нет выхода. Я даю вам десять секунд.

Марван не обратил внимания на угрозу.

– Десять... девять... восемь...

Марван зажег еще одну спичку и продолжил исследование пещеры.

– Семь... шесть...

Лемье прав. Выхода нет. И времени тоже нет.

– Пять... четыре...

Марван задул спичку и присел за большим камнем у входа в пещеру, от резкой боли сжав зубы. Он не питал иллюзий относительно того, что должно было произойти. Но он решил, что не сдастся без боя.

— Три... два... один. Ну что ж, Марван Аккад, у вас была возможность...

Двое из людей Лемье ворвались в пещеру, стреляя из автоматов. Пещера наполнилась дымом, а ее заднюю стену изрешетили пули. Марван прижался к земле, ожидая конца. Но конец не наступил.

— Где он? — спросил один из нападавших, вставляя новый магазин.

— Понятия не имею, — ответил другой, вынимая магазин из своего автомата.

У Марвана появился шанс, и он его использовал. Когда первый проходил мимо камня, он схватил его за ноги и резко дернул. Потеряв равновесие, тот упал.

Не дав ему времени прийти в себя, Марван схватил его АК-47 и нанес нападавшему удар в лицо. Перекатившись, он выпустил две короткие очереди во второго, так и не дав ему перезарядить оружие.

За несколько секунд он захватил оружие и инициативу. Он проверил пульс у лежащего рядом человека. Его лицо и голова были в крови. Насколько Марван мог определить в темноте, у него был сломан нос и было сотрясение мозга, но он дышал, он будет жить.

Марван подполз ко второму. Тот корчился от боли. Еще вчера Марван просто пристрелил бы его. Сейчас же сама мысль об этом вызвала у него отвращение. Если бы мог, Марван оказал бы ему медицинскую помощь. Он предупредил раненого, чтобы тот молчал. Предупреждение подействовало.

И что теперь? – подумал Марван. Остаются еще трое или четверо, Лемье в том числе.

– Что там? – крикнул Лемье. – Он мертв?

– Нет! – крикнул Марван в ответ.

Не раздумывая, он перебросил ремень автомата через шею, выскочил из пещеры и так быстро, как только мог, перешел вдоль стены ущелья к ступеням, которые вели наверх.

Началась стрельба. Сердце выскакивало из груди, и каждый его удар отдавался в голове. Левую ногу, в которой где-то под коленом сидела пуля, жгло как огнем. Но он четко осознавал свою задачу. Он должен отвести Лемье и его банду как можно дальше от Далии и ее семьи. И чего бы это ему не стоило, он это сделает.

Марван поднимался по ступеням наверх, бросаясь то вправо, то влево. Стрельба не прекращалась. И когда он добрался до верха, он почувствовал, как боль пронзила его правое плечо. Сила удара была такова, что он не удержался на ногах. Он упал лицом вниз, и все силы оставили его.

Пытаясь сделать вдох, корчась от боли, Марван потрогал рану. Левая рука тут же оказалась в крови. Он пополз к укрытию, стараясь добраться до кучи камней неподалеку. Но он слышал, что его догоняют.

В последний момент он смог перевернуться и, выровняв автомат, сделал три короткие очереди, которые поразили двоих из преследователей. Один упал назад, и Марван услышал, как он полетел с высоты вниз. Второй упал прямо перед Марваном. Он молчал и не шевелился. Марван почувствовал тошноту. Он не хотел никого убивать. Он не хотел никому причинить вред. Но ведь это самозащита? Человек же должен защищать себя от убийц?

Скоро здесь будут остальные. Напрягая все силы, он дополз до камней и укрылся за ними. И стал ждать. Снизу доносились какие-то звуки. Он даже слышал сирены вдалеке. Но звуки не становились громче. Они становились все тише. А веки были все тяжелее. Картина перед глазами расплывалась. Он был близок к шоку, но не мог ничего с этим поделать.

Вдруг наступила темнота. Он отключился. Он не знал, насколько. И вот он снова пришел в себя, и открыл глаза. Он снова был наготове. И тут он замер — не более чем за три метра от него стоял Лемье, и в руках у него был пистолет с глушителем, нацеленный ему в голову.

Не раздумывая, Марван нажал на спусковой крючок автомата. Но ничего не произошло. Он нажал опять, и снова ничего не произошло. Автомат или заклинило, или магазин был пуст. Но, в любом случае, ему конец. Из ноги и плеча продолжала течь кровь. Он с трудом мог дышать, и едва не отключился. Он совершенно беспомощен — перед ним стоит человек, который собирается его убить.

— Перед нами, никак, знаменитый Марван Аккад, — сказал Лемье.

Марван ничего не ответил, и Лемье продолжал говорить.

— Может быть, вы положите автомат, чтобы вам ничего не взбрело в голову?

Марван подчинился.

— Вот и хорошо, теперь мы можем поговорить, — сказал Лемье.

— Поговорить? Вы хотите поговорить? — удивился Марван. — Ладно. Почему вы это сделали, инспектор? Как вы могли объединиться с Клодетт, чтобы убить Рафика Рэмзи, его единственную дочь и всех, кто оказывался у вас на пути? Разве вы не давали клятву ловить преступников, а не сотрудничать с ними?

— Стану я отчитываться перед такими, как вы, мистер Аккад, — засмеялся Лемье.

— После всего, через что вы заставили меня пройти, — возразил Марван, — я имею право узнать правду перед тем, как вы убьете меня.

Лемье презрительно фыркнул.

— Я заставил пройти вас? — спросил он. — Вы шутите! Вы поступили глупо, Марван Аккад, — не нужно было становиться на моем пути. У меня был прекрасный план и прекрасное прикрытие. Кто заподозрит следователя,

расследующего преступление? Никто. Но нужно было вмешаться вам!

– Вас поймают, Лемье, – сказал Марван.

– Посмотрим, – ответил Лемье.

И когда он это произнес, на вершину поднялись еще двое его людей и направили оружие на Марвана.

— **В**се, что известно мне, известно и моему брату, — сказал Марван. — Сейчас, когда мы разговариваем, его люди находятся в Бразилии и ищут Клодетт Рэмзи. И когда они найдут ее, вам конец.

— Ваш брат в тюрьме, — сказал Лемье. — А Клодетт надежно спрятана. И на самом деле, мистер Аккад, конец вам.

— Я не думаю...

— Молчать! Хватит! Я достаточно слушал вас, Марван Аккад. А сейчас — лицом вниз и руки за спину!

— Нет, — сказал Марван.

— Выполняйте! — приказал Лемье.

— И вы расстреляете меня в затылок? Нет, инспектор. Раздраженный, Лемье кивнул одному из своих людей. Тот пнул Марвана несколько раз в бок и в голову и перевернул его лицом вниз. Марван застонал от боли. Он едва мог дышать. Он хотел помолиться. Он знал, что это конец, но не мог произнести ни слова.

Лемье подошел и, став прямо над ним, направил пистолет ему в затылок.

— Прощайте, Марван Аккад, — сказал он. — До встречи в аду.

Марван повернул голову. Он видел, что Лемье вот-вот спустит курок.

Но тут он услышал шум, и сильный порыв ветра поднял пыль. Все повернулись — над скалой висел вертолет с инспектором Годдаром и Рами Аккадом на борту.

— Опустите оружие, инспектор Лемье! — крикнул Годдар в громкоговоритель. — Все опустите оружие! Мне

все известно, инспектор. Мои люди задержали Клодетт Рэмзи в Сан-Паулу, и она во всем созналась. Нам известна ваша роль в вымогательстве и в убийствах, и мы знаем, что вы пытались подставить Марвана Аккада. Результаты баллистической экспертизы показывают, что это вы убили Ранию Фаваз и ее соседку в Касабланке. Все кончено, инспектор. Опустите оружие, и никто не пострадает.

Люди Лемье бросили оружие на землю и подняли руки. Но Лемье не подчинился. Он попытался защитить глаза от пыли, а когда Годдар потребовал, чтобы он бросил оружие немедленно, стал стрелять по вертолету.

Пилот сделал вираж влево, вправо, а затем поднялся выше, уходя от пуль. Но Лемье продолжал стрелять, пока в обойме оставались патроны. Одна из пуль попала в ветровое стекло, и вертолет стал терять высоту. Пилоту удалось выровнять машину, и вертолет снова поднялся выше. Лемье стал перезаряжать пистолет.

У Марвана опять появился шанс. Он забыл о своей боли. Он думал о Далии, о ее семье, о своем брате, который прилетел ему на выручку.

Вскочив, Марван бросился на Лемье. Пистолет выпал у того из руки и, ударяясь о камни, полетел вниз со скалы. Марван наносил Лемье удары в живот и в лицо, но Лемье, собравшись с силами, пнул его ногой в колено. Взвыв от боли, Марван упал. В тот же момент Лемье навалился на него и, схватив за горло, стал душить. Марван чувствовал, как с каждой секундой из него уходит жизнь.

Один из подручных Лемье потянулся за своим пистолетом, но раздались три выстрела, и он растянулся на земле. Удивившись выстрелам, Лемье оглянулся, чтобы посмотреть, кто стрелял. Посмотрел и Марван. Стрелял Годдар из вертолета, и теперь из своей винтовки он целился в голову Лемье.

Воспользовавшись замешательством Лемье, Марван здоровой ногой пнул француза в пах и освободился из его рук. Ситуация изменилась. Марван повернул Лемье лицом вниз и нажал ему на спину коленом, как его учили в военной школе в Ливане. Лемье был обездвижен и не

мог пошевелиться. Теперь он был в руках Марвана, и эти руки сжимали его шею.

Марван не ослаблял хватку. Лемье пытался сделать вдох, но не мог. Его лицо покраснело, а затем посинело, но Марван не отпускал его.

– Марван, не надо, пожалуйста!

Он был поражен. Это была Далия.

Она медленно шла к нему, в глазах ее были слезы.

– Марван, пожалуйста, это неправильно, – сказала она.

Вертолет сел. Рами выпрыгнул первым и подбежал к ним. Через какое-то время рядом был и пастор Нур и миссис Нур.

Годдар тем временем одел наручники на подчиненного Лемье и посадил его в вертолет. Теперь он подошел к Марвану.

– Могу вас заверить, мистер Аккад, что всю оставшуюся жизнь этот человек проведет в тюрьме, – сказал Годдар. – Не только за это, но за все совершенные им преступления. Я этого добьюсь, даю вам слово.

Сердце Марвана выскакивало из груди. Его руки все еще сжимали шею Лемье, и тот почти потерял сознание. Марван посмотрел на своего брата, на Нуру, а затем – в глаза Далии. Она молчала, но ее глаза умоляли его поступить правильно.

Так он и сделал.

Он разжал руки, встал и передал Лемье Годдару.

И Далия бросилась к Марвану в объятия.

Ему предстоит многому научиться и от многого отвыкнуть. Много нужно рассказать Далии, ее родителям и Рами, и у них есть что рассказать ему. И самое главное, понял Марван, пастор Нур был прав. Теперь он новый человек, у него новая жизнь, и он просто будет делать шаг за шагом. Он был свидетелем ужасных убийств. А теперь он – свидетель великой любви, любви его Спасителя и Господа Иисуса Христа.

Марван Аккад не знает, что его ждет в будущем. Он не знает, как должным образом следовать за Иисусом и как

любить Далию так, как она этого заслуживает. Но одно он знает точно: он начнет делать это прямо сейчас.

1 Пс. 102:11-13.

2 Екк. 3:11,14.

3 Пс. 13:1; 52:2.

4 Иер. 31:3.

5 Ин. 10:10.

6 Ин. 3:16.

7 Ин. 10:30.

8 Ин. 8:19.

9 Ин. 12:45.

10 Ин. 11:25-27.

11 Ин. 10:31-33.

12 Мф. 4:23-25.

13 Мф. 15:21.

14 Ин. 1:1.

15 Ин. 1:14.

16 Мф. 5:21-22.

17 Мф. 5:43-46.

18 Мф. 5:48.

19 Ин. 19:1-3.

20 Ин. 19:16-18.

21 Ин. 19:25-30.

22 Ин. 19:41 – 20:2.

23 Ин. 20:3-7.

24 Ин. 20:19-20.

25 Ин. 20:30-31.

26 2 Петр. 1:16.

27 Деян. 2:36.

28 Ин. 20:28.

29 Откр. 12:6,14.

30 Деян. 2:22.

31 Джош Мак-Дауэлл. Не просто плотник. – М.: Изд-во «Остожье», 1992. – С. 42–43.

32 1 Ин. 1:1-3.

33 2 Тим. 3:16.

- 34 2 Петр. 1:21.
- 35 Ин. 14:6.
- 36 Откр. 22:19.
- 37 Мф. 24:35.
- 38 Откр. 3:20.
- 39 Евр. 13:5.
- 40 Пс. 102:12.
- 41 Иер. 31:34.
- 42 1 Ин. 1:9.

СВИДЕТЕЛЬ

Он оказался свидетелем убийств, похищений и вымогательства. Их совершили те, кто сделал преступление своей профессией. Желая избавиться от него, они представляют дело так, что именно он стоит за ужасными преступлениями. Они делают из него главного подозреваемого. Ему остается только бежать, но враги неотступно следуют за ним через границы шести государств Европы, Северной Африки и Ближнего Востока.

Он хочет спрятаться, уйти в тень, но во тьму проникает свет, раскрывая то, что прежде для него было окутано тайной, и ему открывается истина.

Все действующие лица и события в книге вымышлены автором.